

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

№ 12 (199) ЧЕРВЕНЬ

ТОМ 2

2010

2010 червень № 12 (199) том 2

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

СОЦІОЛОГІЧНІ НАУКИ

ЧАСТИНА I

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441-3412ПР, видане
Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Рекомендовано до друку
на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 12 від 25 червня 2010 року)

Виходить двічі на рік

Засновник і видавець –
Луганський національний університет імені Тараса Шевченка

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор – доктор педагогічних наук, професор **Курило В. С.**

Заступник головного редактора –

доктор педагогічних наук, професор **Савченко С. В.**

Випускаючі редактори –

доктор історичних наук, професор **Бур'ян М. С.,**

доктор медичних наук, професор **Виноградов О. А.,**

доктор філологічних наук, професор **Галич О. А.,**

доктор педагогічних наук, професор **Горошкіна О. М.,**

доктор сільськогосподарських наук, професор **Конопля М. І.,**

доктор філологічних наук, професор **Синельникова Л. М.,**

доктор педагогічних наук, професор **Харченко С. Я.**

Редакційна колегія серії «Соціологічні науки»:

Головний редактор –

Кононов І. Ф., доктор

соціологічних наук, професор

Заступники

головного редактора –

Хобта С. В., кандидат

соціологічних наук, доцент

Лебідь Л. І., кандидат

соціологічних наук, старший

викладач

доктор соціологічних наук, професор **Кущенко О. Д.**

доктор соціологічних наук, професор **Рущенко І. П.,**

доктор соціологічних наук, професор **Сокурянська Л. Г.,**

доктор соціологічних наук, професор **Катаєв С. Л.,**

доктор соціологічних наук, доцент **Коваліско Н. В.,**

доктор філософських наук, професор **Лобас В. Х.,**

доктор філософських наук, професор **Гаврилов М. І.,**

кандидат соціологічних наук, доцент **Каменська Т. Г.,**

кандидат соціологічних наук, доцент **Барматова С. П.**

РЕДАКЦІЙНІ ВИМОГИ

до технічного оформлення статей

Редколегія “Вісника” приймає статті обсягом 4 – 5 сторінок через 1 інтервал, повністю підготовлених до друку. Статті подаються надрукованими на папері в одному примірнику з додатком диска. Набір тексту здійснюється у форматі Microsoft Word (*.doc, *.rtf) шрифтом № 12 (Times New Roman) на папері формату А-4; усі поля (верхнє, нижнє, правє й лівє) — 3,8 см; верхній колонтитул — 1,25 см, нижній — 3,2 см.

У верхньому колонтитулі зазначається: Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № ** (***) , 2010.

Інформація про УДК розташовується у верхньому лівому кутку без відступів (шрифт нежирний). Ініціали і прізвище автора вказуються в лівому верхньому кутку (через рядок від УДК) з відступом 1,5 см (відступ першого рядка), шрифт жирний. Назва статті друкується через рядок великими літерами (шрифт жирний).

Зміст статті викладається за планом: постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання цієї проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується ця стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з певним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з цього дослідження й перспективи подальших розвідок у цьому напрямку. Усі перелічені елементи повинні бути стилістично представлені в тексті, але графічно виділяти їх не треба.

Посилання на цитовані джерела подаються в квадратних дужках після цитати. Перша цифра — номер джерела в списку літератури, який додається до статті, друга — номер сторінки, наприклад: [1, с. 21] або [1, с. 21; 2, с. 13–14]. Бібліографія і при необхідності примітки подаються в кінці статті після слова „Література” або після слів „Література і примітки” (без двокрапки) у порядку цитування й оформляються відповідно до загальноприйнятих бібліографічних вимог. Бібліографічні джерела подаються підряд, без відокремлення абзацем; ім'я автора праці (або перше слово її назви) виділяється жирним шрифтом.

Статтю закінчують 3 анотації обсягом 3 – 4 рядків українською, російською та англійською мовами із зазначенням прізвища, ім'я та по-батькові автора, назви статті та ключовими словами (3 – 5 термінів).

Стаття повинна супроводжуватися рецензією провідного фахівця (доктора, професора).

На окремому аркуші подається довідка про автора (прізвище, ім'я, по батькові; місце роботи, посада, звання, учений ступінь; адреса навчального закладу, кафедри; домашня адреса; номери телефонів (службовий, домашній, мобільний).

ЗМІСТ

ДРУГИЙ МОДЕРН ЯК ТИП СУСПІЛЬСТВА: ТЕОРІЯ, МЕТОДОЛОГІЯ ТА ОКРЕМІ РЕЗУЛЬТАТИ АНАЛІЗУ

1. **Бабосов Е. М.** Инновационная стратегия управления в условиях Второго модерна..... 5
2. **Каменская Т. Г.** Информационное общество и общество знания..... 12
3. **Катаєв С. Л.** Сакральна соціологія суспільства Другого модерну..... 19
4. **Кузьмин Н. Н.** Историческая память в различных типах обществ..... 24
5. **Лобас В. Х.** Раціоналізм в умовах Другого модерну..... 35
6. **Молодцов Б. И.** О специфике рефлексивного выражения надэмпирической определённости экономического общественного единства..... 42
7. **Попов В. Б.** Проблема многомерности в нелинейных процессах: попытка концептуального осмысления в научной литературе..... 53
8. **Тягнибедина О. С.** Миро-системный анализ И. Валлерстайна – нетрадиционная концепция социальной реальности..... 63
9. **Чантурия А. В.** Гламур и фэйк: постсоветские страны в контексте глобального общества потребления..... 73

ТРАНСФОРМАЦІЙНИЙ ДОСВІД УКРАЇНИ, РОСІЇ ТА БІЛОРУСІ: СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ ПІДСУМКИ ПОСТРАДІАНСЬКОГО ПЕРІОДУ

10. **Кононов И. Ф.** Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей..... 84
11. **Лебедь Л. И.** Трансформация социальной структуры в постсоветских странах (на примере России, Украины, Беларуси)..... 108
12. **Уколова А. А.** Аналіз соціально-професійної структури зайнятого населення України, Росії та Білорусі в умовах суспільства Другого модерну..... 118
13. **Хобта С. В.** Украинско-российская граница: демаркация и перспективы ее восприятия населением приграничных территорий..... 125
14. **Цыбульская Н. В.** Культура управленческого общения в экономической сфере: постсоциалистическая трансформация..... 137

**ЕТНІЧНІ ТА ДЕМОГРАФІЧНІ ПРОБЛЕМИ
ПОСТРАДЯНСЬКОГО РОЗВИТКУ
УКРАЇНИ, РОСІЇ ТА БІЛОРУСІ**

15.	Воропаєва Т. С. Українці та росіяни в контексті ментальних та ідентифікаційних характеристик.....	147
16.	Гордеева Н. О. Социально-демографические изменения в Украине конца 20 – начала 21 в. как показатель дисфункции института семьи.....	156
17.	Злотников А. Г. Тенденции современного демографического развития Беларуси.....	177
18.	Маслихин А. В. Общесоциологические закономерности взаимодействия целого и части в развитии наций.....	189
	Відомості про авторів	197

ДРУГИЙ МОДЕРН ЯК ТИП СУСПІЛЬСТВА: ТЕОРІЯ, МЕТОДОЛОГІЯ ТА ОКРЕМІ РЕЗУЛЬТАТИ АНАЛІЗУ

УДК 316.334.2:005

Бабосов Е. М.

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВТОРОГО МОДЕРНА

Самая характерная особенность общества Второго модерна заключается в том, что его базисом становится креативная экономика, или экономика знаний. В процессе ее становления и развития происходит коренной сдвиг от управления материальными ресурсами и активами к управлению главным образом нематериальными активами организаций и предприятий. В качестве таких нематериальных активов выступают: взаимоотношения с клиентами, информационные технологии, инновационные идеи и способы их практической реализации, но главным образом – способности организации и осуществления управления, мотивации персонала. Разумеется, значимость материальность ресурсов (оборудование, технологические системы и т.п.) не отменяется, но они подвергаются инновационным трансформациям. В результате возникают новые, инновационные стратегии управления, соответствующие требованиям информационной эпохи.

Инновационная стратегия управления – это основанный на генерировании новых идей, принципов и методов, процесс предвидения наиболее вероятных изменений и будущих тенденций данной социальной системы (организации), формирования ее целей, определения необходимых ресурсов для их достижения, поддержание таких взаимоотношений с внешней средой, которые позволяют добиваться поставленных целей. Принципы, основания и параметры инновационной стратегии опираются на современную методологию теории систем, синергетику, инноватику, теорию конфликтов и катастроф, построение многовариантных сценариев возможных тенденций социально-политического, социально-культурного и экономического развития.

Поскольку в последнее время появилось немало упрощенных представлений в философской, социологической, экономической литературе о сущности инноваций в развития общества, в которых инновация трактуется как результат внедрения новшеств для получения экономического, социального или другого эффекта, воплощенного в новых товарах и услугах, постольку возникает потребность в таком философско-социологическом понимании рассматриваемого феномена, которое позволяет интерпретировать инновацию в более широком социальном контексте. По нашему мнению, инновация представляет собой основанное на новых идеях и научных знаниях создание новых

технологий и технических новшеств, их воплощение в новых видах товарной продукции и услуг, способствующее росту их эффективности и удовлетворения различных запросов потребителей, а также совершенствованию социальных процессов.

Такая трактовка дает возможность выделить основные отличительные черты инновации. Они изображены на рис.1.

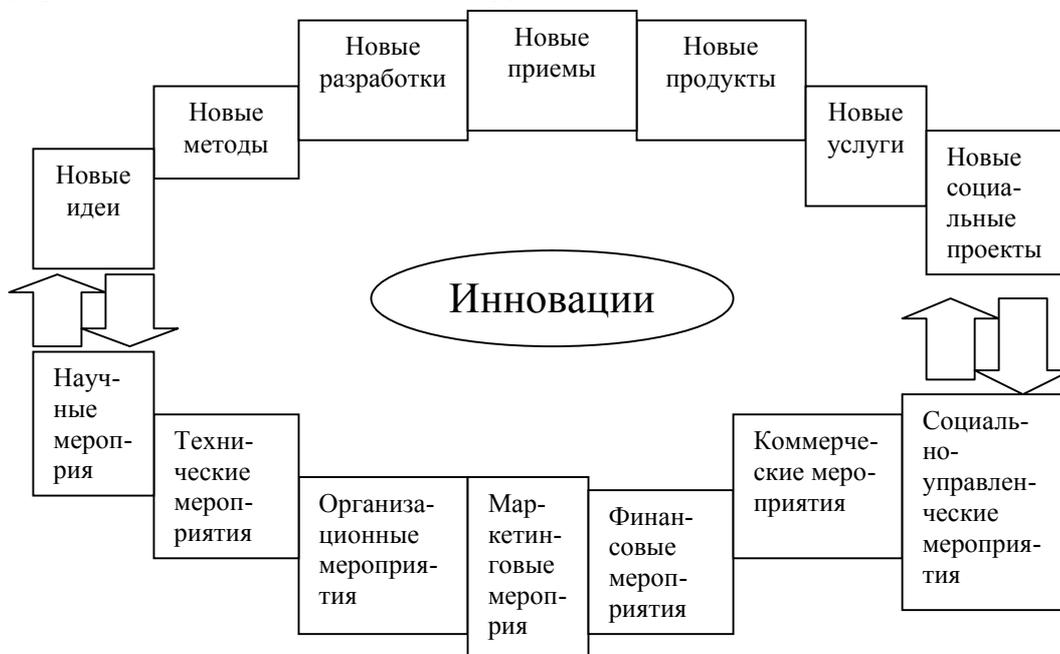

Рис.1. Отличительные черты инновационного процесса

Процесс создания и распространения инновации обладает довольно сложной структурой, основные компоненты которой изображены на рис. 2.

На схеме отчетливо видно, что исходным началом любой инновации всегда является новая идея. Но, создавая необходимые предпосылки для появления и практической реализации тех или иных новшеств в определенной сфере деятельности – научной, производственной, образовательной, коммерческой и т.п., – идея сама по себе, без сопровождающих ее разработок новых методов, технологий, приемов активных практических действий, не в состоянии привести к возникновению новых видов продукции и услуг. Чтобы создать

конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень наукоемкости и новизны, или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, новая идея должна трансформироваться в целый ряд взаимосвязанных компонентов инновационной деятельности, изображенных на рис. 2 (верхняя дуга). А для практической реализации всех этих компонентов необходим определенный набор эффективно и последовательно осуществляемых мероприятий, изображенных на нижней дуге рис. 2. Из этого вытекает, что инновация представляет собой основанное на научных знаниях создание новых технологий, видов товарной продукции и услуг, способствующее росту их эффективности. Основным источником инновационной деятельности является возникновение новых научных, технологических, инженерно–конструкторских, организационных и других идей, воплощаемых в новые методы, в новые разработки, приемы трудовой деятельности, в новые продукты и услуги, ориентированные на удовлетворение различных потребностей. А чтобы эта деятельность привела к желаемому результату, необходима эффективная управленческая деятельность, базирующаяся на социальной инноватике.

Рис. 2. Модель основных компонентов инновационной деятельности

На представленной схеме инновационный процесс изображен в виде двух сходящихся в его начальном и конечном пунктах дуг без каких–либо зигзагов и флуктуаций. Но данная модель, как и всякая другая теоретическая модель, выделяя основные характеристики рассматриваемого процесса и отвлекаясь от его деталей, значительно

упрощает его. К тому же внимательное рассмотрение данной модели убеждает, что при решающей изначальной роли в инновационной деятельности творческой научной элиты и инженерно–технических работников, прежде всего, конструкторского персонала, она не может воплотиться в реальную высокоэффективную продукцию либо в услуги помимо и без активной включенности в нее менеджеров (управленцев), предпринимателей (включая фермеров), рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, т.е. без всех категорий экономически активных социальных групп.

Итак, исходным началом инновационной деятельности, как правило, выступает научная, техническая либо управленческая идея. Но это не означает, что научно–исследовательская деятельность важна только в начале инновационного процесса. Дело в том, что настоящий инноватор должен быть готов в любой момент и на любом этапе инновационной деятельности к мобилизации всех наличных ресурсов. И после того, как ему удалось продвинуть на рынок конечный результат инновационной деятельности – новый продукт или новую услугу, его активность должна не снижаться, а возрастать на всех этапах и во всех звеньях развертывания инновационной цепи. Обращая на эту сторону дела самое пристальное внимание, П. Друкер подчеркивает: «После того, как инновация найдет свое практическое применение и будет получен желаемый результат, бюджет на выполнение научно–исследовательских работ придется удвоить, если не утроить. Придется искать новые области использования инновационного продукта» [1, с. 202].

При этом необходимо иметь в виду, что инновационная деятельность в своем содержательном наполнении представляет собой комплексный процесс создания, распространения и практического использования различных новшеств (нововведений) для удовлетворения социальных потребностей, изменяющихся под воздействием социально–экономических перемен или вновь возникающих в процессе развития общества. Вполне понятно, что столь сложный процесс целенаправленной творческой деятельности, ориентированной на качественно новый результат (товар, услугу и т.п.), нуждается в научно обоснованном управлении. Такое управление может быть эффективным в том случае, когда учитывается разнообразие социальных статусов и позиций различных субъектов деятельности, включенных в данный процесс. А это предполагает разработку структурно–деятельностной модели инновационной деятельности. Ее архитектура изображена на рис. 3.

Рис. 3. Структурно-деятельностная модель инновационной деятельности

Пять взаимосвязанных компонентов данной модели могут быть содержательно интерпретированы следующим образом. Под инновацией (новшеством) понимается возникновение новых, ранее не существовавших идей, открытий, способов и результатов деятельности людей, приводящих к созданию и реализации новых технологий, новых продуктов (товаров) и услуг, ориентированных на удовлетворение различных потребностей. Новаторы – это люди, создающие новшества, – ученые, конструкторы, инженеры, композиторы, писатели и т.д. В качестве распространителей нововведений выступают ученики первооткрывателей, их последователи, а также лаборатории, конструкторское бюро, предприятия, фирмы и т.д., создающие опытные образцы новых товаров и услуг. Оценителями в этом процессе являются руководители организаций и ведомств, эксперты, испытатели и т.п. Завершающим этапом каждого цикла инновационного процесса выступает практическая деятельность людей, осуществляющих массовое

производство нововведений и их доставку потребителям. Чтобы многогранная, а в сущности своей инновационная, деятельность этих различных групп работников приводила к желаемому результату – устойчивому развитию предприятия, отрасли или страны в целом, нужна научно обоснованная, рационально организованная и эффективная (разумеется, инновационная по своему характеру и направленности) управленческая деятельность.

Все изложенное позволяет сделать вывод, согласно которому инновационная деятельность представляет собой многогранный, многокомпонентный процесс, включающий в себя семь взаимосвязанных элементов. Они изображены на схеме 4.

Схема 4. Структурная архитектура инновационного процесса

Представленная на схеме 4 структурная матрица инновационного процесса является инвариантной конфигурацией такого процесса, не зависящей от конкретных его проявлений в той или иной сфере общественной жизни. Однако в реальной действительности

інноваційний процес, скажем, в сфері науки протікає з певними особливостями, що відрізняють його від інноваційного процесу в системі освіти чи в сфері матеріального виробництва. Цим в значній мірі систематизовані особливості інноваційної стратегії управління в різних сферах життєдіяльності суспільства Другого модерну.

Позитивно оцінюючи ці та інші інноваційні перетворення в системі соціальної освіти, разом з тим доводиться визнати, що поки ще ми не можемо утвердити, що в цій важливій соціальній сфері забезпечується *системна* інноваційність.

Щоб досягти цієї мети, необхідно ґрунтувати освітні інновації не тільки на врахуванні змінюваних потреб сучасного інноваційного розвитку білоруського, українського та російського суспільств та нових світових тенденцій у трансформації освітніх систем, а й на всебічному врахуванні соціальних очікувань населення, здійснюваних на основі аналізу та узагальнення результатів чітко сформульованих соціологічних досліджень. Такий системний інноваційний підхід дозволить уникнути помилок, пов'язаних з недостатнім врахуванням соціологічної інформації, експертних оцінок та думок та настроїв учасників, студентів, їхніх батьків та цих організацій, підприємств, фірм, які виконують замовлення на працевлаштування випускників вузів. В такому випадку інновації будуть спрямовані на зміцнення освітнього потенціалу країни, підвищення конкурентоспроможності вітчизняної освіти та її випускників на світових економічних та соціально-освітніх ринках.

Література

1. Бабосов Е. М. Інноваційний менеджмент та його конструктивна роль в умовах фінансово-економічного кризи / Е.М. Бабосов. Соціологія управління: посібник для студентів вузів. – Мінськ: Тетра-Системс, 2010. – 272 с. **2. Друкер П.Ф.** Енциклопедія менеджменту / П.Ф. Друкер. – М., СПб., Київ, 2004.

Бабосов Є. М. Інноваційна стратегія управління в умовах Другого модерну

Суспільства Другого модерну розглядаються через призму інновацій. Інноваційна діяльність є ознакою економіки знань і пронизує всі інші підсистеми суспільного життя Другого модерну. Пропонується інваріантна структурна матриця інноваційного процесу, яка не залежить від конкретних його проявів в тій чи іншій сфері суспільного життя.

Ключові слова: інновація, інноватор, інноваційна діяльність, інноваційна стратегія, Другий модерн, економіка знання.

Бабосов Е. М. Инновационная стратегия управления в условиях второго модерна

Общества Второго модерна рассматриваются через призму инноваций. Инновационная деятельность является признаком экономики знаний и пронизывает все остальные подсистемы общественной жизни Второго модерна. Предлагается инвариантная структурная матрица инновационного процесса, не зависящей от конкретных его проявлений в той или иной сфере общественной жизни.

Ключевые слова: инновация, инноватор, инновационная деятельность, инновационная стратегия, Второй модерн, экономика знаний

Babosov E. M. Innovative management strategy under conditions of the Second modern.

Societies of the Second modern are considered through the prism of innovations. Innovative activity is a sign of knowledge economics and it runs through the rest of sub-systems of the social life of the Second modern. Here is offered invariant structural matrix of the innovation process, which does not depend on its manifestations in any sphere of social life.

Key words: innovation, innovator, innovation activity, innovative strategy, Second modern, knowledge economy.

УДК 316.3(477)

Каменская Т. Г.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
И ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ**

Обозначение современного общества через понятия, связанные с информацией и со знанием начали постиндустриалисты, среди которых выделяются Д. Белл, Ф. Махлуп, Й. Масуда, П. Дракер и др. В частности, Д. Белл и П. Дракер писали как об информационном обществе, так и обществе знания. И сегодня мы можем наблюдать, как одновременно по отношению к современным процессам и явлениям используются обозначения, отражающие специфику информационного общества и общества знаний. Можно ли говорить о синонимичности этих названий или в них отражены различные свойства общественной организации? Уяснение данного соответствия или несоответствия и является основной задачей настоящей исследовательской работы.

Американский политик Альберт Гор в работе «Земля на чаше весов» (1992 г.) обратился к иудео-христианским источникам информации. По его мнению, фраза «в начале было Слово» отражает энергетическую сущность информации, с которой все началось. А язык,

по его мнению, был первой информационной технологией [1, с. 569]. В 50-е годы XX столетия исследователи начали обобщать цивилизационные достижения и пришли к тому, что современное социальное взаимодействие строится преимущественно на коммуникациях, на обмене человеческими ресурсами, к которым относится и информация. От информации и информированности участников коммуникативных процессов, согласно теории информационного общества, зависит эффективность, полнота и глубина взаимодействия. Достижения в сфере компьютерной техники позволили для этого преодолеть пространственные и языковые барьеры.

Теоретики информационного общества отождествляли информацию и знание. Ими были разработаны прогнозы развития информационного общества, которые практически не подтвердились. Главная причина «пробуксовки» этих прогнозов, на наш взгляд, кроется в том, что основатели и сторонники информационных теорий «сделали ставку» на информацию, в то время как существенная роль в социальной организации принадлежит непосредственно знанию.

Увлеченность достижениями в компьютерной технике и технологиях отвлекла внимание исследователей от того факта, что за словом «информация» кроется именно коммуникация, а не знание. Даже компетентность не является знанием, а информированный человек – это скорее не тот, кто больше знает, а тот, кто чаще замечен в каких-либо коммуникациях.

Для более конкретного различения сущностных характеристик информационного общества и общества знания обратимся к различениям на уровне понятий «информация» и «знание». «Очень часто термин «информация» употребляется как синоним знанию» [2]. В исследованиях информации А.Д. Урсулом отмечается, что различные формы движения обеспечиваются информацией: ее передачей, объективацией [3]. Наряду с материей и энергией информацию относят к трем основам мироздания [4] – это код различных материальных и нематериальных образований в мире. Информацию сравнивают и с самой энергией [4, с. 16]. В материалистической философии информация служила прообразом истины. Дифференцированный подход к информации В. Агеева заключается в том, чтобы рассматривать ее как истину и как социально преобразованную истину. Он выделяет информацию, «объективно существующую в природе», и «социальную информацию». Социальная информация – это объективно существующая в природе информация, которая трансформировалась в сознательно организованную в процессе социального отражения и с помощью средств общественно-практической деятельности и коммуникаций [5, с. 97].

Д.И. Блюменау приводит десять отличий знания от информации. В качестве родового он берет термин «сведения». И тогда «знание – это систематизированные, упорядоченные, устоявшиеся «сведения», а информация такими свойствами не обладает». «Знания – это сведения,

которыми обладает субъект; информация – все то, что так или иначе зафиксировано в знаковой форме». «Информация – все то, что поступает в наш мозг из многих источников и во многих формах и, взаимодействуя там, образует нашу структуру знания» [4, с. 20–21]. Есть у него и другие сопоставления, которые мы сейчас рассматривать не будем. С нашей точки зрения, знание также определяется как референт сознания, присущего мыслящему индивиду и наделяющего индивида способностями, возможностями в силу того, что оно (знание) является продуктом отбора истины, истинных сведений. Знание – обладание индивидом на уровне сознания некими психоэнергетическими свойствами, позволяющими трансформировать их с помощью ситуации или дополнительных средств (технологий, техники) в благо в самом широком смысле этого слова.

Однако, как известно, на распределении различного рода благ строится социальная иерархия. Знание как социальное благо постепенно занимает место среди базовых факторов, определяющих положение индивидов или групп в социальной иерархии (власть, престиж профессии, доход, собственность). В античную эпоху и Средневековье люди, обладавшие знаниями (как правило, прикладного характера), получали определенные привилегии. Но факт обладания знаниями в те времена практически был неподвластным человеку. Русское слово «призвание», немецкое слово «Der Beruf» – профессия-призвание (от слова rufen – звать) своей семантикой свидетельствуют о специфическом механизме проникновения знания-мастерства в жизнь людей, в котором осуществлялся принцип призыва человека к деятельности, одаренности его от рождения или наделенности талантом свыше. В истории человечества появлялись гениальные ученые, первооткрыватели, подобные Архимеду, Микеланджело, Ломоносову и др., яркий талант которых был свидетельством скорее того, как знание являет себя человечеству.

Длительное время (до конца Средневековья) знание было уделом интеллектуалов-одиночек. В эпоху Возрождения еще сохраняется авторитет индивидуального знания. Начиная с Нового времени (от Декарта), человечество обрело способность распоряжаться научным знанием. Позже, через воздействие на выработку значений, интерпретаций, формирующих практик, значительная часть знаний, принадлежащих человечеству, становится управляемой.

Распространяющееся на всю жизнедеятельность в обществе знание специфическим образом сказывается на социальном статусе индивидов. В отличие от других благ и преимуществ, оно обладает свойством быть сокрытым, непроявленным. Социальная ценность знания постоянно растет. На него распространяются рыночные законы: получения прибыли из знания, создания условий дефицита знания с возможностью эксплуатации его в виде интриг различного уровня,

внедрения знания в проекты, в техническое и социальное конструирование.

Знание из личного ресурса проецируется в социальные формы, и его социальная проявленность постоянно расширяется. Знание определено как результат фокусирования сознательной интенции в мышлении, выражающийся в интеллектуальной способности индивида оперировать различной информацией. Увеличение знаний, особенно о сущности человеческой личности и человеческого социума, превращает само знание в основной ресурс социальных преобразований и изменений. В ходе этих изменений, обусловленных знаниями, порождается новая система распределения знаний в обществе. Иными словами, при современном накоплении знаний создается удвоенный эффект: использование знания в социальной организации сказывается на знаниях различных социальных групп. Появляются группы людей, владеющие знаниями высокого уровня (научными, истинными), и группы людей, низкий уровень знаний которых позволяет использовать по отношению к ним технологии воздействия. Это уже напрямую затрагивает проблему свободы личности в современном обществе знания. Именно знание обеспечивает личности свободу в форме ее социального референта – самостоятельности. В то время как информация снижает уровень самостоятельности, вернее ограничивает личность при принятии решений (например, с точки зрения теории риска, информация как в недостаточном количестве, так и в избыточном, способствует повышению уровня энтропии, неуверенности).

Сознанию приписывают свободу как представители идеалистического мировоззрения, так и сторонники противоположной позиции – материалистической. Уяснив для себя с помощью сознания и из эмпирических ощущений конечность бытия, человек устремляется в сферы, находящиеся за пределами природного мира (Кант эту часть умопостигаемого метафизического мира называл интеллигбельным миром). Природа, а также социально-системные ограничения, через ощущения «несвободы» актуализируют работу сознания в направлении их преодоления. «Освобождение в сознании всегда предшествовало освобождению в действительности» [6, с. 118]. Против этого не могут возразить даже материалисты. С точки зрения же идеалистов, дух, как первопричина, проявляется последовательно. Идея (эйдос) свободы из сферы Абсолюта проникает в мысли. В мышлении человеку трудно отрешиться от абсолютной модели свободы. При попытках воплощения этих моделей в жизнь появляется свобода идей (находящихся между знанием и действиями и побуждающих к действиям), требующая свободы обсуждений, дискуссий и т. д.

С античных времен свободе противопоставляется природа, которая до научно-технического прогресса составляла основу действительности, реальности. Но природа противопоставляется и знанию (как референту сознания). Природу, как противовес личностной

свободе, постепенно заменяют системные свойства общественного устройства. Дюркгеймовские социальные факты выступают как внешнее принуждение для личности, способствующее сохранению общества как системы. С таких позиций освобождение от социальных системных норм рассматривалось европейскими мыслителями как путь к свободе через просвещение (через оснащение знаниями) личности.

Европейская культура выбирает направление на индивидуализм, хотя культивация в европейской культуре идей субъективной свободы рассматривалась еще в конце XIX столетия как кризисное явление. Ф. Тённис (1855–1936 гг.) предрекал замену общинного образа жизни на буржуазное общество с более автономной личностью, «значимыми ингредиентами» которого будут «ложь и сила» в условиях конкурентного соревнования. Этот прогноз Тенниса называли в Германии «некрологом европейской цивилизации» [7].

Представители русской философии (славянофилы) в «понятиях о личности», формирующейся в европейской культуре, выделяли следующие ее особенности: «культ личной свободы, произвол личности, эгоизм, склонность к бунту, самодовольство, гордость, самолюбие, рационализм, формализм знаний, власть анализа...» [8, с. 111–112]. Речь шла о том, что однополярная направленность на развитие свободы личности в Европе ведет к утрате личностью гуманитарных качеств, что приводит к подмене истинной свободы на «права», «вольности» и т. п.

Сторонники экзистенциализма рассматривают свободу как тождественную бытию. Но, как в бытии существует конфликт, так и в свободе коренится конфликт: «Свободен ли я, когда мои поступки и конституирование моей сущности связывают меня с другими людьми» [9, с. 147].

С укреплением капиталистических отношений вопросы свободы в европейской науке рассматриваются в следующих антиномических позициях: «свободы предпринимательства» и «моральной ответственности», «рыночной свободы» и «вмешательства государства», «взаимоинтеграции индивидов на основе разделения труда» и «свободы от вмешательства». Со временем свобод становится несколько, и они переходят в «права», «независимости», «вольности». Такое обращение со словами входит в состав «техники, применяемой сознательно или бессознательно для управления людьми». Когда «народу обещаются какие-то новые свободы», то это почти всегда делается для того, чтобы скрыть тот факт, что «свобода», как мы ее понимаем, уже нарушена...» [10, с. 120, 119].

В отдельных гуманитарных науках проблема свободы органично интегрирована в их предметную область. Политологическая наука исследует влияние на массы идей свободы; в педагогике рассматриваются вопросы «свободы» и «воспитания»; в социальной работе – «позитивная и негативная свобода» и «позитивная и негативная дискриминация» по отношению к объекту социальной работы. В

правовой сфере в последнее время особо актуальной становится проблема «свободы (права) на частную жизнь» и «безопасности государства».

В отраслях социологии проблемы свободы исследуются на уровне таких социологических категорий, как свобода выбора, самоопределение, самостоятельность, самодостаточность, автономность. Из этих категорий к социальному знанию прямое отношение имеет самостоятельность (самодостаточность и автономность в рамках данной работы рассматриваются как ее синонимы).

Феномен самостоятельности представляет собой социально адаптированную проявленность индивидуальной свободы. Так же, как и свобода, самостоятельность для индивидов имеет высокую ценность. Если субъективная свобода противопоставляется социальному принуждению, то самостоятельность является примиряющей их формой, условием сближения свободы индивида и социальных (общесистемных) норм. В самостоятельности сохраняется внутренняя амбивалентность. Самостоятельность для действующего субъекта исключает какое-либо давление, внешнее принуждение или чужую волю. В то же время самостоятельность отнюдь не ассоциируется с безрассудностью и вседозволенностью. Она содержит в себе качество «стояние» – как устойчивость позиций, взглядов и принципов. Свобода личности в условиях социальной системы (т. е. самостоятельность) заключается в двух взаимосдерживающих и взаимопоощряющих явлениях: самоопределение в сфере доступного (свободный личный выбор) и самонормирование как установление для себя норм реагирования на природу, на свободу других.

В исторической сменяемости эпох и принципов организации жизни изменялась и приоритетность источников, обеспечивающих личности самостоятельность. В современных условиях самостоятельность основывается, прежде всего, на высоком интеллектуальном ресурсе личности и на доступности ей достоверной информации.

И самоопределение, и самонормирование (компоненты, образующие самостоятельность) формируются на сопоставлении знаний личности о себе и об окружающем ее мире. Следовательно, самостоятельность зависит от личностного когнитивного ресурса и от ориентированности личности в социоэкологическом пространстве. Насколько человек будет знать (будет в состоянии разобраться) о происходящем вокруг него (предвидеть, понимать, упреждать, подготавливаться и пр.), настолько он и будет самостоятелен.

Проведенный нами сопоставительный анализ особенностей влияния на общественные процессы информационной компоненты и знания позволил установить, что попытка назвать определенный исторический этап развития общества термином «информационное общество» не является обоснованной. Наиболее точным отражением

специфики современных общественных изменений было бы название «общество знания».

Литература

1. Гор А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе : [антология / под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Academia, 1999. – С. 557–571. **2. Ионин Л. Г.** Социология в обществе знаний. От эпохи модерна к информационному обществу. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 431 с. **3. Урсул А. Д.** Проблема информации в современной науке : Философские очерки. – М. : Наука, 1975. – 287 с. **4. Блюменау Д. И.** Информация и информационный сервис / Д. И. Блюменау. – Ленинград : Наука, 1989. – 192 с. **5. Агеев В.** Семиотика. – М. : Весь мир, 2002. – 256 с. **6. Каган М. С., Мальский И. С.** Обсуждение проблемы свободы на философском семинаре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – Вып. 1. – № 6. – 1993. – С. 116 – 121. **7. Günter Rudolph.** Die philosophisch-sociologischen Grundpositionen von Ferdinand Tönnies. Rolf Fechner Verlag 1995, Hamburg-Harvestehude; Tönnies F. Einführung in die Soziologie. Stuttgart, 1965. – 226 s. **8. Песков А. М.** Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 105 – 122. **9. Аббаньяно Н.** Экзистенция как свобода // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 145 – 147. **10. Кэмпбелл Дж.** Свобода и сообщество // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 112 – 126.

Каменська Т.Г. Інформаційне суспільство і суспільство знання

Нами розглянуто обґрунтованість застосування щодо сучасного суспільства двох назв – «інформаційне суспільство» або «суспільство знання». Для встановлення найбільш адекватного сучасному соціальному стану найменування проведено розрізнення двох основних понять – «інформація» і «знання». Нами встановлено, що поширення інформації та впровадження сучасних досягнень в галузі комп'ютерних систем забезпечують в основному комунікацію. А на сучасну соціальну ієрархію більше впливають знання. Тому точніше буде позначати сучасне суспільство терміном «суспільство знання».

Ключові слова: інформація, знання, інформаційне суспільство, суспільство знання, свобода.

Каменская Т.Г. Информационное общество и общество знания

Нами рассматривается обоснованность применения к современному обществу двух названий – «информационное общество» или «общество знания». Для установления наиболее адекватного современному социальному состоянию наименования проведено различие двух основных понятий – «информация» и «знание». Нами

установлено, що распространение информации и внедрение современных достижений в области компьютерных систем обеспечивают в основном коммуникацию. А на современную социальную иерархию больше влияют знания. Поэтому будет более точным обозначать современное общество термином «общество знания».

Ключевые слова: информация, знание, информационное общество, общество знания, свобода.

Kamenskaya T.G. Information society and knowledge society.

We examine the validity of applying two descriptions to the modern society— “information society” and “knowledge society”. In order to specify the most adequate definition of current social condition we made a distinction between two basic concepts – “information” and “knowledge”. We determined that information dissemination and implementation of the latest advances in the field of computer systems provide mostly communication. But knowledge effects in a greater degree the current social hierarchy. That’s why the term “knowledge society” would be more accurate for modern society.

Key words: information, knowledge, information society, knowledge society, freedom.

УДК 316.74:2

Катаєв С. Л.

**САКРАЛЬНА СОЦІОЛОГІЯ СУСПІЛЬСТВА
ДРУГОГО МОДЕРНУ**

Засновниками сакральної соціології були французькі соціологи, що входили у творче співтовариство вчених кінця 30-х років “Колеж соціології” Роже Кайуа, Жорж Батай та ін. [1]. Сакральна соціологія розглядалася як методологія суспільства передвоєнної кризи. Це час, коли іспиту піддавалися ідеї демократії. Адже Гітлер був обраний демократичним шляхом. Комуністичні ідеї пережили дивовижну мутацію під впливом сталінської диктатури. Мистецтво втратило свою дієву силу. Принаймні так усе це бачилося на ту пору французьким соціологам оточення Ж. Батая. Власне саме до соціології звернулися багато інтелектуалів, коли революція вичерпала свій порив, а сюрреалізм не виправдав надій як засіб перетворення суспільства. У соціології ці інтелектуали вбачали нове знаряддя майбутніх соціальних трансформацій. Соціологія знову як і наприкінці 19 століття стала модною і популярною. Але тепер світоглядне ядро соціології було сумішшю дюркгаймівського позитивізму з абстракціоністськими поглядами на природу соціального.

Основним завданням Колежу було впровадження сакрального в життя, “регенерація” сакральних феноменів у сучасному світі. Ж. Батай звертає увагу на те, що *sacres* перекладається з латини і як “святий”, і як “проклятий”. Ці дві сторони французькі соціологи тієї доби позначали як ліве та праве. Тож, відповідно до анатомії сакрального об’єкта, з погляду Батая, “у цілому ліве викликає відразу, а праве – потяг [1, с. 111].

Соціальне життя, за Батаєм, полягає в пошуку “універсального бога, щоб мати можливість розширювати простір штучної оргії” [1, с. 528].

Саме прагнення надати сакральному універсальний характер, побачити прояв його у всіх сторонах життя суспільства – від повсякденності до влади – показово для методології постмодерну. Тож сакральна соціологія, об’єктивно кажучи, була першим проявом постмодерністської соціології. Хоча, Ж. Батай неодноразово вказував на те, що сучасне йому суспільство відзначається втратою сакрального начала, насправді багато виступів у Колежі соціології вказували на протилежне, а саме на поширення сакрального у суспільному житті. Зупинимося на цьому докладніше. У доповіді “Сакральне в повсякденному житті” Мішель Лайріс на особистому прикладі спогадів дитинства показав прояв темної та світлої сторони сакрального в буденних ситуаціях повсякденного життя людини [1, с. 70]. Різні речі, частини житла, життєві ситуації, окремі слова у певному аспекті та під певним кутом зору сприймаються як сакральні об’єкти, тобто такі, що є незвичні, що викликають містичну реакцію, гостру повагу або відразу. Ці об’єкти сповнені магією. Але подібне сприйняття має суб’єктивний характер, залежить від стану людини, її психічного складу та інших особистих причин. Тож, те, що для одного є сакральним, для іншого таки може й не бути. Але, з феноменологічної точки зору, це не має значення. Якщо певний об’єкт сприймається людиною як сакральний, то поведінка людини щодо цього об’єкта обумовлена саме таким сприйняттям. А об’єктивно, чи суб’єктивно є насправді сакральним, магічним цей об’єкт не має значення. В книзі вказується, що навіть дефекація може мати магічне значення [1, с. 113]. Сакральними об’єктами Батай називає трупи, кров, особливо менструальну, самих жінок у період менструації. Він відзначає, що у соціальній спільноті є певне сакральне ядро, навколо якого здійснюється подвійний рух потягу та відрази [1, с. 112]. Особливо чітко цей рух відзначається стосовно трупів.

Цю тезу розвиває сучасний російський соціолог культури Л. Іонін в есе з соціології смерті в збірнику наукових праць за його редакцією «Нова магічна епоха» [2]. Він і молоді українські соціологи у цьому збірнику дають переконливе обґрунтування тези про проникнення, просочування магічного, сакрального в усі пори життя. Отже Л. Іоніна та його молодих українських колег можна назвати продовжувачами ідей

сакральної соціології, яку започаткували видатні французькі мислителі 30-х років ХХ сторіччя.

У другій половині ХХ ст. спостерігаються явні ознаки наростання сакралізації (підвищення інтересу до релігії, поява великої кількості нетрадиційних релігій тощо).

Ми вважаємо, що інкорпорація сакрального у різні сфери суспільного життя, що відбувається зараз, може бути позначена терміном “трансакралізація”. Цей термін ми пропонуємо за аналогією з поняттями “трансполітика”, “трансестетика”, “транссексуальність”, які застосовує Ж.Бордрійар для характеристики сучасного суспільства [3].

Трансакралізація полягає у поширенні завдяки традиційним віровченням та новітнім містифікованим теоріям (енергоінформаційного обміну, діагностики карми та ін.) сакрального на всі сторони життєвого світу людини, що є відповіддю на виклик сучасності з такими її рисами як соціальна, політична та економічна невизначеність і невпорядкованість, загрози суспільства ризику, економічні негаразди значної кількості населення.

Одним з джерел трансакральності є ренесанс неоязичництва, що проявляється в неінституалізованих формах вірувань, у космологізації повсякденності, у зв'язку з усім «натуральним». Так, італійський соціолог М. Мафесолі відзначає: «Насамперед варто сказати про існування певного зв'язку між інтересом, що відроджується, до всього натурального (натуралізм) і почуттям зачарованості світом, що сьогодні можна спостерігати... За всякого роду демістифікаціями, «деміфологізаціями», що знайшли своїх прихильників у сфері теологічних міркувань, соціолог – цей соціальний «розвідник» – не може не брати до уваги все різноманіття елементів, що вийшли на перший план, таких як доля, небесні світила, магія, гадання, гороскопи, культури природи і т. д.». Далі він зазначає, що в Європі виникло «зовсім інше ставлення до природного чи космічного оточення, ніж нас до того привчило суто раціоналістичне мислення. Природно, це інше ставлення не може не впливати на наші взаємини з іншими людьми (у родині, на роботі, вулиці)» [4].

Матеріали деяких досліджень підтверджують наявність процесу трансакралізації у сфері повсякденності. У літературі трапляється розширене розуміння сакралізації. Так, за Е.Дюркгаймом, ідея священного виражає природну основу справді людського буття, його суспільну (колективістську) сутність, що протиставляється світському (індивідуалістичному), егоїстичному. Серед сучасників розширювальне розуміння сакрального притаманне роботам Р. Коллінза, де в термінах сакралізації описуються навіть інтелектуальні інтерактивні ритуали [5].

Ми дотримуємося сформованих уявлень про сакралізацію, що чітко виражені в словниковій і навчальній літературі. Ми поділяємо таку думку відомого фахівця з проблем релігієзнавства І. Яблокова:

«Сакралізація означає залучення в сферу релігійного санкціонування форм суспільної й індивідуальної свідомості, діяльності, відносин, поведінки людей, інститутів, поширення впливу релігії на різні сфери суспільного і приватного життя» [6, 69]. Цілком відповідає нашій позиції й інше словникове визначення: «Сакралізація – наділення певного об'єкта (речі, явища, тварини, людини) священним змістом, незвичайною якістю... Це процес поширення релігійного світогляду і світовідчуження в особистій і масовій свідомості, зростання впливу релігії в системі суспільних і приватних відносин. Основна ознака сакралізації – поява в культурному обороті релігійних символів і сюжетів як пояснювальних і схем, що санкціонують і надають зміст» [7]. Ще одно визначення: «Сакралізація – перетворення у священне, наділення сакральним змістом об'єктів і подій зовнішнього світу, а також уявних образів, сценаріїв, невербальних символів, дій, слів тощо, що забезпечило формування у первісних популяцій рудиментних, найдавніших форм усвідомленого світорозуміння [8].

Сакралізація ширша від релігійності, оскільки містить у собі окрім сталих релігійних, також і неінституалізовані форми релігійних, містичних уявлень і вірувань. Джерела сакралізації кореняться у вірі в надприродне. Але ключовим аспектом сакралізації є саме релігійність.

Отже, згідно з нашою точкою зору, сакралізація – це явище і процес, зміст якого визначається прагненням людей бачити в навколишньому світі й у своїй діяльності елементи містичного, думати, що життя, різні види діяльності залежать від бога, вищих сил. Сакралізація – ширше поняття ніж релігійність, але остання є найважливішим її аспектом. Так, згідно з даними запорізького соціолога Т. Сергі з твердженням «Існують таємничі сили, непідвладні людині» не погоджуються тільки 12% респондентів, решта 88% різною мірою згодні з цим твердженням. Тих, що вірують, у даному опитуванні 50%. (Дослідження 2008 р. Опитано 1200 осіб за репрезентативною вибіркою у м. Запоріжжі).

Аналогічні результати отримано при вивченні "гетеродоксальної" релігійності в Росії. Цим терміном позначаються численні групи і системи світогляду альтернативної релігійності такі як "езотеричні", "окультні", "Нью Ейдж" і т. д. Гетеродоксальна релігійність охоплює близько 45% населення Росії [9].

Отже емпіричні дані підтверджують тезу про постійну присутність сакрального у повсякденності, тобто трансакральності як риси Другого модерну.

Література

- 1. Коллеж социологии.** – СПб.: Наука, 2004. — 588 с.
- 2. Постмодерн: новая магическая эпоха:** Сб. статей / Под ред. Л.Г. Ионина. – Харьков, 2002.
- 3. Бодрийар Ж. В.** Тени Тысячелетия, или Приостановка Года 2000. – Доступно в интернете по адресу:

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/2000.php.

4. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. – С. 274 – 283. **5. Коллинз Р.** Социологическая интуиция // «Личностно» ориентированная социология. – М.: Академический проект, 2004. **6. Яблоков И.Н.** Религиоведение: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 317 с. **7. Безнюк Д.К.** Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 128 – 135. **8. Веремчук В.И.** Социология религии: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 254 с. **9. Беляев Д. О.** Опыт эмпирического исследования гетеродоксальной религиозности в современной России // Социологические исследования – 2009 – № 11. – С. 88 – 98.

Катаев С. Л. Сакральна соціологія суспільства Другого модерну

У статті обговорюється теза про постійну присутність сакрального в повсякденності, яку автор позначає терміном трансакралізація. Остання полягає у поширенні завдяки традиційним віровченням та новітнім містифікованим теоріям енергоінформаційного обміну, діагностики карми та ін.) сакрального на всі сторони життєвого світу людини, що є відповіддю на виклик сучасності. Коментуються висловлювання авторів Колежу соціології стосовно того, що у соціальній спільноті є певне сакральне ядро, навколо якого здійснюється подвійний рух потягу та відрази. Одним із джерел трансакральності є ренесанс неоязичництва, що проявляється в неінституалізованих формах вірувань, у космологізації повсякденності.

Ключові слова. Сакралізація, повсякденність, соціологія, Колеж соціології, релігія, релігійний світогляд, сутність сучасності, другий модерн.

Катаев С. Л. Сакральная социология общества Второго модерна

В статье обсуждается тезис о постоянном присутствии сакрального в повседневности, что автор обозначает термином «трансакрализация». Последняя состоит в распространении благодаря традиционным верованиям и новейшим мистифицированным теориям (энергоинформационного обмена, диагностики кармы и др.) сакрального на все стороны жизненного мира человека, что является ответом на вызов современности. Комментируются высказывания авторов Коллежа социологии относительно того, что в обществе есть определенное сакральное ядро, вокруг которого осуществляется двойное движение влечения и отвращения. Одним из источников трансакральности является ренесанс неоязычества, что обнаруживается в

неинституализованных формах верований, в космологизации повседневности.

Ключевые слова: Сакрализация, повседневность, социология, Колеж социологии, религия, религиозное мировоззрение, сущность современности, второй модерн.

Kataev S.L. Sacral sociology of the Second modern

This article is discussing thesis of a constant presence of sacral in every day life which the author marks with the term "trans-sacralization". Trans-sacralization is spread due to traditional creeds and the most latest mystic theories (energy-and-information exchange, karma diagnostic and others) of the sacral on all sides of the person life, which is an answer to call of the present. There commented words of the authors of the College of sociology regarding so called sacral in a society, around which realized a double motion of inclination and repulsion. One of the sources of the trans-sacralization is a renaissance of the neopaganism that comes to light in uninstitutionalized forms of religion, in cosmologization of the every day life.

Key words: sacralization, every day life, sociology, College of sociology, religion, religious worldview, essence of the present, society of the second modern.

УДК 316.75

Кузьмин Н. Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ОБЩЕСТВ

Историческая память (далее ИП) в том или ином виде присутствует в социальном, политическом дискурсе любого общества. При помощи ИП социальные объекты создают и при ее помощи их разрушают или трансформируют. Поэтому исследование ИП актуальны при обращении к различным измерениям социальности.

ИП представляет собой универсалию социокультурной реальности или, пользуясь терминологией К.Л. Пайка [1, с.40], этик конструирования социальных представлений. К сфере ИП можно отнести мифологические построения, объясняющие через прошлое текущее состояние общества и мироздания, конкуренцию исторических хроник, обосновавших те или иные преимущественные права, этнические истории эпохи торжества национального государства, марксистскую интерпретацию истории, разнообразные современные конструкты.

То, что ИП является инвариантом среди элементов, формирующих картину мира различных обществ, не означает того, что ИП в разные социокультурные эпохи не обладала существенной спецификой. Поскольку разные исторические варианты обществ

различаются по способам формирования картины мира, обоснования легитимности властных отношений, социальной структуры и т.д., логичным будет утверждать, что можно выделить типы ИП. Задачей статьи является выявление специфики феномена ИП в различных типах обществ.

Можно предположить, что существовала ИП традиционного общества, общества эпохи модерна, и что современное состояние общества (Второй модерн, поздний модерн, зрелый модерн, постмодерн и т.д.), которое явно отлично от предыдущих, также конституирует специфический тип ИП. Обосновать это предположение возможно за счет выявления специфики ИП в каждом из указанных выше типов социальности. Традиционное общество изначально строило свою картину мира на конструировании истории возникновения мира, появления первых людей, первых типичных социальных взаимодействий, первых технологий и государств. Существовавшее в тот или иной исторический момент состояние государства, общества обосновывалось через связь с событиями в прошлом. Претензии в конкурентной борьбе часто опирались на исторические аргументы. Так, например, новгородская летопись называет основателя Киева Кия простым перевозчиком, а в киевской традиции летописания он является князем, которому уделяет внимание сам византийский император. Таких примеров можно найти великое множество. Подобное использование ИП являлось правилом, одним из основных методов политической аргументации в традиционном обществе.

Для культуры, основывающихся на традиции характерна более высокая ценность того, что было в прошлом, обоснование новаций за счет исторических прецедентов, аналогий. Так, в 1871 г. японский император Мэйдзи издал указ, в котором предписывалось всем чиновникам носить одежду европейского стиля. Обосновывалось же эта новация следующим образом: «Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен, а мужи государственные должны своим авторитетом определять их. Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаю это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью... Выгляда слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному» [цит. по 2, с.40]. То есть переход к европейскому мундиру преподносился как возврат к одежде предков. Тем самым реформа становилась легитимной в глазах людей, чьи представления, ценности сформированы традиционной культурой.

Поскольку традиционное общество было весьма сегментировано (высокая социальная дистанция между группами и иерархичность, отсутствие единой системы права и наличие множества отдельных прав), то ИП приобретала множество направленностей. Правящие династии, спонсируя создание исторических хроник, обосновывали свои исключительные права, общины апеллировали к историческим прецедентам для защиты своих прав и привилегий, аналогично простой народ сопротивлялся росту повинностей, обосновывая это более высокой ценностью сохранения старых порядков. Традиционное общество в целом было весьма чувствительно к историческим прецедентам – на то оно и традиционное.

Таким образом, главным существенным признаком ИП традиционного общества было то, что оно «погружено» в ИП. Исторический прецедент являлся в нем, наряду с суждениями о сакральном, одним из самых весомых аргументов. Очень часто пространство ИП переплеталось с пространством сакральных знаний.

ИП продолжает играть важную роль и в обществе модерна. В некоторых аспектах ее значение даже больше, поскольку модерну свойственно рациональное конструирование метанарративов (либерализм, национализм, марксизм), которые, с одной стороны, значительно изменяли социальную реальность, а с другой – основывались на конструктах ИП. Однако ИП в эпоху модерна приобретает иные характеристики, поскольку происходит полная инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом. Поэтому рост исторических обоснований в эпоху современного национального государства парадоксален. Почему в культуре, которая одной из главных ценностей объявила новацию, в которой новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс фактически получила сакральный статус, историческое обоснование главной политической структуры – государства приобрело такую важность? Разве недостаточно для обоснования национального государства наличия языкового и культурного единства.

Национализм, ориентируясь на исторические конструкты, был не одинок. Его главный соперник в борьбе за поддержку масс – марксизм также «открыл» в многообразии исторических фактов извечную борьбу эксплуататоров и эксплуатируемых. Мог ли марксизм состояться как успешная идеология без конструирования исторического процесса, только лишь на основе экономических и философско-антропологических изысканий? Вопрос риторический – исторический век предписывает свои законы. Не следуя им, нельзя попасть в мейстрим. Продолжая эту традицию современный неомарксизм И. Валлерстайн, отказавшись от устаревшей формационной теории, пытается создать новую картину исторического процесса.

Возможно, историзм в модерне представляет собой своеобразную компенсацию за устремленность общества в будущее.

Тогда значимость ИП в обществах модерна – это обратная сторона их прогрессизма. Иными словами историзм и прогрессизм представляют собой две стороны одной медали. Отсюда и ставшие расхожими утверждения, подчеркивающие единство прошлого и будущего.

Данный парадокс можно объяснить тем, что XIX в. – век победоносного шествия национального государства, это еще и век торжества научного мировоззрения. Для обоснования любого социально и политически значимого конструкта в это время требовалось прибегать к ссылкам на научное знание. Типичный пример – марксизм, который одновременно выступал как идеология и как научная теория (вспомним, что сформировавшаяся в XVII-XVIII вв. идеология либерализма обосновалась традиционными философскими средствами и не нуждалась в сциентизме). Национализм, как и марксизм, не мог найти свое обоснование в экономических статистических выкладках и поэтому обратился к исторической науке. Благодаря трудам историков национальное строительство обрело научное обоснование.

В модерне ИП уже не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. Наиболее ярко это проявляется в идеологии национализма, о которой У. Альтермат справедливо сказал следующее: «В XIX и XX веках национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности. Более подробный анализ национализма показывает на самом деле, что он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран» [3, с.140-141].

История в модерне стала инструментом трансцендирования государства. Перед главами государств всегда возникала проблема превращения их из посюстороннего института, инструмента, задача которого политическая организация общества, защита его членов от внутренних и внешних угроз, в нечто независимое от граждан (или подданных). В традиционной культуре трансцендирование осуществлялось за счет божественного происхождения правителя (или его сакральной сопричастности – помазание), а конструирование истории играло вспомогательную роль. Строительство национального государства также нуждалось в трансцендировании, поскольку с обычными функциями государства неплохо справлялись наднациональные империи и династические государства. В условиях секуляризации сакральное обоснование не работало.

Интересно, что одно из первых использований националистического дискурса в Европе в период, когда секуляризация

еще не стала актуальным социокультурным процессом, основывалось на сакрализации нации. Это утверждение о том, что Бог был англичанином¹. Однако в XIX в. такой вариант уже не проходил, поэтому в качестве инструментов трансцендирования использовалась ИП, которую пришлось усилить новой исторической наукой. Последняя, перейдя от жанра жизнеописаний и политических событий к исследованию истории народов, стала помимо своей воли способом формирования нового качества ИП, на основе которой и осуществлялось трансцендирование национального государства.

Конструировать историю пытались и при построении либеральной политико-правовой доктрины, одной из исходных посылок которой стал миф о договорном происхождении государства (это миф в полном смысле этого слова, поскольку ничего подобного в истории никогда не было). XVII столетие – это еще переходный период от традиционного общества к модерну, поэтому здесь, с одной стороны, работает логика предшествующей культуры (чисто мифологического конструирования), а с другой – ярко выражена характерная для модерна особенность использования ИП для создания идеологий.

Эта особенность заключается в том, что при конструировании тех или иных социальных представлений в современных обществах ИП служит в качестве предпосылки построения социально-политических нарративов. Общества модерна имели ИП в качестве исходного тезиса обоснования своего существования. От мифа о договорном происхождении государства оттолкнулся либерализм. Национализм обнаруживал национальное единство в прошлом. Марксизм видел в проектируемом социально-политическом устройстве завершение исторического процесса борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами.

Таким образом, если традиционное общество «погружено» в ИП, то общество модерна опирается на ИП, отталкивается от нее. Именно этот тезис снимает противоречие между важной ролью ИП в обществе модерна и устремленностью этого общества в будущее. Основываясь на ИП, общества модерна выстраивали своеобразный линейный график, соединявший прошлое, настоящее и будущее.

Проиллюстрировать процесс, когда ИП служит предпосылкой, от которой отталкиваются при конструировании социальной реальности, можно при помощи высказываний современных строителей национального государства в Украине (здесь нет никакой иронии, это стандартный процесс, через который проходили многие народы). На круглом столе «Каким должен быть современный учебник по истории Украины», который был организован Комитетом Верховной Рады Украины по вопросам науки и образования и проходил 19 мая 2010 г.

---

¹ В 1559 г. будущий епископ Лондона Джин Эймер провозгласил, что Бог – англичанин и призвал своих соотечественников семь раз в день благодарить Его, что они родились англичанами [4, с.297].

профессор Ю.И. Шаповал высказал следующее мнение: «Щоб легітимізувати поняття «незалежна Україна», «Українська держава» в публікаціях істориків, особливо в підручниках із історії, зображувалися певні епохи, події люди, наводилися докази існування власної історії, що йде корінням в старовину». А председатель Института национальной памяти И.Р. Юхновский заявил, что «Історичну пам'ять робить влада. Мета історичної пам'яті – консолідація українського народу і створення української політичної нації» [5]. Эти высказывания с очевидностью показывают, что ИП выступает как исходная предпосылка «легитимизации понятия» и «консолидации народа».

В целом эти высказывания соответствуют характеристикам ИП модерна, но одновременно своей откровенностью они демонстрируют изменения роли и места ИП в современных обществах, культура, системы социального взаимодействия которых уже по многим параметрам отлична от классического модерна, но для которых в социологической мысли не еще выработан общепринятый термин. Пользуясь терминологией Ульриха Бека, современное общество можно обозначить как Второй модерн.

Для понимания изменения характеристик ИП необходимо обратится к существенным признакам социокультурных трансформаций современности. Их подробный анализ требует отдельного исследования. Мы же здесь их только перечислим, применительно к исследуемой проблематике.

Во-первых, это кризис метатеорий социальной и политической жизни: уже не имеют решающего значения концептуализированные предписания, какие в прошлом предоставляли индивиду религиозные и мифологические системы, метанарративы либерализма и марксизма. З. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от «законодательного» разума к «интерпретирующему» [6, с. 47]. Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, дававших в прошлом полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений.

Во-вторых, в результате вышеизложенного, у членов современных обществ нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества. В свою очередь, политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали различные манипулятивные технологии. Борьба идей исчезла, а пришедший ей на смену конфликт интерпретаций открывает дорогу манипуляциям. Как осуществление власти, так и отношение людей к государству, политическим силам становится реактивным. Неопределенность социальной и политической жизни, отсутствие четкой картины развития,

изначально заданных врагов и союзников порождают реактивное социально-политическое бытие.

В-третьих, это изменение отношения ко времени. Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущих событий, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится, как подчеркивает К. Монгардини, привилегированной территорией [7].

В-четвертых, значительно изменились функциональные характеристики современного государства. А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ [8, с. 48]. Ослабление значимости государственной власти в условиях глобализации привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности [9, с. 215].

В-пятых, трансформировалась социальная структура, которая уже не разделена четко на страты и классы, а представляет собой причудливую мозаику множества групп и субкультур. В такой ситуации исчезает четко выраженное групповое сознание – оно становится ситуативным, индивид одновременно входит во множество социальных групп и, соответственно, в его сознании одновременно присутствуют различные и даже противоречащие друг другу установки.

Как указывалось выше, ИП в эпоху модерна была составляющей различных метанарративов. Распад последних привел к тому, что ИП не встроена в них в качестве фундамента. Соответственно ИП, как и остальные элементы социальной, политической культуры современных обществ, является реактивной и ситуативной, она легко становится частью манипулятивных технологий. Те или иные ее составляющие легко извлекаются на свет при необходимости, вызванной изменчивым ходом обстоятельств.

Если в рамках современной ИП подразумевалось, что славное прошлое обуславливает не менее славное настоящее и будущее, то отсутствие в современной картине мира такой однозначной связи, приоритете задач настоящего позволяет полностью подчинить ИП сиюминутным проблемам. Понятно, что и ранее ИП извлекали на свет целесообразно, но она использовалась для решения глобальных проблем национального строительства, обоснования территориальных претензий, мобилизации масс на решение важных задач.

Примером такого манипулятивного обращения с прошлым, подчинение его сиюминутным проблемам является то, как греки в ситуации кризиса весны 2010 г., в ответ на упреки собратьев по Евросоюзу в том, что греческие граждане явно живут не по средствам, быстро припомнили европейцам значимость достижений своих

античных предков для современной европейской цивилизации. Среагировали и оправдались. Блестящий ход с точки зрения пиар-технологий. Но какое отношение имеет неэффективность греческой экономики и государственного управления к деятельности и идеям Солона, Перикла, Аристотеля? Может наоборот, современным грекам должно быть стыдно, что они, говоря словами Тараса Шевченко «Славних прадідів великих правнуки погані»? Однако задаваться такими вопросами в современном мире не принято, сейчас главное – правильно среагировать на ситуацию. С точки зрения модерновой ИП великое прошлое Греции должно было обеспечить достойное настоящее. Но в обществе потребления ИП стала товаром, разменной монетой, которую легко можно использовать на рынке политических манипуляций.

Результатом усложнения социальной структуры стала плюрализация ИП в рамках прежде однородных обществ. Сохранение важной роли ИП связано с ростом значимости меньшинств, субкультурных групп, гендерной проблематики. Борющиеся за свои права группы, движения ищут истоки легитимности в истории. Пьер Нора называет в числе причин «расцвета памяти» «демократизацию» истории. Под этим он подразумевает «мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности» [11]. Для национальных меньшинств это обычное дело, однако сейчас нередкими стали попытки переконструирования истории, например, с точки зрения гендерного неравенства.

Ярким примером такого подхода является обнаружение американским археологом Марией Гимбутас матриархального устройства в неолитической Европе, разрушенное в результате вторжения кочевников-индоевропейцев, для которых, наоборот, свойственен ярко выраженный патриархат [12]. М. Гимбутас не просто обосновывает наличие матриархата в Древней Европе, но и постоянно проводит в своей работе идею, что под руководством женщин неолитические сообщества Европы 5-4 тысячелетий до н.э. (культуры Винча, Бутмир, Триполье-Кукутени и др.) достигли значительного экономического процветания, успехов в искусстве и социальной гармонии. Вторжение патриархальных индоевропейцев, наоборот, привело цивилизацию Древней Европы к упадку. Можно найти и множество других примеров конструирования ИП для обоснования особых прав и статусов разнообразных меньшинств. Результатом этого стала резкая плюрализация ИП, делающая невозможным создание последовательных и общепринятых мемориально-исторических конструкторов.

Приветствуя неоднородность социальной структуры общества Второго модерна, создают принципиально плюралистичное пространство ИП. Если в классическом модерне существенные разногласия в области интерпретации истории подавлялись, то, например, политика мультикультурализма фактически означает право на сосуществование и равную ценность различных версий ИП. Это приводит к тому, что она приобретает относительные характеристики: историческая истина заменяется исторической правдой, которая, как известно, у каждого (каждой культурной группы) своя. Постоянное соприкосновение с иной ИП имеет следствием утрату уверенности в своей. В такой ситуации устойчивость ИП определяется уже технологическим воздействием. Другим следствием плюралистичности пространства ИП является возникновение конфликтов в этой сфере, чему мы в Украине являемся свидетелями.

Ослабление государства привело к тому, что оно перестало быть основным актором формирования ИП. Это характерно для молодых государств, где отсутствует инерция созданной в прошлом ИП. Украина – классический пример такого плюрализма. Даже современная Россия с ее вертикалью и прочими властными достопримечательностями не может прийти к согласию в области интерпретации истории.

В начале 2010 г. журнал «Форбс» составил десятку лучших профессий на американском рынке труда в 2010 году [10]. Интересно, что в список лучших вошла профессия историка, соседями которой оказались профессии, также имеющие непосредственное отношение к научной деятельности: биолог и математик. То, что историк в оценке американских экспертов равноценен специалистам, деятельность которых имеет прямое практическое применение, демонстрирует значение истории. Скорее всего, это значение и связано с возможностью при помощи исторического знания воздействовать на человеческие сообщества. ИП стала использоваться как некое концептуальное оружие, задачей которого может быть конструирование или деконструирование социальных общностей.

Глобализация имеет еще одно следствие для ИП. Если ранее она была герметична в рамках одного государства, то открытость современных информационных потоков, миграции, когда люди, воспитанные в рамках одной ИП, вынуждены жить в пространстве другой, привели к тому, что возникла потребность согласования историй взаимодействующих обществ. Отсюда идея создания учебников истории, которые не вызвали бы идиосинкразии у носителей другой ИП. Чем закончится этот процесс пока непонятно, однако вряд ли следует ожидать радикальных трансформаций ИП различных обществ, ее полного согласования. Скорее всего, просто появятся новые варианты исторических конструктов и плюрализм ИП только усилится.

Современное состояние исторической науки и квазинаучные построения предлагают потребителю набор исторических смыслов, из

которых он может выбрать то, что необходимо в конкретной ситуации. ИП Второго модерна в чем-то напоминает традиционное общество – она постоянно присутствует в социально-политическом дискурсе и касается разнообразных проблем. Однако современность уже не погружена в историю, а потребляет ее, удовлетворяя сиюминутные потребности.

Таким образом, в обществах, расставшихся с модерном, ИП является не средой, в которой осуществляется социально-политическая деятельность и не ее концептуальный фундамент. ИП в современном мире – это легко трансформирующийся инструмент, своеобразный «софт», инсталлируемый в те или иные институты в зависимости от актуальных потребностей. Наблюдая рост значимости ИП в социальном и политическом дискурсе, мы должны понимать, что в значительной степени он связан с попытками манипуляции общественным мнением, с отсутствием у его трансляторов иных аргументов. Сталкиваясь с конкретными проявлениями использования ИП необходимо задавать себе вопрос – с какой целью это делается?

Литература

- 1. Триандис** Гарри К. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Гарри К. Триандис; [пер. с англ. В. А. Соснина]. – М.: Форум, 2007 – 382 с. **2. Мещеряков** А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX — начало XX вв.) [Электронный ресурс] / А.Н. Мещеряков // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – Реж. дост.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html>.
- 2. Альтерматт** У. Этнонационализм в Европе / Урс Альтерматт; [пер. с нем. С.В. Базарнова]. – М., 2000. – 367с. **3. Лурье** С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С.В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с. **4. «Яким** має бути сучасний підручник з історії України». Круглий стіл з цього питання було організовано Комітетом Верховної Ради України з питань науки і освіти 19 травня 2010 р. [Электронный ресурс].– Реж. дост.: http://lb.ua/article/society/2010/05/26/46211_yakim_maie_buti_suchasniy.htm
- 1. 5. Бауман** З. Философия и постмодернистская социология / Зигмунт Бауман // Вопросы философии. – 1993. – №3. – 46-62. **6. Монгардини** К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна / Карло Монгардини // Социологический журнал. – 1995. – № 2. **7. Турен** А. Возвращение человека действующего / Ален Турен; [пер. с фр. Е.А. Самарской]. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с. **8. Фергюсон** Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия / Йел Фергюсон // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998. – С. 195–221. **9. FORBES:** ТОП-10 лучших и худших профессий [Электронный ресурс]. – Реж. дост.: <http://ua-reporter.com/novosti/77788>
- 10. Нора** П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / Пьер Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 – 3 (40–41). – Режим дост. к журн.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.

11. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / Мария Гимбутас; [пер. с англ. М.С. Неклюдовой]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 572 с.

Кузьмін М.М. Історична пам'ять у різних типах суспільств

У статті здійснюється дослідження трансформацій значення історичної пам'яті в різних історичних типах суспільств. На основі аналізу суттєвих ознак традиційного суспільства, суспільств модерну і Другого модерну виявляється специфіка ролі історичної пам'яті в кожному з названих типів. Традиційне суспільство «занурено» в історичну пам'ять, тісно переплетене з нею. У суспільствах модерну метанарративи, що направляють їх розвиток, використовують історичну пам'ять як свою передумову, «відштовхуються» від неї. Історична пам'ять Другого модерну можна характеризувати як ситуативну, маніпулятивну та плюралістичну, що в цілому відповідає соціокультурним характеристикам сучасної епохи. У Другому модерні історична пам'ять перетворюється в інструмент, який легко трансформується, і є спрямованим на вирішення одномоментних проблем.

Ключові слова: історична пам'ять, традиційне суспільство, модерн, другий модерн.

Кузьмин Н.Н. Историческая память в различных типах обществ

В статье проводится исследование трансформаций значения исторической памяти в различных исторических типах обществ. На основе анализа существенных признаков традиционного общества, обществ модерна и Второго модерна выявляется специфика роли исторической памяти в каждом из названных типов. Традиционное общество «погружено» в историческую память, тесно переплетено с ней. В обществах модерна метанарративы, направляющие их развитие, используют историческую память как свою предпосылку, «отталкиваются» от нее. Историческая память Второго модерна характеризуется ситуативностью, манипулятивностью и плюрализмом, что в целом соответствует социокультурным характеристикам современной эпохи. Во Втором модерне историческая память превращается в легко трансформируемый инструмент, направленный на разрешение сиюминутных проблем.

Ключевые слова: историческая память, традиционное общество, модерн, Второй модерн.

Kuzmin N.N. Historical memory in different types of societies.

In this article the investigation of the historical memory meaning transformations in different historical types of the societies is being conducted. According to the analysis of the essential indicators of traditional society as

well as the societies of modern and second modern the specifics of the role of historical memory in each of the abovementioned types is being revealed. Traditional society is “submerged” into the historical memory being tightly connected with it. In the societies of modern the metanarratives which are directing their development are using historical memory as their preconditions, “starting” with it. Historical memory of the second modern is characterized by the situativity, manipulativity and pluralism which in the whole correspond to the socio-cultural characteristics of the modern epoch. In the second modern historical memory turns into easily transformed tool, directed at the solution of the momentary problems.

Key words: historical memory, traditional society, modern, second modern.

УДК 141.132

Лобас В. Х.

РАЦІОНАЛІЗМ В УМОВАХ ДРУГОГО МОДЕРНУ

Перехід від індустріального до постіндустріального суспільства викликає серйозне занепокоєння серед гуманітаріїв, які виявили неадекватність категоріальних засобів опису суспільства. Класична раціоналістична методологія піддається сумніву в соціології і заперечується філософією постмодерну.

Декартівський раціоналізм в умовах масової культури перетворився в технології маніпуляції і викликає обурення постмодерністів. Ж.Ф. Ліотар навіть називає європейський раціоналізм хворобою, параноєю дискурсу, оскільки є претензія на те, що «я буду говорити все, знати все, володіти всім, бути всім. Ніщо не проміне моєї уваги» [1, с. 302].

Річард Рорті спрямував свою книгу «Філософія і дзеркало природи» (1979) проти картезіанства. В наступній роботі «Випадковість, іронія і солідарність» (1989) Рорті веде боротьбу проти Канта, проти його спроби узгодити громадське і приватне раціональним чином та розмежувати пізнання, мораль і естетику. Більш комфортно буде жити, на думку Рорті, коли ми розмежуємо сфери, в яких ми зобов'язані домовлятися з іншими, і сфери, де ми можемо «допомагати тільки собі і нікому іншому» [1, с. 9]. І це дозволить відкинути будь-які раціоналістичні пошуки істини. Адже згідно з прагматистською теорією істини «істинними переконаннями є ті, котрі приводять до здійснення наших цілей» [1, с. 9]. Цього цілком досить для ідеї ліберального суспільства. Але оскільки повна байдужість до інших людей вже не пропагується, то вводиться поняття «солідарності». Тільки це не солідарність спільної справи, яку можна виміряти і раціонально оцінити, а

солідарність у співчутті до «болю і приниження» [2, с. 243] представників інших культур. Тільки невідомо, яким чином європейці здатні оцінити факти приниження в інших культурах, не нав'язавши їм своїх раціоналістичних уявлень.

Звичайно, автори, що називають себе іронічними інтелектуалами, не сумніваються в повній руйнації раціоналізму Просвітництва і тому вважають, що «солідарність досягається не через дослідження, а через уявлення, через мислену здатність вбачати в чужих нам людях товаришів у нещасті. Солідарність не розкривається рефлексією, а створюється. Вона створюється підвищенням нашої чутливості до певних подробиць болю й приниження інших, незнайомих нам людей» [2, с. 21].

Звичайною після такого «глибокого» (щоб не сказати «раціонального») пояснення слід відібрати в індуїстів шпаги, якими протикаються щоки, і гаки, які втикаються в спину, щоб нести скульптуру бога.

Цей іронічний виклад продукції «іронічних лібералів» має свідчити про те, що ми маємо справу з мовною грою, а не соціально-філософським аналізом сучасної європейської культури. Такий аналіз передбачає виявлення античних витоків раціоналізму, оцінку сумісності цього раціоналізму з іудеохристиянською доктриною західної цивілізації, соціальної функції часів Просвітництва, переоцінку декартівського раціоналізму класичною та некласичною філософією XIX століття, розгляд соціальної обумовленості висновку про безглуздість буття в XX столітті.

Методологією такого аналізу може бути марксистський досвід використання категорії «практика». Роботи київської філософської школи дозволяють зрозуміти матеріально-перетворювальну діяльність (виробничу і суспільну) як «спосіб людського буття» [3, с. 193–227]. Світоглядні і методологічні конструкції кожного суспільства в основному відповідають рівню і особливостям практичного життя цього суспільства. Власні духовні продукти і запозичення з інших цивілізацій здійснюються для розв'язання власних практичних потреб даної цивілізації.

Започаткування раціоналістичного світогляду і методології у Давній Греції було відхиленням від цивілізаційного розвитку того часу. Жодна з більш ранніх цивілізацій (Єгипет, Месопотамія) не потребувала ні філософії, ні логіки, ні риторики. Грецька філософія, що виникає у «вісьовий час» (К. Ясперс), подібно до філософії Індії та Китаю, має розв'язати проблему зіткнення цивілізацій. Але, на відміну від китайців та індійців, греки створюють чисту філософію, а не гібрид філософії і релігії (Індія) чи гібрид філософії і міфології (Китай). Чому греки насмілились на заміну зручного міфу незручним раціоналістичним світоглядом?

На це питання нема однозначної відповіді. Є певна гіпотеза, яка впливає з категорії «практика». Згідно з цією гіпотезою сама грецька цивілізація була нетрадиційною, оскільки спиралася на нетрадиційне

(острівне) землеробство. Брак людей на островах загальмував розвиток ремесел. Було достатньо людей лише для землеробства і піратства. Торгувати було нічим і нікому. Тому після захоплення Трої грецька цивілізація деградує майже 500 років. Лише у VIII ст. до н. е. греки вирвалися з глухого кута завдяки унікальному культурному винаходу. Вони створили новий тип соціокоду – універсально-понятійний. Цей соціокод забезпечив передачу інформації між людьми, які поєднали в собі різні професії. Гомерівський Одиссей – це дійова особа VIII, а не XIII ст. до н. е. Саме таким людям потрібен був раціоналістичний світогляд, методи доказу істини і переконання інших.

Але греки взяли на себе надзвичайно важку місію впорядкування хаосу з допомогою розуму. Вони мусили охопити раціонально природу, суспільство, мораль, естетику, емоції людини, постійно виявляли, що це неможливо здійснити. Після стародавніх греків було вже багато раціоналістів, і ми часто приписуємо їм стиль мислення пізніших. Платон став символом раціоналізму.

В період еллінізму грецький раціоналізм був значно порушений східними впливами. «Апатія» та «атараксія» дуже нагадують цінності буддизму.

Раціоналістичну місію взяв на себе стародавній Рим. Еталоном порядку стала армія, легіони якої набули машиноподібних рис. Акведуки, віадуки та юстиція Риму вражають до наших днів. З. Бжезинський стверджує, що Рим був культурним еталоном для всіх інших народів і передав свою місію США. Чи нема тут самозаперечення раціоналізму? Звертаю увагу на знамениту римську формулу: *Pegeat mundus, fiat justitia*. Невже дійсно ми згодні на те, щоб загинув світ аби здійснилося правосуддя? А як оцінювати наших суддів, яким «засівають» підлогу доларами? Пам'ятаю цікавий випадок, коли затверджували суддів на засіданні Верховної Ради. Головуючий побажав їм «судити по совісті і по закону», тобто мимовільно вимовив те, що є більш високі інстанції, ніж закон. До совісті люди закликають в безнадійних ситуаціях, бо закон не захищає від «засівання» підлоги.

Середні віки, як відомо, в період патристики вороже ставились до раціоналізму і високо цінували формулу Тертуліана «*Credo, quia absurdum est*». Але в період схоластики освоїли логіку та метафізику Аристотеля, римське право і впевнено судили не тільки людей, але й тварин за злочини проти церкви. Як пише співзасновник логіцистичної школи у філософії математики Уайтхед А.Н., християнський бог дуже раціоналістичний, бо жодна волосина не впаде з голови людини без його волі. А східні боги ірраціоналістичні або байдужі до долі людей. У період Відродження християнський бог набуває рис головного механіка Всесвіту, а в XVII–XVIII ст. вимірювання та розрахунок стають відмітними рисами європейської культури. Заклик Галілея «вимірною те, що можна виміряти, а те, що неможливо виміряти, зміни так, щоб можна було виміряти» знайшов своє підтвердження в індустріальній культурі. Просвітники, які

так обурюють сучасних постмодерністів, лише повернули в соціальну площину той раціоналізм, який формувався протягом майже 300 років розвитку мануфактури, фабричного виробництва, торгівлі та науки.

Проте французька буржуазна революція, яка аргументувала гільйотиною, виявила, що цей раціоналізм занадто механістичний, він не визнає суперечностей. Тому німецька класична філософія запропонувала діалектичний розум, який визнає суперечність джерелом розвитку. Це був мабуть найвищий етап європейського раціоналізму. Тому не дивно, що в некласичній філософії XIX ст. цей раціоналізм одержав заперечення. Сучасні постмодерністи вважають себе послідовниками Ніцше, але ігнорують ту обставину, що класичний раціоналізм мав ще одне заперечення у марксизмі. Адже категорія «практика», яка тут вже використовувалася, є марксистською, а не кантівською. Вона обмежує претензії розуму, але визнає право розуму на пізнання закономірностей.

Чому ж постмодерністів не цікавить марксизм? Бо вони – індивідуалісти. Вони не розуміють те, що вже розумів Аристотель, який твердив, що людина є полісною істотою. Вже 500 років європейська цивілізація практикує і пропагує тезу Л. Валла про те, що «все створено заради кожного зокрема» [4, с. 236]. Лауреат Нобелівської премії І. Берлін, якого шанобливо цитує і підтримує Р.Порті, визнає лише «мудрість індивідуального «розуму» [5, с. 94]. А все інше лякає його «тоталітаризмом», «груповою міфологією», Великим Інквізитором тощо. Забувають ліберали, що «індивідуальний розум» Ньютона був можливий лише тому, що його носій стояв, за його визнанням, «на плечах гігантів-попередників». Суто індивідуальної діяльності просто не існує. І формули Ньютона є суспільна реальність, яка присутня в «індивідуальному розумі» тисяч фізиків і допомагає їм осмислювати світ. А перед фізиками ставить завдання не тільки теорія, а й суспільна практика. А в свою чергу «змістом практики, її всезагальною субстанцією є праця» [3, с. 198].

Лише праця формує логічне мислення дитини. Поки дитина не трудиться, вона не входить в справжній контакт з речами, бо «вона грає з речами або вірить, не досліджуючи їх» [6, с. 349]. Логіка починається тоді, коли відбувається перевірка прийнятого рішення (можливо емоційного). Для цього потрібно звернутись до іншої свідомості, носій якої включений у співпрацю реально або відстежує етапи трудової діяльності. Лише співпраця породжує логіку. Неосвічені дорослі люди логічні також, але в межах стандартних практичних ситуацій. Щодо цього сумнівались психологи і логіки. Так, в 30-х роках XX століття група психологів під керівництвом О.Р. Лурія вивчала мислення неосвічених дехкан Середньої Азії. Формулювалось судження типу «бавовна росте там, де багато сонця і дощу», потім пропонувалось друге судження «в Англії мало сонця» і ставилось питання про те, чи росте бавовна у Англії. У відповідь на цю елементарну логічну схему здивовані психологи чули: «Не знаю, я там не був». Розгублені

психологи не ризикнули опублікувати свої результати, щоб їх не звинуватили в дискредитації дружніх народів Середньої Азії. Лише в 70-ті роки таке опитування (у вигляді казки про те, за кого слід віддати наречену) провели в США і Ліберії. І одержали такі ж результати. Тоді зрозуміли, що вербальні тести видаються неосвіченим людям безглуздими, а в практичному житті вони впевнено приймають істинні рішення.

Досить цікаві міркування про рішення освічених і неосвічених людей висловив сучасний американський лінгвіст Н. Хомський. Він стверджує, що США – одне з найбільш ідеологічно оброблених суспільств у світі. І найбільш вразливі до маніпуляції, на його думку, освічені прошарки населення. Так, стосовно минулої війни у В'єтнамі «до сьогоденішнього дня (В.Л. – 1993р.), незважаючи на постійне промивання мізків близько 70% американців на питання, що вони думають з приводу цієї війни, відповідають, що вона «в корені несправедлива і аморальна». Але серед освічених людей практично ніхто не скаже такого» [7, с. 79]. У США, на думку Н. Хомського, має місце руйнація соціальних зв'язків, оскільки цілеспрямовано працює величезна індустрія зв'язків з громадськістю, яка намагається викроювати людей за певним шаблоном. В усіх сферах життя нав'язується уніфікована модель, «яку неважко зрозуміти: передбачається, що ти повинен стати ізольованим атомом, одиницею споживання. Єдина цінність в твоєму житті – захопати, спожити якомога більше непотрібних тобі товарів. Існує гігантських розмірів бізнес, спрямований на штучне формування фальшивих потреб» [7, с. 80]. А справжні потреби у творчій праці, солідарності з сусідами вважаються другорядними. Але люди практичного життя намагаються пручатися. Н. Хомський веде мову про церкву, що об'єднує парафіян, про профспілки, незважаючи на їх корумпованість, закликає боротись з класово консолідованим американським бізнесом, створюючи популярні, загальнодоступні організації типу феміністських чи екологічних.

Тут варто звернути увагу на ідею відновлення соціальних зв'язків, і в першу чергу, серед людей практичного життя. Це має пряме відношення до українських, реалій. В українському суспільстві теж цілеспрямовано і стихійно руйнуються соціальні зв'язки. Зникають не тільки виробничі колективи разом з зупинкою заводів і руйнацією механізованих ферм. Порушуються і сімейні зв'язки. Вже майже два десятиліття школярам і студентам розповідають, що їхні предки були нерозумними людьми. У них все тотально планувалось, не було сексу і 40 сортів ковбаси, вони не могли мати власний бізнес і виїхати за кордон няньчити чужих дітей. Тепер у кожному кіоску ми можемо побачити self made man, а всі разом вони становлять «середній клас споживачів».

Це все різновиди вишуканого класового раціоналізму, який закликає кожного «багатій сам», бо на всіх не вистачить. Можна навіть підрахувати, скільки в світі голодних ротів. І та обставина, що в Африці щорічно від голоду вмирає півмільйона дітей, начебто не має до нас жодного стосунку. Ми лише набираємо кредити, а не повертаємо їх, як

Африка. Але цей індивідуалістичний раціоналізм дав серйозну тріщину в період сучасної фінансової кризи. Виявилось, що фінансова банківська система використовує фальшивий механізм «кредитного мультиплікатора», який дозволяє перетворити 1000 реальних доларів у 18 тисяч віртуальних. А споживацтво, як мета життя заможного золотого мільярду, несумісне з існуванням людства на планеті. Це вже починають відчувати на собі жителі міст України, яким банки не повертають депозити. Але справжнього усвідомлення ще немає, бо поряд Європа, яка продовжує продукувати споживацькі еталони не тільки у використанні речей. Люди теж споживаються. Звідси гей-паради, легітимізація проституції, одностатеві шлюби, кафе з наркотиками тощо. Поведінка сучасної Європи нагадує поведінку Дон-Кіхота, який зберігав лицарську модель поведінки тоді, коли вона стала безглуздою. Але Дон-Кіхота утримував Санчо Панса. А у нас є ще село, в якому люди живуть практичним життям, не маючи уявлення про кредити і депозити. Вони обробляють землю, вирощують худобу і виховують внуків. Вони більш стійкі до безглуздя нашого «суверенного буття», ніж їхні цинічні діти, які в містах не уявляють життя без хабарів, комп'ютерних ігор і масової культури з телебачення. В селі теж дивляться серіали, але не ототожнюють їх зі своїм життям. Занадто велика дистанція. Селяни формують свій світогляд на рівні здорового глузду, який утворюється шляхом узагальнення ефективних схем практичної дії та існує у вигляді сотень і тисяч крилатих фраз, примовок і типових сентенцій. І в тих випадках, коли сільським пенсіонерам вдається своїх міських дітей залучити до обробляння землі, ремонту будівель, певних ритуалів, відновлюється зв'язок поколінь.

Звичайно цей стихійний спротив наших селян проти руйнації соціальних зв'язків, як і спротив простих американців, про який пише Н. Хомський, нездатні зупинити чи трансформувати споживацький потік. Споживацька ідеологія не тільки вичерпує планету. Вона руйнує соціальну сутність людини, оскільки нав'язує всім однаковість (будинків, автомобілів, релігійних вподобань). У свою чергу «однаковість породжує відповідність стандартів, а зворотним боком такої відповідності є нетерпимість» [1, с. 41]. Виникли нові «міські страхи». Бояться вже не іноземних завойовників, а «небажаних» співгромадян, від яких захищаються огорожею, охороною, системами спостереження. Як пише відомий соціолог З. Бауман, «у сучасному мегаполісі головною стратегією виживання стала не спільність, а ізоляція й відділення від інших» [8, с. 42]. Таке недовір'я до соціуму, на його думку, має бути властиве і дослідникам суспільства. Адже «на долю філософів та соціологів випало викриття брехні обіцянок заспокійливої впевненості і назавжди влаштованого порядку, яким заманюють в тоталітарні ями міражем звільнення від вантажу проблем» [9]. Його так вразив польський досвід контакту з тоталітаризмом фашистським і комуністичним, що він вбачає покликання філософів та соціологів лише в руйнації будь-яких

«священних істин». Мабуть, ця панічна позиція породжена власним досвідом колишнього офіцера польських спецслужб, а не науковим аналізом механізмів трансформації суспільства. Такий аналіз, на мою думку, має враховувати досвід людства, яке багато разів переходило від одного типу порядку до іншого. Це відбувалось під час тривалих завоювань, революцій, радикальних реформ. Стан буття в такі періоди мав вигляд хаосу. Є навіть культурологічний термін «лімінальний стан», яким пояснюють перехід підлітка в дорослий стан під час обряду ініціації [див. 10]. Оце і є постмодерн.

Другим аналітичним ресурсом є сучасні синергетичні уявлення. І на попередній конференції було відзначено неспроможність постмодерністських уявлень під кутом зору саме синергетики [див. 11], яка продукує порядок із хаосу. Нарешті, третім ресурсом є дослідження глобалізації з допомогою марксистської методології. Найбільш глибокою публікацією останніх років з глобалізаційної проблематики мені уявляється стаття І.Валлерстайна «Маркс і слаборозвиненість». Автор стверджує, що шість основних тез корпусу Марксових ідей цілком адекватно пояснюють «історію останніх ста п'ятдесяти років (і фактично історію останніх чотирьохсот років)» [12, с. 58]. Вони також допомагають збагнути майбутнє, якщо глянути на світ глобально і помітити, що він є системою поділу праці, в якій 80 % людей є пролетарями, а світова буржуазія намагається подолати свою структурну кризу. Якщо їй це не вдасться, то «альтернативна можливість полягає у створенні впродовж наступних ста років соціалістичного світового порядку, порядку, ґрунтованого на системі виробництва для задоволення потреб, порядку, результатом якого буде раціонально зорганізована система розподілу ресурсів, часу, простору і соціальних ролей» [12, с. 64]. Так реабілітується ідея європейського раціоналізму і виявляється продуктивність марксистської методології.

Література

1. **Ліотар Ж.Ф.** Что есть истина? // Керни Р. Диалоги о Европе. – Изд-во «Весь Мир», 2002. – 319 с.
2. **Рорти Р.** Случайность, ирония и солидарность. – Русское феноменологическое общество. – М., 1996. – 282 с.
3. **Человек** и мир человека. – К.: «Наукова Думка», 1977. – 342 с.
4. **Валла Л.** Об истинном и ложном благе. О свободе воли. – М.: Наука, 1989. – 475 с.
5. **Берлін** Исаия. Чотири есе про свободу. – К.: Основи, 1994 – 272 с.
6. **Пиаже Ж.** Речь и мышление ребёнка. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 528 с.
7. **Хомский Н.** Политика языка // Керни Р. Диалоги о Европе. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002. – 319 с.
8. **Бауман З.** Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства. – К.: Вид-во Дім «Києво-Могилянська академія», 2008 – 109 с.
9. **Бауман З.** О постмодерне, 1994. [Електронний ресурс // http://www.i-u.ru/biblio/arhive/bauman_o].
10. **Геннеп А.** ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с.
11. **П. Лобас В.Ф.** Классический и неклассический рационализм в мировоззрении // Соціологія Другого модерну: проблема

перевизначення понять суспільствознавчого дискурсу: зб. наук. пр. – Луганськ, 2009. – С. 74 – 81. 12. Валлерстайн І. Маркс і слаборозвиненість // Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 2008. – № 1. – С. 50 – 66.

Лобас В.Х. Раціоналізм в умовах Другого модерну

У статті розглядаються процеси історичного формування європейського раціоналізму та його трансформації в умовах перехідного суспільства.

Ключові слова: методологія, практика, лімінальний стан, синергетика.

Лобас В.Ф. Рационализм в условия Второго модерна

В статье рассматриваются процессы исторического формирования европейского рационализма и его трансформации в условиях переходного общества.

Ключевые слова: методология, практика, лиминальное состояние, синергетика.

Lobas V.F. Rationalism under conditions of the Second modern.

The processes of historical creation (forming) of European rationalism and its transformation under conditions of transitional society are examined in this article.

Key words: methodology, practice, liminal condition, synergetic.

УДК 141.7(43)

Молодцов Б. И.

**О СПЕЦИФИКЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ
НАДЭМПИРИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА**

В этой статье мы продолжаем исследование вопроса о способности человеческого сознания выявить в реалиях современной экономической практики всеобщее надэмпирическое измерение, что позволило бы увидеть эти реалии в целом, в единстве различных проявлений собственной идентичности. Этот вопрос актуален сегодня потому, что в современных условиях экономической практики всё более существенным становится факт слишком тесной привязанности сознания к бытию. Как следствие – сознание травмируется бытием, низводя себя в экономической сфере к чисто рассудочной деятельности по реализации замыслов деловой активности. В результате человеческое сознание теряет сознательность, становится способным лишь следовать за

тенденциями наличного бытия и оказывается слепым в отношении истины самого содержания реальности, невосприимчивым к его самобытности. Примером этого может быть проводимая в 90-е годы «умеренно-либеральным» правительством России финансовая политика, ориентированная прежде всего на достижение финансового благополучия в экономике государства. Такая ориентация привела к тому, что рынок государственных ценных бумаг с гарантированной (как в то время казалось) доходностью давал самую высокую прибыль в стране. Никакой другой рынок в России не обеспечивал такой высокой нормы прибыли. Все попытки правительства ее уменьшить не приводили к успеху. В результате все свободные денежные ресурсы страны устремились на этот рынок. Как возмездие за неразумное использование человеком своего разума, использование его только в качестве рассудка, разразился кризис конца 90-х, по прошествии которого, практика, приведшая к нему, по мнению многих экспертов, повторяется сызнова и не только в России. Как же избежать действия этого механизма, который представляется действующим подобно автомату, не оставляя возможности для деятельности человеческого разума? Поиск ответа на этот вопрос включает в себе *задачу* нашего исследования и позволяет определить его объект и предмет.

Объект исследования в данной статье – роль человеческой сознательной деятельности в условиях современной экономической действительности, а его *предмет* – особенность способа обнаружения сознанием, разумом человека, имманентной реальности современной экономики собственной всеобщей (априорной) идентичности.

Методология исследования исходит из необходимости выявления внутренне присущей человеческому сознанию диалектики, которая отражает специфические особенности формы выявляемого сознанием содержания реальности. Эта внутренняя диалектика сознания в деле выражения и осознания содержания действительности была исследована в «онтогносеологии» Мих. А. Лифшица, в частности в его статье «Лессинг и диалектика художественной формы» [1]. И хотя материалом исследования в ней является проблематика искусствознания, тем не менее, поскольку речь идёт о специфических особенностях формы проявления содержания, то из неё можно почерпнуть и выводы общеметодологического характера.

Итак, как же разумно жить в неразумные времена, в чём может состоять деятельность разума в условиях, когда существующая реальность кажется не оставляет возможности для его деятельности? Именно эта ситуация рассматривается как фактически существующая в упомянутой нами статье Мих. А. Лифшица по исследованию роли сознания в деле обнаружения и выражения всеобщего, в частности художественного, содержания. В ней речь идёт о драме человеческого сознания, которая состоит в том, что, с одной стороны, оно является стихийной «движущейся картиной» мира, отражающей его

непосредственно, слитно и экспрессивно, а с другой – должно быть уяснением этой картины, что предполагает её расчленение в интеллектуальной рефлексии. Самое совершенное подражание, – приводит Лифшиц слова одного французского автора, – живет искусственной жизнью, заимствованной у реального предмета, в котором кипит естественная активность и который воздействует на нас в силу власти, вложенной в него самой природой. Но эта естественная активность природы, эта власть ее над человеком слишком сильна для него, и, чтобы приспособить «естественную активность» к своим масштабам, он создает искусственную жизнь, «новую природу». К этому второму искусственному миру человека относятся и реалии современной экономической практики, которые позволяют человеку хозяйствовать, избегая сокрушающих ударов рыночной стихии, которая бы потрясла его хозяйство до основания. Но в силу рокового закона развития все патетическое, чувственное, природное замирает в искусственном мире, созданном благодаря интеллектуальной рефлексии человека. Дело рефлексии заключается в том, чтобы как можно лучше отразить всякое влияние окружающей человека стихии – необходимое условие её освоения. Тем самым деятельность сознания сосредотачивается не на отражении внешнего предмета, а на способе его изображения субъектом, то есть центр тяжести в работе сознания переносится со стихии внешнего мира природы на мир искусственный. Здесь не так важен отражаемый предмет реальной стихии, как тонкость исполнения самого отражения. Чтобы избежать этого отрыва от реальности человек в своём стремлении осознать в рефлексии стихию окружающей его реальности (в том числе и экономической) не должен выбирать предметы «безразличные» для него, а только те предметы, которые способны нас интересовать. Но какие именно предметы способны нас интересовать? Интересно для нашего сознания то, что имеет свойство его волновать, а имеет свойство волновать то, что интересно для нашего сознания. Нетрудно заметить в этом противоречии тот порочный круг, который заставил Канта принять теорию априорных форм человеческого сознания, а Дж. Сороса говорить о том, что реалии современной экономической действительности имеют рефлексивную природу [2; 3]. «Рефлексивность означает, – пишет Сорос, – что наше мышление активно влияет на события, в которых мы участвуем и о которых мы думаем ... Истина – соответствие утверждений фактам. Но в ситуациях, включающих в себя мыслящих участников, события ... отражают (отсюда – рефлексивность) влияние решений этих участников ... Будущие события не могут влиять на процесс мышления в настоящем. Но ожидания преодолевают эту изолированность» [2].

Рефлексивность формирует представление о реальности, придавая ей человеческий смысл, проецируя в окружающий мир наши эмоции, аффекты, волевые импульсы. И тогда рефлексивность напоминает кантовскую апперцепцию — творческий синтез материала

восприятия и заранее данной в каждом отдельном случае, то есть априорной с этой точки зрения, предвзятости сознания. Такое решение вопроса в духе психологически понятого Канта, характерное для общественных настроений, сменивших естественнонаучный материализм модой на подчинение объективного мира субъекту, приводит к тому, что теперь объективное и субъективно человеческое, становятся неразличимы.

Изолированность того, что принято называть объективным, от всего человеческого и субъективного, прежде всего, от его мышления, не соответствует реалиям современной экономической действительности – этот вывод составляет лейтмотив всей книги Сороса. Отсюда – неприятие и критика «рыночного фундаментализма», как идеологии, исходящей из естественно-научных предпосылок, игнорирующей специфическую особенность человека как субъекта, активно формирующего своё отношение к природной и общественной реальности. Казалось бы – ничего удивительного для последователя методологии К.Поппера. Но, в который уже раз оказывается, что удивительное рядом! Дело в том, что лейтмотив рассуждений успешного финансиста, признанного мастера хитроумных биржевых операций, так сказать, весьма «созвучен» размышлениям «обыкновенного марксиста», как он сам себя называл, последовательного сторонника присутствия объективного всеобщего (безусловного) измерения во всех формах человеческого сознания и воли, известного философа и искусствоведа Мих. А. Лифшица. «Для меня всегда существовали субъективные свойства объективного мира...», – пишет он в одной из своих рукописей и в сноске специально обращает внимание на то, что, когда Герцен говорит: человеческий разум не гость в этом мире, он отдаёт дань антропоморфизму, и слава богу. Есть что-то верное в антропоморфизме [4, 155].

В чём же здесь дело, что же может быть верного в антропоморфизме и разве успех науки, прежде всего естествознания, не был связан с устранением из физической картины мира всего, что может нарушить ее однородность во всех направлениях, ее удаленность от человеческих понятий нормы, законченности, добра?

Обращение Лифшица к литературно-философским исканиям Лессинга представляет собой попытку содержательного ответа на этот вопрос. Замечательно то, отмечает Лифшиц, что в поисках способа «превратить уху в аквариум», обнаружить в простых эмпирических явлениях суетной действительности внутреннюю самобытность и жизненную индивидуальность, достойную художественного изображения, Лессинг не обращён только в прошлое, он ищет диалектический поворот в историческом развитии искусства и человеческого духа вообще. Он ищет лекарство от болезни в самом зле. Если человечество зашло слишком далеко, следуя дерзкой абстракции, бросающей вызов природе, нужно искать выход на почве

совершившихся фактов. Лучше бессознательная, невольная преданность тому, что действительно есть и бывает в жизни, чем искусственные попытки представить в ней актуально существующим некое, превышающее суетность рядовых явлений содержательное единство, достойное кисти художника.

Выделяя специфику художественной формы в её отличии от формы эмпирической, Лессинг проводит диалектическую антитезу живописи и поэзии. Для обнаружения художественности какого-либо содержания искусству изобразительному нужен покой, поэзии – действие, движение, порождающее форму. Живопись и другие пластические искусства существуют в пространстве, они требуют актуального восприятия нашими органами чувств сразу, синтетически. Произвольные же знаки поэзии, то есть слова, требуют времени и анализа, потому поэтическое искусство более близко к внутренней духовной жизни людей, интеллектуальной рефлексии. В живописи действует «закон единства», в поэзии и музыке – «закон последовательности».

На основании проведенного Лессингом различения противоположных выражений художественной формы – в живописи и в поэзии, – Лифшиц пишет, что выходом для сознания из ситуации скучного круговращения в собственных спекуляциях и обнаружения превышающего эти спекуляции художественного содержания может быть развитие наиболее рефлексивного вида художественной деятельности – поэзии. Правда, поэт пользуется абстракциями, словами, он не может как живописец сразу выразить содержание реальности во всей его спонтанной актуальности. Но поэзия способна компенсировать недостающий ей элемент жизненной актуальности, если будет следовать своему собственному пути – *через закономерность формы продвигаться к более конкретному содержанию*. Ведь существует не только совершенство тела, но и совершенство действия. Живопись непосредственно представляет факт единства материального бытия как положительную ценность, как утверждение, но рефлексии открыто все развитие жизни, включая в этот процесс и отрицание, и зло, и безобразия.

По аналогии с этим рассуждением можно сказать, что если во всём общественном мире торжествует сугубо рациональное начало техники и администрирования, то в противоположность идеологии «рыночного фундаментализма», нельзя закрывать на это глаза и делать вид, что экономическая реальность способна непосредственно (спонтанно) представить для сознания человека своё самобытное содержание. Последнее имело место в условиях, когда всеобщая определённая реальность экономической действительности (стоимость) непосредственно представлялась в виде денег, обеспеченных золотым содержанием. Но сегодня когда экономическое развитие оставило далеко позади времена «золотого стандарта» не следует непосредственно следовать логике существующей реальности. Эта реальность производна

от предвзятостей человеческого сознания и непосредственное следование её логике приводит сознание в спекулятивный кругооборот собственных измышлений.

Поэтому, если экономические реалии таковы, что их всеобщее, априорное содержание оказывается неспособным для своего непосредственного представления в действительности, а потому и в человеческом сознании, значит оно доступно той форме сознания, где действует «последовательность». Таковой является рефлексия, мышление, мысль, основанием которой служит всеобщая подтасованность, объективная фабула действительности. Мысль есть выражение формальной стороны мира вещей, явления мира в целом, в силу чего она есть нечто положительное, положительное в природе конечных вещей, её основа – сохранение и развитие, не покойный синтез, а поступательное развитие, плюс в борьбе пожирающих друг друга крайностей. Мысль позволяет проследить реальный процесс становления содержательного единства реальности, обнаруживая реальную генетическую связь (последовательность) там, где на поверхности выступают не связанные между собой и даже противоречащие друг другу явления. Поэтому она есть также выражение разницы между объективно разумным, естественно закономерным, нормой и болезненным, ненормальным, отрицательным.

В этом контексте представляются весьма интересными исследования и выводы известного экономиста М.Хазина относительно так называемого постиндустриального состояния современной экономики [5]. Основанием для признания состояния современной экономики в качестве постиндустриального послужило колоссальное развитие информационных технологий в 90-е годы, которое существенно изменило структуру экономики США. Причём последнее десятилетие XX века характеризовалось для США чрезвычайно высокими темпами экономического роста, намного превышающими среднестатистические показатели, и следует отметить, что этот результат был достигнут практически без видимого роста инфляции, что является уникальным результатом для американской экономики. Естественно, что подобные достижения породили многочисленные теоретические суждения об их причинах и следствиях. В конце концов, сформировалось достаточно прочное и однозначное мнение, согласно которому (если не вдаваться в детали) основной причиной экономических успехов США являются информационные технологии. Эту логику, в частности, неоднократно озвучивал председатель федеральной резервной системы Алан Гринспен в своих официальных выступлениях. Это в свою очередь послужило основанием определения «постиндустриального» общества как экономической базы общества в состоянии «постмодерна». При этом развитие человечества описывается в рамках линии «премодерн» – «модерн» – «постмодерн». При поддержке идеологической машины США, соответствующее понимание стало доминирующим в

современных работах по экономическому развитию, пишет М.Хазин. Однако, продолжает он далее, экономические проблемы последних лет поставили серьезный вопрос: действительно ли «постиндустриальное общество» имеет место как устойчивое историческое явление или же это локальный феномен, связанный, например, со спецификой системы мирового разделения труда или контроля над единственным мировым эмиссионным центром? Ответить на этот вопрос возможно лишь в том случае, если выявлено превышающее существующие экономические реалии измерение. Но как его выявить? Здесь и обнаруживается общеметодологическое значение выявленных ещё Лессингом различие специфических особенностей двух сторон сознания в обнаружении всеобщего измерения реальности.

Проследим за ходом рассуждений М.Хазина. Прежде всего он отмечает, что с начала прошлого века наблюдается постоянное доминирование фондового рынка в экономической жизни (особенно США), который стал фактически основным регулятором основных экономических процессов. Этот рынок существует в разных странах уже несколько сот лет, но весьма редко выходил на спекулятивные «пирамидальные» схемы. Почему, ведь в условиях фондового рынка, где инвестиции основаны на предвидении будущей прибыли, легко раскручивается маховик спекуляций. И то, что вращение этого маховика оставалось вполне приемлемым для экономики в целом, было связано с наличием так называемой «правильной» цены на акции, величину которой мог легко определить любой, даже начинающий инвестор. Грубо говоря, реальный доход, получаемый инвестором от купленных акций, должен был примерно соответствовать доходности по банковскому депозиту на аналогичную сумму, с учетом «премии», связанной с большим риском такого размещения капитала. Другим популярным методом определения справедливой цены является соотнесение текущей стоимости акции с чистой прибылью компании, приходящейся на эту акцию. Смысл такого соотнесения очевиден: он показывает, сколько годовых прибылей понадобится, чтобы «окупить» текущую капитализацию компании. Или, иными словами, за сколько лет (с предположением сохранения текущей годовой прибыли) компания сможет окупить себя. Указанное соотношение могло, в зависимости от общей ситуации в экономике и с учетом «премии за риск», равняться 8 или 15, или даже 20, но не 50, 200 или, тем более, 1000. В том случае, если стоимость акции серьезно превышала эту, «правильную» цену, она считалась переоцененной, и шансы на ее продажу сильно падали, что, естественно, приводило к падению цен. Соответственно, если цена была значительно ниже «правильной», компанию считали недооцененной и, как следствие, цены на ее акции росли. Таким образом, спекулятивная составляющая в цене акций редко играла существенную роль (при условии рациональности инвесторов).

Затем, по мере развития мировой экономики, все большую роль в оценке стоимости акций стала играть оценка стоимости активов предприятий-эмитентов. Логика при этом была естественная, хотя и не всегда правильная: чем больше инвестиций вложено в предприятие, тем больше будет его прибыль в будущем и, тем самым, дивиденды для акционеров. Эта логика далеко не всегда работает, но теоретически ее можно оправдать, во всяком случае, если существует объективный контроль стоимости активов и эффективностью инвестиций.

Одним словом считалось, что механизм формирования рыночных цен работает только в одном направлении – пассивно отражая условия спроса и предложения, при этом игнорировалось то, что само движение цен меняет намерения покупателей и продавцов торговать по данной цене, например, потому что они ожидают повышения цены в будущем. Однако быстрый рост предприятий информационных отраслей в первое время их существования вызвал естественное желание экстраполировать его в будущее, причем на неопределенный срок. Это желание стимулировалось высокой доходностью инвестиций в высокотехнологичные отрасли экономики. Дело в том, что всякая экономика (тем более, современная высокотехнологичная) зависит от инвестирования. В классической промышленной экономике рост инвестирования ведёт к росту прибыли за счет снижения издержек на единицу продукции. Однако величина этого роста даже отдаленно не может сравниться с параметрами «новой экономики».

Затраты на производство одного автомобиля в серии из 1000 штук обычно меньше, чем в серии из 100, однако это отличие незначительно и выражается в нескольких процентах. В «новой экономике» ситуация другая, поскольку компьютерная программа, как бы дорого ни стоила ее разработка, после своего завершения может копироваться в любом количестве экземпляров практически бесплатно. Это приносило компании-собственнику этой программы чистый рост прибыли в соответствии с простым ростом продаж. Соответственно росла и спекулятивная составляющая в стоимости акций «новой экономики», и их общая капитализация.

Однако первоначально для подавляющего большинства компаний «новой экономики» росли только валовые доходы (то есть продажи), прибыли от их деятельности еще не было вообще. А поскольку желание роста акций «новой экономики» было общим, то на базе этого консенсуса произошло изменение психологии инвесторов – основной характеристикой предприятия (во всяком случае, для предприятий «новой экономики») вместо уже осуществленной прибыли стала будущая доходность. А будущая доходность зависит в первую очередь именно от роста продаж. Таким образом, в пропаганде будущего развития «новой экономики» все большую роль начали играть маркетинговые технологии. Как бы то ни было, но курсы акций всё более стали отражать не прибыль, состояние баланса и дивиденды за *прошлый* год, а *будущий* поток

прибыли, дивидендов и стоимость основных средств. Этот поток не является данным; поэтому он не составляет предмет знания, а представляет собой предмет догадок. И тогда будущее, когда оно наступит, уже будет находиться под влиянием предшествовавших ему догадок. Догадки находят выражение в курсах акций, а курс акций влияет на основные показатели оценки её стоимости. Тем самым, формируется модель экономики, в которой капитализация компании определяется не столько по *выходящим* потокам (продажам), сколько по *входящим* (инвестициям в самом широком смысле этого слова) [6]. Как не согласиться здесь с Дж.Соросом, который настаивает на рефлексивной природе современных экономических реалий [2].

Кроме того, для большинства американских компаний «новой экономики», котирующихся на бирже, характерно было сохранение относительно больших объемов нераспределенных акций, остающихся в собственности корпораций, а также сосредоточение крупных пакетов в руках их создателей. Такая ситуация позволила компаниям и владельцам крупных пакетов проводить достаточно простые комбинации, которые могли резко увеличить их капиталы. превратить крупные пакеты акций в деньги стало возможно без их продажи, которая неминуемо привела бы к резкому падению их цены (ведь объемы пакетов, находящиеся в руках крупных собственников, иногда в разы превышали объемы, постоянно торгующиеся на бирже). Достаточно было взять кредиты под залог этих пакетов.

Проблема организаторов таких схем была только в одном – необходимо было предъявить достаточно правдоподобные доказательства «объективности» предстоящего роста акций – что было невозможно без активного создания и развития новых маркетинговых технологий для «новой экономики». По этой причине до начала получения стабильных прибылей основным товаром «новой экономики» стала продажа новых механизмов продажи продукции экономики традиционной. Как следствие, основные инвестиции в «новую экономику» даются под новые маркетинговые технологии на базе Интернета. Это еще более усилило эффект влияния этих маркетинговых технологий и присущих им эффектов на общую картину развития «новой экономики». В результате основным покупателем услуг «новой экономики» стала она сама. Начал расти колоссальный «мыльный пузырь» виртуальной экономики, объем которого существенно превышал объем той «пуповины», которая связывала ее с экономикой старой, реальной. Информационные технологии не вызвали роста производительности труда в традиционных отраслях, этот рост в рамках глобализации был связан исключительно с процессами разделения труда.

Поэтому даже в тех странах, в которых принципиально изменилась структура производства, структура потребления практически осталась прежней, люди по-прежнему тратят деньги на еду, жилье, отдых, медицину и образование. В этом смысле, в неразделимой паре

производство-потребление, «новая» экономика изменила только первую часть, что само по себе достаточно спорное достижение, поскольку все до сих пор происходившие структурные кризисы (в том числе тот, который существенно повлиял на судьбу СССР) были вызваны как раз несоответствием структуры производства структуре потребления.

Таким образом, первое, что хотелось бы отметить в качестве вывода, это то, что именно интеллектуальная рефлексия, отражающая закономерность экономической общественной формы, замкнутой взаимопревращением взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих полюсов своего выражения – производства и потребления, – позволяет Хазину выявить собственную сверхэмпирическую определённую современных экономических реалий.

Поэтому, следующий вывод состоит в том, что всеобщее, априорное измерение сегодняшней экономической реальности и существует в состоянии, которое адекватно передаёт гегелевское понятие «*ideelle*», что означает умственное, головное, сущее лишь в интеллектуальной рефлексии единство противоположных проявлений реальности. При этом нельзя сказать, что, «*Ideelle*» (сущее в идеях) есть только головное, имеющее отношение к человеческому сознанию. Это не так, ибо то, что существует как содержание человеческой мысли, даже не достигая статуса истины как отражения истинного бытия, все же имеет соответствующую ему объективную реальность.

Третье. В свете этой сверхэмпирической фабулы выясняется, что весь феномен современной американской «постиндустриальности» построен исключительно на внеэкономическом, чисто спекулятивном перераспределении ресурсов в пользу высокотехнологичных отраслей экономики, то есть на принципиальном и серьезном искажении ценовых пропорций в американской экономике. И в этом смысле аналогия о сходстве советской «оборонки» 60-х – 80-х годов и современной «новой» экономики в США становится еще более прозрачной. Добавим еще, что, в отличие от СССР, в США «невозможные» на сегодня отрасли относятся не столько к высокотехнологическим оборонным, сколько к самым простым и бесхитростным отраслям промышленности. То есть, современное американское общество, в рамках своей «постиндустриальности», не в состоянии обеспечить за счет собственных ресурсов даже самые простые потребности своих членов. Тем самым, становится очевидным, что феномен существующей ныне постиндустриальности, скроенной по американскому образцу, может быть определён только как локальный, связанный со спецификой системы мирового разделения труда и контроля над единственным мировым эмиссионным центром, поскольку лишён того свойства, которое было присуще всякой настоящей новой экономической парадигме – самодостаточности или самобытности формы.

Литература

1. **Лифшиц Мих.А.** Лессинг и диалектика художественной формы. – <http://mesotes.narod.ru>. 2. **Сорос Дж.** Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. – М.: ИНФРА – М, 1999. – 262 с. 3. **G. Soros.** The false belief at the heart of the financial turmoil. – <http://www.Finansial> Times.Com. 4. **Лифшиц М.А.** Что такое классика? – М.: «Искусство XXI век», 2004. – 512 с. 5. **Хазин М.Л.** Постмодернизм – реальность или фантазия. – <http://www.worldcrisis.ru>. 6. **Кобяков А.Б., Хазин М.Л.** Закат империи доллара и конец Pax Americana, М., Издательство «Вече», 2003 – 368 с. (серия «Новый ракурс»).

Молодцов Б. І. Про специфіку рефлексивного вираження надемпіричної визначеності економічної суспільної єдності

У статті простежується генетична єдність різних форм вираження економічною реальністю свого надемпіричного виміру. Сучасний стан цієї реальності занурений у коловорот спекулятивної рефлексії людського розсудку, що є наслідком надто щільної прив'язки людської свідомості до буття. Тому, для того щоб виявити надемпіричний вимір реалій сучасної економіки людської свідомості потрібен розум, спроможний відсторонюватися від реалій буття та, спираючись на послідовність мислення, виявити надемпіричний вимір реальності у закономірностях розвитку її форми. Виходячи з цього виміру, людський розум висвітлює постіндустріальний стан сучасної економіки таким, що суперечить єдності її надемпіричної форми. Тому ми маємо підстави визначити його тільки як щось історично особливе, навіть перетворене, а не безумовно закономірне.

Ключові слова: форма, безумовне пряме вираження змісту, вираження через інтелектуальну рефлексію, спекуляція, розсудок, розум, об'єктивна мислева форма.

Молодцов Б. И. О специфике рефлексивного выражения надэмпирической определённости экономического общественного единства

В статье прослеживается генетическое единство различных форм выражения экономической реальностью своего надэмпирического измерения. Современное состояние этой реальности погружено в кругооборот спекулятивной рефлексии человеческого рассудка, что является следствием слишком плотной привязки сознания человека к бытию. Поэтому, для того чтобы выявить надэмпирическое измерение реалій современной экономики человеческому сознанию необходим разум, способный отстраниться от реалій бытия и, опираясь на последовательность мышления, выявить надэмпирическое измерение реальности в закономірностях развития её формы. В свете этого измерения становится ясным, что постіндустріальное состояние

современной экономики противоречит единству её надэмпирической формы. Поэтому мы имеем основание определить его только как что-то исторически особенное, даже превращённое, а не безусловно закономерное.

Ключевые слова: форма, безусловное прямое выражение содержания, выражение через интеллектуальную рефлексию, спекуляция, рассудок, разум, объективная мысленная форма.

Molodtsov B. I. On specifics of reflective expression of the overempiric distinctness of the economic social unity.

In the article the author clears up genetic identity of different forms of revealing by economic reality its overempiric dimension. Modern state of this reality is deepen into speculative reflection of human common sense which is a consequence of a tight connection of a human consciousness to the being. To discover the overempiric dimension of the contemporary economic reality the human mind needs to have an ability to overcome dependence from reality, and through the logical thinking discover overempiric dimension of reality in appropriateness of development of its form. In the light of this dimation it becomes clear that post-industrial state of the contemporary economy is in conflict with unity of its overempiric form. That is why we have reasons to determine it as something historically limited, even changed, but not natural.

Key words: form, direct expression of contents, expression through intellectual reflection, speculation, common sense, mind, objective thinking form.

УДК 141.7

Попов В. Б.

**ПРОБЛЕМА МНОГОМЕРНОСТИ В НЕЛИНЕЙНЫХ
ПРОЦЕССАХ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Стремительно распространившиеся в последнее время нелинейные подходы к анализу социальной действительности подошли, на наш взгляд, к важнейшему рубежу – к системно-категориальной структуризации. Между тем выйти на этот уровень как оказалось весьма непросто. Дело даже не столько в засилье постмодернистских подходов с их традиционным отрицанием метанарративов, с методологическим анархизмом, порой причудливо сочетающихся с приматом антрополого-лингвистических методологов. Остается неясным эвристический потенциал тех теорий, выдвигающих понятие нелинейности в качестве методологического основания. Обычные в такой ситуации попытки опереться на синергетический подход, особенно настойчивые в

частности в работе В.В.Васильковой [1], зачастую напоминают стремление объяснить одно малоразработанное при помощи другого недостаточно разработанного. В этой связи К.В.Хвостова, как нам представляется, вполне обоснованно высказывает сомнения в универсальных возможностях синергетики, в частности относительно методологии исторического процесса [2, 30].

Не вдаваясь в детальную проработку историографии, можно констатировать, что модели цикла, волны и ритма становятся широко распространенными подходами к описанию сложных нелинейных процессов. Вполне отчетливо обозначился переход от метафорических представлений о неких кругооборотах и колебаниях к разработке общетеоретических основ динамики неравновесных процессов. Впрочем, есть и альтернативные подходы, наиболее обстоятельно изложенные И.М.Савельевой и А.В.Полетаевым. Согласно их точке зрения, циклические и стадийные концепции являются всего лишь способами системного структурирования исторического времени, условными моделями, которые ни в коем случае нельзя отождествлять с реальными процессами [3, 388, 465]. Подробно разбирая циклические подходы к описанию социальной динамики, показывая их противоречивость, условность и т.п., авторы оставляют в стороне вопрос о том, какая именно реальность стоит за всеми этими схемами. К тому же в свете подобных представлений не понятен их призыв интегрировать стадийные модели с циклическими [3, 465]. Если это всего лишь условность, то какой смысл их «интегрировать» друг с другом, что это даст нам для понимания исторического процесса? Еще одну метаусловность? Воззрения И.М.Савельевой и А.В.Полетаева, восходящие к парадигмам классического веберизма, уже вызвали ряд возражений [4, 30].

Наиболее последовательно идеи построения общей теории нелинейных процессов проводятся в работах В.В.Васильковой, В.И.Пантина, Ю.Н.Соколова и Ю.Н.Мельникова [1; 5; 6; 7]. Если первая, как уже говорилось, при их изучении отдает явный приоритет синергетике, то два последних склоняются в пользу диалектического подхода. В.И.Пантин, развивая тезис о циклическо-волновых процессах как структурном компоненте социальной динамики, синтезирует несколько подходов (синергетический, системно-структурный и отчасти диалектический – понятие о волне, как о «сложной спирали», где витки перекручиваются, растягиваются, меняют форму [5, 27, 32], подводя к мысли о самодостаточной природе данного феномена.

Рассмотренные теории развертываются в тесной взаимосвязи с изучением эмпирических процессов в экономике и политике порой настолько, что некоторые авторы не в силах преодолеть «искушение эмпиризмом» (выстраивание в исторической событийности зачастую надуманных «циклов», что и послужило объектом критики со стороны И.М.Савельевой и А.В.Полетаева). Все это вынуждает многих

исследователей говорить о необходимости построения метатеории нелинейных процессов, но принципы ее построения, предмет и объект исследования видятся по-разному.

В качестве движения в подобном направлении можно предложить разрабатываемую нами теорию объемной эволюции [8; 9]. Ее основные принципы могут быть сведены к следующим моментам: 1) Разнообразные формы социальной динамики (линейные и нелинейные), формируют соответственные пространственно-временные континуумы, отсюда 2) Исторические типы общественного устройства и составляющие их структуры, вписанные в соответствующие пространственно-временные системы координат тем самым также приобретают объемность. 3) Из разноуровневых и разновекторных взаимодействий элементов социальной структуры складываются исторически конкретные системы детерминаций. 4) Динамика линейных и нелинейных исторических форм структурируется синхронным и диахронным измерениями всемирной истории, в основе которых лежит феномен социально-исторического пространства/времени. 5) Помимо пространства, времени, третий момент социальной динамики – собственно движение / развитие / деятельность.

Объемность в понимании эволюционных процессов таким образом понимается нами как их развертывание в пространственно-временном континууме, вмещающем несколько систем координат (субконтинуумов), соответствующим различным типам социальной динамики. Исторические типы общественного устройства тем самым тоже приобретают «объемность», поскольку каждая сфера общественной жизнедеятельности формирует свою систему детерминаций, располагающихся в различных плоскостях по отношению друг к другу. Векторы, исходящие из каждой сферы, взаимодействуя друг с другом, определяют характер «стратегической переменной» в образовавшемся силовом поле.

Всеобщность происходящих процессов, на наш взгляд, вполне адекватно отражает категории «Социетальный универсум» [9, 102–105]. Под таковым мы понимаем пределы бытия социума в его тотальности, сферу существования социальности. Всеобщую систему координат Универсума задают его составляющие – время и пространство, формирующие соответственно диахронное и синхронное измерения общественного бытия. Полюсами здесь будут исторический и социальный пространственно-временные континуумы. Последний воплощает принцип общественного воспроизводства, циклическое регеративное начало. Однако общество не сводится к воссозданию уже имеющегося, а постоянно аккумулирует новое и выходит за свои собственные пределы, что дает приближение к другому полюсу – историческому, олицетворяющему направленность общественной эволюции, в конечном счете, разрыв цикличности линейно-прогрессивной динамикой. При этом соотношение между двумя

полюсами – ипостасями варьруется в различных исторических типах общественного устройства.

Субстанциональным началом обоих континуумов является деятельность индивидов и их общностей. Они не есть некие обособленные друг от друга сферы, но, направив, растворенные друг в друге, проявляются через взаимопереходы – трансформации. Подобно тому как момент процессуальности изначально присутствует в пространстве и наоборот, так социальность имманентна историчности с обратной инверсией. В определенной плоскости социального хронотопа открывается новое историческое пространственно-временное измерение как переход в свое – иное, как самопроявление последнего.

В конечном свете Социетальный Универсум есть абсолютная полнота социальной формы бытия в единстве с ее движением, вмещающая исторический и социальный континуумы, диахронность и синхронность, непрерывность общественного воспроизводства и «перерыв» непрерывности, линейную и нелинейную динамику.

Данному уровню, на наш взгляд, соответствует, правда сама еще находящаяся в стадии становления, теория многомерности. Само понятие многомерности, постепенно преодолевая свою метафоричность, наполняется эвристическим потенциалом в качестве когнитивной макрокатегории. Решающий шаг в этом направлении, как нам представляется, был проделан В.Л.Алтуховым [10; 11; 12]. Под многомерностью им понимается сущностное качество сложноорганизованных процессов, вмещающее множество измерений [11, 30–31; 12, 30–34]. Тем самым измерение объявляется центральным понятием теории многомерности. По мнению исследователя, измерение представляет собой определенный «срез» целого по определенному основанию, в котором обнаруживается его природа [11, 31]. При этом оно не есть часть целого его подсистема или даже его аспект. Измерения суть несливающееся природы целого, их ядра не смешиваются. В.Л.Алтухов считает возможным разграничить немногомерное и многомерное на категориальном уровне, начиная с разведения категорий «измерение» и «противоположность» [11, 31–32; 12, 60–61]. Противоположности принадлежат к немногомерному миру, противоположности, не вступающие в противоречия друг с другом – это не противоположности, а измерения. В многомерном мире принцип единства и борьбы противоположностей сменяется принципом дополнительности.

В этой связи хотелось бы только отметить, что поставленная В.Л.Алтуховым проблема разграничения категорий «противоположность» и «измерение» видимо нуждается в несколько иных подходах, поскольку тезис «противоположности исключают друг друга» [11, 31] в диалектическом подходе не является самостоятельным, а действует вкуче с другим, ему равнозначным – противоположности предполагают друг друга (нераздельны, находятся в единстве и не

существуют помимо одного). К тому же принцип дополнительности может быть задействован и в рамках диалектики – противоположности дополняют друг друга в своем единстве.

Кроме того, в историографии отмечена и скептическая оценка эвристических возможностей принципа дополнительности. М.А. Дрюк указывает, что его применение в качестве универсальной категории мало что дает науке, поскольку не ясна логика этого принципа, не раскрыты его действующие механизмы [13, 34–35]. По ее мнению в аналогичной ситуации оказывается и сама трактовка многомерности В.Л.Алтухова, в частности ее применение в квантовой механике ведет к явным абсурдам [13, 38]. М.А.Дрюк выделяет несколько вариантов теории многомерности: «перспективная»(Ортега-И-Гассет), синергетическая, «спектральная» или «голографическая» (С.Гроф, Д.Бом), и, наконец, «ипостасная» (В.Л.Алтухов) [13, 31-38]. Она же предлагает использовать в теории многомерности гносеологическую категорию «модель» и принцип химической теории резонанса предельных структур [13, 39–40], что уже в свою очередь может вызвать вопросы об универсальности применения последней, например, при изучении социальных явлений.

Несколько более узкую трактовку многомерности дают В.Ж. Келле [14], Г.С.Пак [15, 16] и некоторые другие исследователи.

Так В.Ж. Келле, в отличие от В.Л. Алтухова, склонен отождествлять измерения и аспекты, выделяя естественноисторическое (объективное), деятельностное и личностное (гуманистическое) измерения [14, 31]. Почему три? Задаст себе вопрос исследователь и соотносит их с тремя направлениями в социологии – объективистское, субъективистское и феноменологическое, что свидетельствует о фундаментальности данных измерений в качестве аспектов анализа социального пространства [14, 34–35]. Определение многомерности В.Ж. Келле не дает, видимо как само собой разумеющееся, но по ходу текста видно, что под многомерностью понимается объемность общества как некоего социального пространства, вмещающего три вышеназванных измерения (аспекта) [14, 29–30, 39].

Г.С.Пак в свою очередь говорит о многомерности исторического времени также, не определяя сам феномен многомерности. Многомерность же истории трактуется ей как процесс сосуществования и взаимодействия системных временных потоков [16, 12], как многоярусность временных ритмов человеческого бытия [16, 21]. Многомерность исторического времени образуется в результате человеческой деятельности, создающей три временных мира: повседневности, культуры и событийности. Тем самым многомерность выступает как взаимная проекция этих трех миров. Почему именно их? В работах Г.С.Пак данный вопрос остался без ответа, хотя много внимания уделено обоснованию фундаментальности данных измерений.

У В.Н.Шевченко свой набор аспектов анализа процесса развития любого объекта, в том числе и общества. Это цикличность,

равномерность и неравномерность [17, 9]. Каждый из них выступает как определенный структурный уровень теории со своим кругом проблем. Первый рассматривает общество как целое, второй – выявляет логику всемирной истории на основе теории общественно-экономических формаций и третий – «деятельностный» аспект охватывает проблематику философского осмысления конкретной истории во всем ее многообразии. При этом термин «измерение» В.Н.Шевченко не использует, отдавая приоритет понятию «аспект».

Свой набор измерений дает и В.Л.Алтухов. Видимо стараясь уйти триадичности как гегелевско-диалектического наследия, он выдвигает четыре измерения исторического процесса: стадильность (вертикальный «срез» истории), цивилизационное измерение (горизонтальный «срез»), человеческое и духовное [12, 85–86].

Ю.А. Поляков под многомерностью понимает многослойность всех существовавших обществ, множественность влияющих на него факторов [18, 5]. Многослойность социальной структуры общества он отражает через категорию русло исторического процесса. В качестве таких русел называются история социальных слоев (классов, групп), а также развитие производительных сил [18, 6–9]. Надо полагать, что этот список может быть продолжен.

Наконец, В.Е. Кемеров, как и многие другие, использует термин «многомерность» чисто метафорически для обозначения сложности глубины бытия [19, 79, 92].

В западной литературе понятие многомерности, насколько мы можем судить, не рассматривается на концептуальном уровне, хотя используется в рамках социологической теории, связываемое с такими именами как М.Вебер, Т.Парсонс и особенно Дж.Александр [20; 21]. Последний в своем четырехтомном труде „Теоретическая Логика в социологии” проводит идею многомерности через синтез различных противоположных направлений: утилитаристического и нормативистского в социологии и даже пытается найти синтетическую альтернативу идеализму и материализму. По мнению некторых авторов, этот замысел так и остался нереализованным и Дж.Александеру не удалось ни существенно продвинуться в создании многомерной социологической теории, ни методологически обосновать ее превосходство над однополярными подходами [20, 273–274, 279, 289–891; 21, 889–892]. Феномен многомерности Дж.Александр раскрывает через понятие „взаимопроникновение”, разработанное Т.Парсонсом, в частности в его системе „AGIL”. [20, 282–283], предполагающее, что различные компоненты социальной действительности будучи „вплавлены” друг в друга, проявляются не порознь, а вместе. Многомерная теория действия по Дж.Александеру должна соединить материальные и идеальные элементы, инструментальное и нормативное, порядок и движение, внутреннее и внешнее [20, 277–279, 283, 285]. Применяя парсоновскую модель кибернетической иерархии идеальных и

условных элементов в социальном действии, Дж.Александр постулирует понятие „эпистемологического континуума”, интегрирующего теоретические и эмпирические компоненты в аспекте их взаимопроникновения [20, 285–286]. При этом различные сегменты науки располагаются в данном континууме соответственно степени их абстрактности. Отсюда наука представляет собой одновременное двухнаправленное движение через смежные уровни гносеологического континуума.

Анализируя в целом концепцию Дж.Александера, приходится констатировать, что феномен многомерности изучается им не как самостоятельный объект, а как одно из свойств сложноорганизованных структур, проявляющееся в социальной действительности. Многомерность, как теоретический конструкт, здесь выполняет вспомогательную роль в общей теории социального действия. Работы Дж.Александера при этом похоже были последним теоретически значимым подходом к феномену многомерности в западной науке, впоследствии данное понятие рассматривается сугубо с эмпирических позиций в статистических исследованиях (многоуровневый) многомерный анализ социологических данных – см. например [22].

Сравнивая подходы к проблеме многомерности в зарубежной и отечественной литературе, нельзя не прийти к выводу, что попытки концептуального подхода к ней характеризуют именно последнюю, где видимо до конца не изжито классическое стремление ко всеобщности осмысления. Отсюда и попытки четко зафиксировать структуру предмета исследования через определенный набор измерений. Не можем и мы остаться в стороне от распространенных исканий отечественной историографии, поддавшись искушению предложить свой набор измерений. Исходя из нашей трактовки макроструктуры Социетального Универсума, имеет смысл выделить социально-функциональное (регенеративное) и трансформационно-историческое измерение, связывающим звеном между которыми будет деятельность индивидов и социальных групп.

Уже первый самый беглый анализ «наборов» предполагаемых измерений у разных авторов, свидетельствует все же не о произвольности их составления, как это может показаться, а в многообразии оснований, по которым можно провести тот или иной «срез». Именно это, на наш взгляд, имел в виду В. Л. Алтухов, когда писал о непересекаемости измерений, что препятствует их объединению в одну концептуальную модель [12, 86].

В принципе все теории, стремящиеся четко зафиксировать количество измерений, времен и континуумов, сталкиваются с весьма серьезными методологическими трудностями. Так А.А. Макейчик в своей интересной работе, явно отражающей нелинейные предпочтения автора, хотя и не используя категорию многомерности, пишет о дихронности (двоевременно) социокультурных комплексов, находящихся

на разных уровнях общественного развития, что предполагает гетерогенную временную организацию социума [23, 26, 37]. При этом дихронность действует в связке с монохронностью [23, 18], таким образом, один и тот же народ может переживать дихронные и монохронные периоды своей истории [23, 29].

Отсюда возникает целый ряд вопросов. Первое, может ли социальная гетерогенность иметь более сложную, например триахронную природу и так далее? А.А.Макейчик связывает природу диахронности со взаимодействием внутреннего и внешнего начала (в частности внедрение в традиционные общества стадияльно высших форм как раз и породило феномен дихронности) [23, 18, 24]. Отсюда следующее: может ли быть источник разновременья сугубо внутри общества? Так автор пишет о дихронном консерватизме, выражающего неисчерпанности изживающей самобытности, ее способность к дальнейшему существованию [23, 33–34]. Взаимодействие диахронного и монохронного консерватизма с монохронным прогрессизмом дает более сложную картину триахронности, а в перспективе возможен еще и диахронный прогрессизм.

Например, латиноамериканские общества дают примеры существования сразу нескольких разновременных укладов: первый связан с традиционными формами социальности, другой – рабовладельческое плантационное хозяйство, третий – имеет прообразы в феодальных отношениях (энкомьенда), причем два последних феномена здесь явно лишены стадияльной определенности европейских линейно-поступательных аналогов. Наконец впоследствии произошло проникновение стадияльно-формационного капитализма Запада, что в итоге дало многомерный феномен постколониального развития. Везде, где стадияльные и астадияльные формы накладываются друг на друга, количество континуумов и субконтинуумов множится вне строгой определенности.

Наконец, возникновение разновременных форм известно и в линейно-стадияльном (формационном) типе эволюции. Так предкапиталистические элементы (мануфактуры) возникают на севере Италии уже в конце XIII в., просуществовав достаточно длительное время с феодальными (явная дихрония), они в данном случае так и не смогли возобладать, обуславливая переход к качественно высшей формации, вплоть до XIX в., когда вступил в действие уже внешний фактор.

Все вышеизложенное, по нашему мнению, свидетельствует в пользу того обстоятельства, что предметом многомерного подхода является не выделение строго определенного количества измерений, континуумов, времен и тем более не сведение их к общему знаменателю, а изучение способов «состыковки» (взаимодополнения) моделей, описывающих то или иное измерение, на что прямо и указывает В.Л.Алтухов [12, 87].

Вышеприведенный историографический обзор позволяет выделить несколько уровней осмысления понятия „многомерность”. Первый – это метафорически-образный, где данная категория используется чисто иллюстративно (например, „однополярный человек” Г.Маркузе, допускающий наличие „многомерного”). Следующий уровень предполагает, что понятие „многомерность” отражает определенные стороны действительности. При этом его значимость и степень всеобщности различаются у разных авторов. В этот ряд вместе с рассмотренным выше Дж.Александром можем поставить концепцию „многоместного разума” В.С.Библера [24, 4, 262], многомерное текстовое пространство (поликонституальность) в „Грамматологии Ж.Дерриды, идею многомерности глобализационных процессов и множественности модернов У.Бека [25, 23, 155] наряду с „(г)локализацией Р.Робертсона, а также первые четыре варианта из списка М.А.Дрюк, вкупе с неназванным ею принципом комплементарности Н.Бора. В принципе этот список можно продолжить и далее. Данные разработки в области многомерных процессов и явлений не носят системного концептуального характера, касающегося сущности самого феномена многомерности как такового. Следующий философско-методологический уровень осмысления, связанный с ответом на вышеназванный вопрос, еще только формируется. У его основания лежат работы В.Л.Алтухова, известные усилия в этом сегменте предприняты В.Ж.Келли, М.А.Дрюк, Г.С.Пак и некоторыми другими исследователями.

Как представляется, эвристический потенциал теории многомерности может быть раскрыт на нескольких уровнях. Предельный уровень абстракции здесь составит многомерность как способ организации Вселенной (Абсолютная многомерность) с ее эволюционной ипостасью – Абсолютным эволюционным континуумом и субконтинуумами (физическим, биологическим, социальным и пр.). Социальная многомерность не есть простой синтез различных качеств, моментов, аспектов и т.п., она не сводится к многослойности социальных структур и разновекторности общественных детерминаций. На уровне социальной тотальности (социетальности) многомерность выступает как сущностная черта сложного нелинейного объекта, как абсолютная полнота и принципиальная вместимость определенного количества его субконтинуумов, заданных каким-либо системным качеством, представляющим собой отражение целого практически в соответствии с классическим принципом пантеизма «все во всем». Тем самым данная целостность способна одновременно существовать в нескольких системах измерения, связанных между собой по принципу комплементарности. В этом смысле социальная реальность может быть уподоблена бесконечности Вселенной. В христианской парадигме данный феномен раскрывается через божественные ипостаси. Человек также является абсолютной полнотой своих измерений (биологического,

психического, социального и космического) не редуцируемых и не суммируемых друг с другом.

Литература

- 1. Василькова В.В.** Порядок и хаос в развитии социальных систем. – СПб., 1999. – 480 с.
- 2. Хвостова К.В.** Постмодернизм, синергетика и современная наука // ННИ. – 2006.– № 2. – С. 22 – 33.
- 3. Савельева И.М.,** Полетаев А.В. История и время . В поисках утраченного. – М., 1997. – 800 с.
- 4. Лапкин В.В.** Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис. – 2002.– № 4. – С. 26 – 31.
- 5. Пантин В.И.** Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М., 2004. – 246 с.
- 6. Соколов Ю.Н.** Общая теория цикла как метод познания. – Ставрополь, 2002. – 179 с.
- 7. Мельников Ю.Н.** Циклическое развитие общественных систем и России – Ульяновск, 2005 .– 224 с.
- 8. Попов В.Б.** Синхронное и диахронное измерения всемирной истории // ПФ. – 2004. – № 4.– С. 46 – 58.
- 9. Попов В.Б.** О природе социально-исторических трансформаций: движение в континууме глобальности // ПФ. – 2007. – № 4. – С. 100 – 111.
- 10. Алтухов В.Л.** О смене порядков в мировом общественном развитии // МЭМО. – 1995. – № 4. – С. 5 – 21.
- 11. Алтухов В.Л.** Многомерный мир третьего тысячелетия // МЭМО. – 2000. – № 7. – С. 30 – 38.
- 12. Алтухов В.Л.** Логика человеко- и мироустроения. – М., 2003. – 97 с.
- 13. Дрюк М.А.** Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // ВМУ.– Сер. 7. – 2002. – № 2.
- 15. Келле В.Ж.** Проблема многомерности в методологии социально-исторического познания // Проблемы исторического познания. – М., 2002. – С. 28 – 41.
- 16. Пак Г.С.** Многомерное время истории как человеческой деятельности. – Н. Новгород, 1998. – 182 с.
- 17. Пак Г.С.** Многомерное время истории как человеческой деятельности: Автореферат дис. ... докт. филос. наук. – Екатеринбург, 2000.– 48 с.
- 18. Шевченко В.Н.** Социально-философский анализ общества. – М., 1984. – 243 с.
- 19. Поляков Ю.А.** Как отразить многомерность истории // ННИ. – 2003. – № 4. – С. 3 – 10.
- 20. Кемеров В.Е.** Введение в социальную философию. – СПб., 2001. – 268 с.
- 21. Burger T.** Multidimensional problems: a critique of Iebfrey Alexander's „Teortical Jologic in Sociologi // the Sociological quarterly. – V. 27. – 32.
- 22. Collins R.** Iebfrey Alexander and the search for multidimensional theori // Theori and Society. – 1985. – U. 14. – № 6.
- 23. Wond R. S–K.** Multidimensional association models: a multilinear appraach / Sociological methods and researsh. – 2001. – V. 30. – № 2.
- 24. Макейчик А.А.** Философия диахронности. – СПб., 2001. – 62 с.
- 25. Библер В.С.** От наукоучения к логике культуры. – М., 1991.
- 26. Бек У.** Что такое глобализация? – М., 2001.

Список сокращений

ВМУ – Вестник Московского университета

ВФ – Вопросы философии

МЭМО – Мировая экономика и международные отношения

ННИ – Новая и новейшая история

ПФ – Практична філософія

Попов В. Б. Проблема багатовимірності в нелінійних процесах: спроба концептуального осмислення в науковій літературі

Статтю присвячено аналізу феномена багатовимірності як соціально-філософської макрокатегорії. Виділяється декілька рівнів її осмислення.

Ключові слова: Соціетальний універсум, астадіальність, синхронність, діахронність, багатовимірність, об'ємна еволюція, нелінійність.

Попов В. Б. Проблема многомерности в нелинейных процессах: попытка концептуального осмысления в научной литературе

Статья посвящена анализу феномена многомерности как социально-философской макрокатегории. Выделяются несколько уровней ее осмысления.

Ключевые слова: Социетальный универсум, астадиальность, синхронность, диахронность, многомерность, объемная эволюция, нелинейность.

Popov V. B. The problem of multidimension in nonlinear processes: an attempt of conceptual understanding in scientific literature.

The article is devoted to the phenomenon of multidimension as social and philosophic macrocategory. There determined several levels of its understanding.

Key words: Societal universum, synchronic, diachronic, multidimensional, volumetrical evolution, non-linear.

УДК 316.2

Тягнибедина О. С.

**МИРО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И.ВАЛЛЕРСТАЙНА –
НЕТРАДИЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Американский ученый, всемирно известный социолог Иммануил Валлерстайн в начале 70-х годов XX столетия создал основы нетрадиционной концепции миро-системного анализа, ставшей

известной в нашей стране сравнительно недавно, так как его научные работы начали издаваться на русском языке только с 2001 года.

Концепция миро-системного анализа позволила объяснить и предвидеть многие социальные явления, которые не имели достаточных оснований в рамках традиционных социальных учений.

Так, события 1989 – 1991 гг., приведшие к развалу СССР и значительной части социалистической системы, „не явились чем-то неожиданным для приверженцев миро-системного анализа” [1, с. 14]. Пророчества Валлерстайна относительно мирового экономического кризиса, которые не воспринимались, отвергались еще в середине 90-х годов, стали реальностью конца XX – начала XXI века.

Задача данной статьи – представить особенности понимания социального процесса в рамках концепции миро-системного анализа И.Валлерстайна.

По Валлерстайну, традиционное социальное научное исследование, возникшее в середине XIX в. и существующее 150 лет, основано на таких фундаментальных принципах, которые не дают возможности описать реальность в более „удовлетворительной манере”. Речь идет, прежде всего, о принципе обособленности социальных наук, который следует заменить принципом „междисциплинарного исследования”.

„Социальные науки состоят из нескольких „дисциплин”, которые являются интеллектуально связанными группировками, предметно отличающимися друг от друга. Этими дисциплинами чаще всего считаются антропология, экономика, политическая наука и социология. Конечно, имеются и потенциальные добавления к этому перечню такие, как география. Является ли история социальной наукой или нет – предмет полемики... Существует растущая мода, по крайней мере с 1945 г., выражать сожаление по поводу ненужных барьеров между дисциплинами и отстаивать достоинства „междисциплинарного” исследования и/или обучения... Говорят, например, что если мы хотим исследовать „труд”, то объединение знаний, предлагаемых экономикой, политической наукой и социологией, могло бы быть очень выгодным” [2, с. 2].

В связи с этим Валлерстайн не находит убедительных оснований для утверждения границ между четырьмя дисциплинами: антропологией, экономикой, политической наукой и социологией. Более того, по мнению ученого, настало время сказать, „что эти четыре дисциплины – всего лишь одна. Это не значит, что все ученые-социалы должны выполнять идентичную работу. Существует потребность, и вероятность, специализации в „сфере исследования”. Но давайте помнить один имеющийся у нас важный организационный пример. Где-то в период 1945 – 1955 гг. две до этого времени организационно отдельные „дисциплины” – ботаника и зоология – слились в единую дисциплину, названную биология. С того времени биология стала процветающей

дисципліною і породила множество підотраслей, но ни одна из них, насколько мне известно, не носит названия и не имеет черт ботаники или зоологии” [2, с. 4].

Традиционное научное исследование социальной реальности основано также на разделении истории и социальных наук, идеографического и номотетического способов анализа. Так, история, используя идеографический метод, стремится понять „последовательность событий”, изучить и объяснить особенное, „как оно реально имело место в прошлом”. Социальная наука на основе номотетического метода осуществляет законоподобные обобщения, формулирует универсальный набор правил, „которые объясняют поведение человека (общества)” [2, с. 5].

Проблема этого четкого разделения интеллектуального труда предполагает, по мнению Валлерстайна, „возможность отделения „последовательности” в качестве предмета для „исторического” анализа, а „всеобщностей” – в качестве предмета для „социально-научного” анализа. Однако на практике то, что является последовательностью для одного, всеобщность – для другого, и нейтральный наблюдатель находится в затруднительном положении относительно того, как провести различие между ними...” [2, с. 6].

Миро-системный анализ предлагает рассматривать описание „последовательности”, особенного и познание „всеобщности” в качестве единой задачи единой исторической социальной науки. „Есть ни историк-ученый, ни ученый-социал, а только ученый-историко-социал, который анализирует общие законы отдельных систем и отдельных последовательностей, через которые эти системы прошли...” [2, с. 6].

Признание единства исторической и социальной науки наталкивается на проблему определения „единицы анализа” социальной реальности. Эта проблема решается Валлерстайном отличным от традиционного способом.

Традиционное научное исследование социальной реальности основывалось на понятии „общество”. Валлерстайн подчеркивает, что понятие „общество” использовалось в социальной науке автоматически и нерелексивно, несмотря на бесчисленные страницы, посвященные его определению. В традиционной социальной науке также идет бесконечный спор о том, в каком отношении друг к другу находится общество и государство.

Миро-системный анализ заменяет термин „общество” термином „историческая система”, что подчеркивает единство исторической социальной науки. Целостность одновременно системна и исторична. Это свидетельствует о том, что миро-системный анализ основан на глобальном видении социальной реальности. Объектом исследования является не государство, не гражданское общество одной, отдельно взятой страны, а мир в целом, мир как система. Мир рассматривается образованным общественно-историческими системами.

Валлерстайн выдвигает „проблемную гипотезу” о существовании таких форм или разновидностей исторических систем, как „мини-система” и „мир-система”. „Мини-системы”, названные так, потому что они малы в пространстве и, возможно, относительно кратки во времени (срок жизни – около шести поколений). Мини-системы „можно найти в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах. Таких мини-систем в мире более не существует” [1, с. 24]. На протяжении уже очень длительного времени единственным видом социальной системы является мир-система. Валлерстайн приводит определение: мир-система – это „общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой мир-системы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и мир-экономику” [1, с. 24].

История сосуществования форм исторических систем истолкована Валлерстайном следующим образом. „В досельскохозяйственную эру было множество мини-систем, чья постоянная смерть могла быть в большей степени результатом экологических происшествий плюс раскалывание групп, растущих слишком обильно. Наши знания очень ограничены. Письменности не было, и мы придерживаемся только археологических реконструкций. В период, скажем, 8000 г. до н. э. и 1500 г. н. э. на планете одновременно существовало множество исторических систем всех трех разновидностей. Мировая империя была „сильной” формой этой эры, поскольку всякий раз, когда она расширялась, она разрушала и/или поглощала и мини-системы, и мир-экономики, а когда она сокращалась, она давала возможность для восстановления мини-систем и мировых экономик... Мировые экономики были „слабой” формой, индивидуальной, никогда не живущий долго. Это потому, что они либо дезинтегрировались, либо поглощались мировой империей, либо трансформировались в нее... В районе 1500 г. одна такая мировая экономика сумела избежать этой судьбы” [2, с. 9].

Современный мир-экономика возник в Европе в XVI в. как система, имеющая капиталистическую природу, так как в ней наблюдалось „полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мир-экономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии) являются двумя сторонами монеты. Одна не является причиной другой. Мы просто определяем один и тот же неразделяемый феномен различными характеристиками” [1, с. 25]. Капитализм – „это способ производства, производства для извлечения прибыли на рынке...” [1, с. 35].

По мнению Валлерстайна, капиталистический мир-экономика „существует уже четыре или пять столетий” [1, с. 32], прошел в своем развитии несколько стадий, охватив постепенно „весь земной шар,

адсорбируя в этом процессе все существующие мировые империи. Вследствие этого к концу девятнадцатого века впервые за все время существовала только одна историческая система на земном шаре. И мы сегодня еще находимся в этой ситуации” [2, с. 9].

Капиталистический мир-экономика имеет жесткую структурную иерархию, включает в себя такие структурные элементы, как „сердцевина (центр), полупериферия и периферия”, которые „стабилизировались примерно к 1640 г.” [1, с. 38]. Трехуровневая структура в мир-экономике проявляется в существовании трех видов государств: верхнего слоя государств центра, низшего слоя государств периферии и среднего слоя полупериферийных государств. Состав этих структурных элементов менялся по мере эволюции капиталистического мира-экономики, его перехода от одной стадии к другой. Существует четыре стадии эволюции капиталистической мир-системы как единой системы.

Одновременно Валлерстайн подчеркивает, что „в ходе истории капиталистической мир-экономики были попытки трансформировать ее в направлении мира-империи, но все эти попытки потерпели неудачу. Вместе с тем были и совершенно иные, хотя также повторяющиеся, попытки определенных государств достичь гегемонии в межгосударственной системе” [1, с. 43]. Иными словами, в мир-экономике постоянно происходила борьба за установление лидерства, мировой гегемонии. Валлерстайн дает новую, своеобразную интерпретацию понятия мировой гегемонии, открывает новый этап в изучении глобальных циклов подъема и упадка „великих держав”.

Валлерстайн предлагает следующее определение гегемонии. „В международной системе гегемония соотносится с ситуацией, когда нарушается баланс в непрерывном соперничестве так называемых „великих держав”, и одна из них может навязывать свои правила и волю (как минимум при помощи использования права „вето”) в экономической, политической, дипломатической и даже культурной сфере. Материальная основа такой мощи заключается в способности ее предприятий и фирм действовать более эффективно во всех трех основных экономических областях – сельскохозяйственном и промышленном производстве, торговле и финансах” [1, с. 44].

В истории капиталистического мира-экономики существовало три самостоятельных случая гегемонии: Объединенные провинции (Голландия) в середине XVII в. (1620 – 1672 гг.), Соединенное королевство (Великобритания) в середине XIX в. (1815 – 1873 гг.) и Соединенные Штаты Америки в середине XX в. (1945 – 1967 гг.).

Валлерстайн указывает четыре области, происходившее в которых было аналогичным во всех трех случаях гегемонии.

Первая аналогия касается последовательности достижения и потери относительной эффективности в каждой из трех экономических сфер: сначала в сельскохозяйственном и промышленном производстве,

потом в торговле и затем в финансах. Утрата этих преимуществ происходит в той же последовательности. Гегемония, таким образом, относится к тому короткому периоду, в котором преимущества наблюдаются во всех трех экономических сферах [1, с. 44].

Вторая аналогия относится к идеологии и политике государства-гегемона. Такие державы в период своей гегемонии склонны выступать сторонниками глобального „либерализма”. Они становились защитниками принципа свободного движения факторов производства (товаров, капитала и труда); враждебно относились к меркантилистским ограничениям в торговле; расширили идею либерализма вплоть до всеобщей поддержки либеральных парламентских институтов и гражданских свобод; пытались обеспечить высокий уровень жизни для своего национального рабочего класса, достаточно высокий по мировым стандартам соответствующего времени. Однако эти положения не следует преувеличивать, так как державы-гегемоны постоянно делали какие-либо исключения, если это было в их интересах [1, с. 45].

Третья аналогия заключается в том, что в каждом отдельном случае достижение гегемонии обеспечивалось с помощью Тридцатилетней мировой войны. Под мировой войной Валлерстайн понимает наземную войну, вовлекающую (не обязательно постоянно) почти все крупные военные державы той эпохи в широкомасштабные столкновения, которые являются опустошительными для земли и населения. Каждый пример гегемонии связан с одной из таких войн. „Мировая война „Альфа” была Тридцатилетней войной 1618 – 1848 гг., в которой интересы Голландии в рамках мир-экономики одержали победу над интересами Габсбургов. Мировая война „Бета” являлась циклом Наполеоновских войн 1792 – 1815 гг., в которых Франция была повержена Британией. Мировая война „Гамма” – это длительные Евроазиатские войны 1914 – 1945 гг., в которых интересы США одержали верх над интересами Германии” [1, с. 45].

Валлерстайн указывает, что если войны с ограниченным количеством участников были постоянным явлением в межгосударственной системе капиталистической мир-экономики, то мировые войны, напротив, были редкостью. „Именно их редкость, а также количество и временные рамки, по-видимому, коррелируют с достижениями одной из держав статуса гегемона, из чего вытекает четвертая аналогия” [1, с. 45].

Четвертая аналогия состоит в том, что мировые войны и гегемония фактически связаны с тремя очень долгими „логистическими” циклами: „1450 – 1730 гг. с 1600 – 1650 гг. в качестве пика описывающей кривой; 1730 – 1897 гг. с 1810 – 1817 гг. в качестве пика; и 1897 –? со все еще неопределенным пиком” [1, с. 46]. „Если такие логистические циклы действительно существуют, выходит, что мировая война и (последующая) эра гегемонии расположены где-то вокруг (сразу перед и после) пиков логистического цикла... В течение долгого периода,

следующего за эрой гегемонии, в конечном счете, возникают две державы „кандидаты на успех”: Англия и Франция после гегемонии Голландии; США и Германия после гегемонии Великобритании; и теперь Япония и Западная Европа после гегемонии США. Более того, окончательный победитель из этой пары кандидатов, по-видимому, делает сознательной частью своей стратегии мягкое превращение прежней державы-гегемона в своего „младшего партнера” – Англия по отношению к Голландии, США по отношению к Великобритании...” [1, с. 46].

В исторической эволюции капиталистической мир-экономике как единой системы Валлерстайн различает четыре стадии, в течение которых осуществились эти три самостоятельных случая гегемонии. Рассмотрим, как соотносятся эти три точки гегемонии и стадии развития капиталистического мира-экономики.

Первая стадия – это возникновение европейского мира-экономики в „долгом XVI веке” (1450 – 1640 гг.), которое было обусловлено в значительной степени „географическим расширением разделения труда” [1, с. 46]. Европейский мир-экономика выжил „в условиях попытки Габсбургов преобразовать его в мир-империю, попытки, которая была вполне серьезным намерением Карла V... Когда мечта Габсбургов о мире-империи умерла – а в 1557 г. она умерла окончательно, – капиталистический мир-экономика сделался установившейся системой, которую было почти невозможно разбалансировать” [1, с. 20].

На первой стадии эволюции капиталистического мира-экономики осуществился первый самостоятельный случай гегемонии: Голландия в середине XVII в. (1620 – 1672 гг.) в результате Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг. заняла ведущее положение в мир-экономике.

Структура европейского мира-экономики сформировалась примерно к 1640 г. и имела такой состав: государства на северо-западе Европы составили центр (сердцевину) системы; Испания и города – государства северной Италии пришли в упадок и стали полупериферией; северо-восточная Европа и Ибероамерика стали периферией. Государства, которые в тот момент приобрели полупериферийный статус, достигли этого в силу потери более выдающегося положения. Этот капиталистический мир-экономика „быстро достиг точки равновесия в своих отношениях с другими миро-системами: с Османским и Русским мирами-империями, с протомиром-экономикой Индийского океана” [1, с. 46].

Вторая стадия европейского мира-экономики связана с его консолидацией. „Европейский мир-экономика был консолидирован охватившим всю систему спадом 1650 – 1730 гг., который открыл вторую стадию современного мира-экономики. Поскольку спад требовал экономии, а относительный прибавочный продукт сократился, осталось

место для выживания только одного государства, занимающего центральную позицию” [1, с. 47]. Произошло так, что центральную позицию в европейском мире-экономике стала занимать Англия. Сначала она лишила Нидерланды их торгового первенства, а затем успешно сопротивлялась попыткам Франции захватить его. Когда Англия после 1760 г. ускорила процесс индустриализации, Франция предприняла последнюю попытку (в форме так называемых „Наполеоновских войн 1792 – 1815 гг.”) сломить надвигающуюся британскую гегемонию. Но эта попытка потерпела неудачу. Франция была повержена Британией.

Известно, что в Наполеоновские войны была втянута и Россия (1812 г.). Однако война с Россией не рассматривалась особенно значимой в контексте борьбы за мировую гегемонию. В связи с этим становится понятным высказывание самого императора французов Наполеона, представленное в произведении А.И.Герцена „Былое и думы”: „Наполеон... толковал, что его война в Англии, а не в России...” [3, с. 10 – 11].

Третья стадия капиталистической мирэкономике – это „стадия скорее промышленного, чем аграрного капитализма. С этих пор промышленное производство уже не второстепенный элемент мирового рынка, но составляет все больший процент мирового валового продукта и, что еще важнее, мирового валового прибавочного продукта” [1, с. 46]. Это структурное изменение в разделении труда, а именно, развитие промышленности обусловило, по Валлерстайну, ряд последствий для миросистемы. „Прежде всего, это привело к дальнейшей географической экспансии европейского мира-экономики, который стал включать в себя весь земной шар... Самая важная из миросистем за пределами Европы, Россия, вошла в нее с полупериферийным статусом... Независимость стран Латинской Америки ничего не могла изменить в их периферийном статусе... Азия и Африка были поглощены периферией в XIX в., хотя Япония... сумела быстро подняться до полупериферийного статуса” [1, с. 48]. Таким образом, к концу XIX века „впервые за все время существовала только одна историческая система на земном шаре” [2, с. 9].

При промышленном капитализме, когда центр обменивал промышленные товары на сельскохозяйственные продукты периферии, Великобритания с 1815 по 1873 гг. (в эпоху своей гегемонии) получила наименование „мастерская мира”.

Валлерстайн отмечает также, что США и Германия как полупериферийные страны, конкурируя друг с другом, стремились побыстрее „индустриализироваться”, чтобы потеснить Британию на мировом рынке и стать странами центра. Однако большего успеха в этой борьбе достигают США. В период до Первой мировой войны индустриализация „завершилась полным успехом в США, лишь частично в Германии, вовсе не была успешной в России” [1, с. 49]. Начиная с 70-х годов XIX века (точнее с 1873 г.) начался упадок Великобритании, роль

гегемона была перехвачена США. Россия начала «соскальзывать к периферийному статусу» [1, с. 51].

Первая мировая война знаменовала конец третьей стадии капиталистического мира-экономики, а русская революция 1917 г. – начало нынешней, четвертой стадии. По Валлерстайну, мир-система продолжал сохранять свою капиталистическую природу и социалистические страны (пока они существовали) были органической частью капиталистического мира-экономики. Валлерстайн категорически отвергал, „что в мире после 1945 г. существовали две „мировые системы”, коммунистическая и капиталистическая”, а также настойчиво доказывал, „что СССР всегда оставался частью и участником капиталистической мироэкономики и никогда не находился вне ее”. Более того, Валлерстайн предсказал, «что раньше или позже стоящие у власти коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего „отклоняющегося” поведения и стать более похожими на режимы, существующие повсюду в миросистеме» [1, с. 14].

В миросистеме продолжается борьба за лидерство. Первая и Вторая мировые войны, по мнению Валлерстайна, представляли собой не что иное, как две части единой, Тридцатилетней войны между Германией и США, которая закончилась полной победой последних. „Именно Вторая мировая война дала возможность США выйти на тот же уровень первенства в мире, что Великобритания имела в первой половине XIX в. Рост США в этот период был потрясающ и создал громадную потребность в расширении рынков сбыта” [1, с. 52].

По мнению Валлерстайна, многие были склонны предрекать наступление Американского века. Это иллюзия. Американский век не впереди, а позади, он наступил после 1945 года и продолжался до конца 1960-х годов, когда в мире установился порядок, отвечавший интересам США. Однако определенные процессы и события постепенно, но неуклонно подрывали и потенциал Америки, и ее позиции мирового гегемона. В настоящее время былая гегемония США основывается только на военной мощи. Ориентация Америки на военную силу заставляет ее направлять огромные инвестиции в сферу военного производства. Это – тупиковый путь, что прекрасно понимают ее конкуренты – Япония и Евросоюз. По Валлерстайну, капиталистическая мир-система находится в фазе постгегемонии третьего логистического цикла, переживает структурный кризис, который ведет ее к неизбежной трансформации.

Что же ожидает мир в будущем? На этот вопрос определенного ответа у Валлерстайна нет. В то время, когда социалистические страны существовали и были, по мнению Валлерстайна, органической частью капиталистического мира-хозяйства, то, по идее, победа социализма в широком масштабе должна была бы привести к появлению принципиально нового мира-системы. „Социализм предполагает создание нового типа миросистемы, которая не была бы перераспределительным миром-империей, ни капиталистическим миром-экономикой, но

социалистическим миром-правительством. Я не рассматриваю этот прогноз как нечто утопическое, но и не чувствую, чтобы такая организация общества была бы неизбежной” [1, с. 57].

Однако распад СССР и значительной части социалистической системы укрепил сомнение Валлерстайна относительно социалистического будущего человечества.

Валлерстайн признается, что не знает, какой мир придет на смену существующему. Но он убежден, „что капиталистическая мировая экономика стоит перед кризисом, подобно которому она до сих пор не знала. Капитализм, как историческая система, далек от того, чтобы быть успешным и победоносным, он находится сегодня в состоянии невероятных структурных трудностей” [1, с. 16]. Американский ученый предсказывает наступление тяжелых и грозных времен. Но есть и уверенность в том, что на смену старому миру идет новый мир, который будет иным. „Мы верим, что современная мировая система вступила в эпоху перехода, ...что в течение следующих 25 – 50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку, который может быть будет, а может быть нет, лучше, чем современная система, но, несомненно, будет иным” [1, с. 16]. Также есть уверенность и в другом: рождающийся мир открыт для исторического творчества. „Если мы коллективно должны войти в мировой порядок большей сущностной рациональности, чем тот, в котором мы живем, то чрезвычайно важно, чтобы произошло широкое, разумное обсуждение возможностей исторического выбора” [1, с. 16].

Итак, концепция миро-системного анализа Валлерстайна основана на глобальном видении социального процесса. Основным понятием миро-системного анализа является понятие мир-системы. Мир-система – это „общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем”. Существуют две разновидности мир-системы – мир-империя и мир-экономика.

Валлерстайн исследовал процесс зарождения и стадии эволюции капиталистической мир-экономики, проанализировал случаи мировой гегемонии в межгосударственной системе мир-экономики. Пришел к выводу: капиталистическая мир-экономика достигла структурного кризиса, в ходе которого она преобразуется в новый структурный порядок; рождающийся новый мир открыт для исторического творчества. Валлерстайн выражает надежду, что его произведения могут оказаться полезными для снабжения информацией тех, кто будет создавать мир, существенно отличающийся от предшествующего.

Литература

- 1. Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. к. полит. н. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Изд-во Университетская книга, 2001.
- 2. Валлерстайн И.** Миро-системный анализ.

<http://www.archipelag.ru/authors/wallerstein/librari=1084>. 3. Герцен А.И. Былое и думы. – М. : Правда, 1976.

Тягнибедіна О. С. Світо-системний аналіз І.Валлерстайна – нетрадиційна концепція соціальної реальності

У статті досліджується процес концепції світо-системного аналізу І.Валлерстайна. Підкреслюється, що в рамках цієї концепції світ розглядається утвореним соціально-історичними системами. Особлива увага приділяється історичній еволюції капіталістичної світ-економіки, розглянуто випадки світової гегемонії в системі світ-економіки.

Ключові слова: соціально-історична система, світ-система, світ-імперія, світ-економіка, світова гегемонія.

Тягнибедина О. С. Миров-системный анализ И. Валлерстайна – нетрадиционная концепция социальной реальности

В статье исследуется процесс становления концепции миров-системного анализа И.Валлерстайна. Подчеркивается, что в рамках этой концепции мир рассматривается образованным социально-историческими системами. Особое внимание уделено исторической эволюции капиталистической мир-экономики, рассмотрены случаи мировой гегемонии в системе мир-экономики.

Ключевые слова: социально-историческая система, мир-система, мир-империя, мир-экономика, мировая гегемония.

Tyagnibedina O. S. World-system approach of Immanuel Wallerstein - off-centre concept of social reality.

The article reviews the process of forming the concept of World-system approach of I. Wallerstein. It is specified that in the framework of this concept the world is considered as formed by social and historic systems. More attention is paid to historic evolution of capitalist world-economy, here reviewed cases of the world hegemony in the system of world-economy.

Key words: social and historic system, world-system, world-empire, world-economy, world hegemony.

УДК 316.325

Чантурия А. В.

ГЛАМУР И ФЭЙК: ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Завершается первое десятилетие XXI века, которое для стран бывшего Советского Союза уже было лишено романтического ореола начала разрушения старого и строительства нового общества, борьбы с

пережитками советской идеологии и борьбы за выживание в условиях отсутствия какой-либо идеологии вообще. Многолетний опыт советского народа в деле строительства социализма и постсоветского народа на пути к демократии стал надежной прививкой от идеологического воздействия. Опьянение свободой, эйфория от новых возможностей и отсутствия запретов сменились торжеством стремления к удовольствию и пользе. Сегодня количество доступных жизненных благ больше занимает умы, нежели проблемы соблюдения демократических принципов, а процесс глобализации чаще всего предстает как вхождение во всемирное общество потребления. Актуальным становится осмысление возможностей и перспектив постсоветских стран в «глобальном потребительском рае», анализ тех проблем, которые возникают сегодня в экономике, политике, духовной и повседневной жизни.

Жан Бодрийяр, рассматривая проблемы общества потребления, сложившегося в экономически развитых странах Европы уже к 70-м годам XX века, писал о фантастической очевидности потребления и изобилия, приводящей к глубокой мутации в экологии человеческого рода. Она состоит в том, что не только вещи, но и другие люди превращаются в предметы потребления. Общество потребления предполагает отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения ее знаков. Повседневная жизнь, являясь ареной потребления, культивирует удовольствие от комфорта и безопасности. Но новый стиль пассивного гедонистического поведения приходит в противоречие с нормами общественной морали, которая сохраняет идеалы волюнтаризма, действия, эффективности и жертвы. Средства массовой информации, по мнению Бодрийяра, весьма успешно справляются с функцией зрелищной драматизации постоянно таящего угрозу внешнего мира, позволяющей избавиться пассивность от виновности. Таким образом, в повседневности эйфория от комфорта смешивается с симулируемой угрозой этому комфорту, «повседневной фатальностью» [1, с. 16–18].

В последнее десятилетие XX века симулируемая «повседневная фатальность», оберегающая комфортное благополучие граждан развитых стран, превратилась в повседневную реальность стран бывшего Советского Союза. Крушение коммунистической идеологии, разрушение экономических связей, катастрофическое падение уровня жизни, рост преступности, вооруженные конфликты и межнациональная рознь стали достоянием экзистенциального опыта миллионов людей. Резкая социальная поляризация населения привела к тому, что в повседневной жизни большинства жителей постсоветских стран смешивались не «эйфория от комфорта» с призрачной угрозой, симулируемой СМИ, а желание выжить и условия фатально непредсказуемой реальности.

Относительный рост стабильности и благосостояния в начале XXI века отчасти стали восприниматься как «награда» и «компенсация» за годы существования в условиях нестабильности и отсутствия

возможности полного удовлетворения даже базовых потребностей. Собственное превращение в носителей спроса на глобальном рынке постсоветскими обществами было воспринято не как экспансия более успешных мировых производителей, а как реализовавшаяся возможность приобщиться к желанному благополучию. Минимизация осмысленности существования и деятельности, моральный и эстетический нигилизм, идеологический вакуум стали благодатной почвой для вхождения в глобальное общество потребления. Черты общества потребления, сложившего на Западе еще в последние десятилетия XX века, стали достаточно быстро формироваться в начале XXI столетия в странах «догоняющих модернизаций», которые восприняли западную модель жизни как нечто естественное и образцовое. В мире постсоветской повседневности наметилась тенденция объединения гедонистических устремлений к комфортному существованию и потребности в напряженном ожидании «неотвратимой фатальности», оттеняющем неоспоримые достоинства реального безопасного существования.

Для понимания современного общества потребления достаточно важной является идея Бодрийера о начале эры симуляции и симулякров. Эта эра начинается при переходе от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что ничего нет. Симулякры – это образы реальности, не отсылающие ни к какой иной реальности, кроме самих себя [2, с. 13].

Развивая эту идею Бодрийера, российский социолог Дмитрий Иванов рассматривает виртуализацию общества как замещение реальности ее симуляцией, образом, которое приводит к тому, что социальные институты становятся своего рода виртуальной реальностью, а люди создают образы и оперируют ими в тех ситуациях, когда институциональные нормы предполагают создание реальных вещей и совершение реальных действий.

Логика виртуализации приводит к экспансии гламура (от англ. *glamour* – обаяние, очарование). По мнению Д. Иванова, гламур – это не только стиль жизни, универсальная эстетическая характеристика общества начала XXI века, но и логика развития современного капитализма, «глэм-капитализма». Социолог использует понятие «гламур» для характеристики изменений, которые происходят в экономике, социальной жизни, социальных науках. К характерным чертам гламура он относит яркую легкость, бескомпромиссный оптимизм, эстетическую ненависть к старой социальности. «В постиндустриальную эпоху прежняя социальность становится маргинальной, а новая модальность общественной жизни – гламур возникает не в производстве и политике, а в потреблении и рекламе» [3, с. 68].

Идеология гламура лишена идей, безразлична к ценностям, приобщающим людей к обществу, цивилизации, истории. Но эта идеология, оказывает огромное влияние на мышление и поведение все

большого числа людей. Гламур становится ключевым концептом, раскрывающим состояние современного общества, поскольку постиндустриальное общество и постмодернистская культура больше не актуальны, они оказываются тем, что мы уже пережили [3, с. 49].

Нынешнее десятилетие можно назвать эпохой гламура. Современные технологии виртуализации открыли огромные возможности для неограниченного продуцирования симулякров в деятельности корпораций, в политике, СМИ и даже в сфере науки и образования. Тотальная симуляция разрушила представления о необходимости связи знаков с реальностью и превратила виртуальные образы в нечто обыденное.

Простая и понятная логика гламура оказалась настолько привлекательной для утомленных борьбой за существование представителей переходных обществ, что стала казаться действительно новым витком на пути к построению общества всеобщего благоденствия. Формирующееся общество потребления, в полном соответствии с западными образцами, вооружившись новейшими техническими достижениями, постоянно развивает манипулятивные механизмы, побуждающие людей собирать и накапливать предметы-симулянты как характерные знаки счастья, давая тщетную надежду, что счастье придет само [1, с. 12].

Тотальная реклама превратила гламурные вещи-знаки в фетиш. Гламур, отождествляемый с элитарностью, вторгся в повседневность обычных людей, стимулируя престижное потребление, требуя все новых и новых вложений. Так, Д. Иванов описывает новый слой общества – новых русских бедных. Это люди, не являющиеся бедными по традиционным критериям, но постоянно оказывающиеся отстающими в этой гонке за престижным и роскошным образом жизни. Они впрягаются в 2-3 работы, берут кредиты, иногда для них непосильные, и под давлением этих кредитов оказываются нуждающимися [4].

Социолог Никита Покровский видит в российском потребительском буме стремление покупать, главной целью которого является намерение выделиться своими покупками. Эта черта, характерная для потребителей почти всех развивающихся стран, роднит в России богатых и бедных. Крестьяне из костромских деревень, где ученые проводят исследования, усваивают образцы потребления, принятые в высшем свете. «Крестьянин за лето кабального труда на нелегальной рубке леса зарабатывает 30 тыс. руб. – это огромные для него деньги. На них он покупает плазменные панели, спутниковые тарелки. Чуть богаче село – эти тарелки видны уже через дом. Может, больше пользы было бы купить стиральную машину, но приобретает крестьянин панель. Фактически – статус». В столице модель поведения та же, но уже другие фетиши – автомобили, яхты. Потребление становится языком общения, по нему оценивают, сколько человек стоит [5].

В Украине исследователи также отмечают ориентацию большого количества потребителей на получение удовольствия и демонстрацию своего статуса. Несмотря на то, что кризис вынуждает отказываться от ряда демонстративных покупок, эти ориентации сохраняются [6].

Сущность этого явления достаточно подробно описал американский экономист Т. Веблен еще в конце XIX века. Исследуя мотивы поведения потребителей в капиталистическом обществе, он пришел к выводу, что высшие классы устанавливают норму почтенности, распространяющую свое влияние на всю структуру общества до самых низших слоев. Представители каждого слоя общества в качестве своего идеала благопристойности принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем, соседнем вышестоящем слое, и направляют свои усилия на то, чтобы не отстать от этого идеала. Они вынуждены подчиняться, по крайней мере, внешне, общепринятому закону благопристойности, боясь в случае неудачи поплатиться своим добрым именем и потерять уважение к себе [7, с. 120].

Развитие традиций общества потребления и гламура в России исследователи связывают с экономической ситуацией, сложившейся в стране при президенте Владимире Путине. В этот период российская экономика, ориентированная на сырьевой экспорт, стала развиваться достаточно успешно, а условия жизни населения стали постепенно улучшаться. Относительное экономическое благополучие части россиян формировало достаточно высокие потребительские стандарты. В то же время российская провинция оставалась по преимуществу бедной. Экономическая программа Путина предполагала восходящую социальную мобильность и материальное процветание тех, кого социологи называют «средним классом». Кроме того, постепенно разрушались представления о необходимости следования правилам «партийной скромности», которые все еще соблюдались, во всяком случае, на публике, во времена президентского правления М. Горбачева и Б. Ельцина. Новое поколение российских политиков, а вслед за ними и представители среднего класса, наконец, получило возможность открыто демонстрировать свой социальный статус и материальные амбиции – это и послужило основой «путинского гламура». К началу 2000 года происходит также процесс «укоренения» (рутинизации) «новых русских», превратившихся из грубых, вульгарных, агрессивных и невежественных нуворишей в более утонченную и стремящуюся к образованию элиту путинской России. Демонстративное сверхпотребление превращается для новой российской элиты в символ утверждения своего привилегированного положения в обществе [8].

Понятие гламура в России настолько неразрывно связано с именем В. Путина, что, подводя итоги его деятельности на посту Президента Российской Федерации, политолог Станислав Белковский дал «эпохе Путина» красноречивое определение «гламурный

авторитаризм». По мнению С. Белковского, к 2008 году Россия имела «75% населения, вообще не интересующегося, кто будет ими править. Откуда эта цифра? Это рейтинг Дмитрия Медведева... По состоянию на февраль 2008-го основу путинского большинства (реально существующего, хотя и не привязанного нисколько к личности Путина) составляет полностью социально апатичное население, увенчанное кремовой розочкой “постинтеллигенции”» [9].

В 2008 году, уже занимая пост премьер-министра России, Владимир Путин возглавил ежегодный рейтинг, составляемый одним из самых известных в мире глянцевого журналов Vanity Fair («Ярмарка Тщеславия») – The Vanity Fair 100. Американский журнал Vanity Fair издается в Нью-Йорке с 1913 года и выходит во многих странах мира. Сквозь призму жизни знаменитостей в нем рассматриваются проблемы политики и культуры. Рейтинг 100 самых влиятельных людей мира в области финансов, технологий, масс-медиа, моды и индустрии развлечений включает тех, кто диктует вкусы и тенденции, влияет на общественное мнение, обладает незаурядными личностными качествами. Больше никто из мировых лидеров, за исключением Путина, места в этом рейтинге не удостоился [10].

В Украине «эпоха гламура» неразрывно связана с Оранжевой революцией. Британская газета «Дейли телеграф» («The Daily Telegraph») 27 декабря 2009 года опубликовала статью «Кислый вкус Оранжевой революции» («Ukraine's Orange Revolution sours»). В этой статье начало Оранжевой революции описывается как «политическая рождественская сказка», в которой мистер Ющенко и его гламурная союзница-блондинка Юлия Тимошенко образовали своего рода альянс по образцу «Красавица и чудовище» против поддерживаемого Москвой Виктора Януковича [11].

Юлия Тимошенко и сегодня продолжает оставаться наиболее известным гламурным представителем политической элиты Украины. Но ее тщательно продуманный внешний облик не стал основой формирования целостного политического имиджа, чему в значительной степени способствовала противоречивость взглядов и поступков. Кроме того, манипулятивные технологии, активно использовавшиеся Тимошенко, далеко не всегда давали ожидаемый результат. Так, по мнению украинского политолога Андрея Ермолаева, кампания «Тигрюля» и «С Украиной в сердце», призванная обеспечить Тимошенко победу в президентской гонке, была вызывающе гламурной. С точки зрения восприятия политического процесса она вызвала негативную реакцию избирателя, потому что превращала политическую дискуссию в дискуссию образов, и дала минимальный эффект [12].

Сегодня в Украине политика представляет собой перманентное шоу, где партии отличаются друг от друга не программами и идеологиями, а брендами, логотипами, имиджами своих лидеров. Избирательные кампании превращаются в состязания PR-технологов, а

популярные политические бренды объединяют совершенно разных людей, рассматривающих занятие политикой как прибыльный бизнес. В политику приходят известные актеры, спортсмены, деятели шоу-бизнеса. Политики снимаются на обложках глянцевого журналов, возглавляют гламурные рейтинги, становятся героями развлекательных телепередач и мультфильмов.

Избыток гламура на фоне нестабильной социально-экономической ситуации – характерная черта украинской действительности последних лет: «...Гламурны картинки прошлого и будущего нашей страны, рисуемые нашим гламурным политбомондом. Гламурна коса Юлии Тимошенко... Гламурен Ющенко, в порыве прединфарктного пафоса вскидывающий руку на сердце при звуках гимна... Гламурна слившаяся в экстазе с шоу-бизнесом политика, прерываемая конкурирующей с ними в борьбе за душу и тело «пипла» рекламой. Гламурны современные журналисты, «делающие» гламурные новости...» [13]. И тысячи крашенных блондинок и метросексуалов несут яркое знамя гламура из виртуальной реальности масс-медиа в серые будни повседневности.

Гламур, с его яркостью, легкостью, доступностью и понятностью, особенно разлагающе действует на науку и образование. Изогранные мыслительные операции, сложноподчиненные предложения, неожиданные идеи, далекие от повседневных потребностей поклонников рекламного креатива, – все это отторгается, игнорируется, «выносятся за скобки». «Глэм-наука» предстает как совокупность текстов, организованных по правилам глянцевого журналов: рейтинги, номинации, топ-листы, дайджесты и т.п. Значимость достижений в этом случае определяется легкостью, яркостью, простотой восприятия, а, следовательно, и спросом на псевдоинтеллектуальном рынке: «Гегель за 90 минут», «10 правил успешной рекламы», «Золотые правила менеджмента» и т.п.

Законы общества потребления и гламура не обошли стороной и образование. Сегодня в Украине функционирует около ста университетов, кроме этого, еще около тысячи высших учебных заведений, более двухсот из которых – частные. Согласно статистике, с середины прошлого десятилетия до середины нынешнего контингент студентов университетов, академий и институтов увеличился более чем в два раза – с 923 тыс. до 2 203 тыс. человек. Украинские университеты в условиях достаточно низкого уровня жизни большинства населения страны вынуждены «выживать» не за счет повышения качества (а, следовательно, и стоимости) образования, а за счет непомерного увеличения количества студентов. Массовость образования, влияние потребительских установок на процесс получения знаний, приводит к тому, что формируются идеи о получении в максимально короткие сроки наиболее эффективных и ходовых знаний, почерпнутых из дайджестов и бестселлеров [14, с. 29–31]. Успешность деятельности высшего учебного

заведения на рынке образовательных услуг оценивается по количеству студентов и его позициям в многочисленных рейтингах, которые определяются чаще всего такими показателями, как качественный состав профессорско-преподавательских кадров, материальная база, международное признание и т.д.

Значительная часть студентов высших учебных заведений, прочно усвоив логику гламура, приходит в вуз не с целью получения знаний, а с целью получения диплома – знака, якобы свидетельствующего о наличии у них этих знаний. Рынок труда в Украине перенасыщен «дипломированными специалистами», значительная часть которых за годы обучения в вузе не только не приобрела необходимых профессиональных навыков, но, порой, даже утратила былые умения бегло читать и писать. «Глэм-наука» порождает «образование лайт» – «облегченный» вариант образования (от «Кока-Кола Лайт» – названия диетического, низкокалорийного напитка без сахара, «облегченного» варианта обычной Кока-Колы).

В то же время, высокие жизненные стандарты, сложившиеся в западном обществе потребления, остаются недостижимыми для большинства жителей постсоветских стран. Дорогостоящие атрибуты демонстративного потребления, свидетельствующие о богатстве и успешности своего владельца, все еще остаются уделом элиты. Но образ гламура уже настолько захватил воображение массового потребителя, что в полноценный фетиш, наделенный сверхъестественными свойствами приносить успех и счастье, превращаются подделки, копии, имитации, «фэйк» предметов потребления наиболее дорогих, известных и престижных торговых марок.

Английское слово «fake» переводится как подделка, подлог, фальшивка, а также плутовство, мошенничество. В современной молодежной среде это слово достаточно популярно. Так, оно часто используется для обозначения подделок одежды и аксессуаров известных брендов, престижных марок мобильных телефонов и часов, продуктов, косметики, парфюмерии и других товаров, пользующихся спросом у покупателей. Фэйком также называют различные подделки, встречающиеся в мире искусства, сообщениях СМИ, сети интернет и т.д.

«Причина появления фэйка скорее всего кроется в американском культе успеха, который принял обратную форму. Идея успеха потеряла свою первопричину: теперь не «ношу Армани, потому что я успешен», а «надену Армани, и стану успешным». Таким образом, каждый пытается стать богатым и успешным, поклоняясь культу фэйка... Не только в России, а и в США, Франции, Италии люди покупают фальшивые тренды, чтобы успех пришел к ним» [15].

Писать о том, с какими именно подделками сталкиваются сегодня жители Украины, не имеет смысла, поскольку фэйк – это повседневная отечественная реальность, зачастую – единственная, из

данных нам в ощущении: фэйк-одежда, фэйк-продукты, фэйк-культура, фэйк-образование, фэйк-существование...

Волшебная карета гламура превратилась в унылую тыкву фэйка, но вторичная по отношению к навязанным гламурным стандартам реальность находит новые способы для самоутверждения. Трэш (англ. trash – «мусор») как самоутверждение вторичности и вульгарности в искусстве и повседневности, дешевая поделка, противопоставляющая себя пафосу роскоши и демонстративного потребления, превращается в альтернативный стиль жизни, доводя гламур до абсурда.

В лекции-дискусии «Глэм-капитализм и сверхновая экономика мегаполиса», которая состоялась в декабре 2008 года в клубе-лектории «Контекст» (Санкт-Петербург), Д. Иванов наметил перспективы дальнейших исследований путей развития современного общества: «Пока я систематизировал происходящее, тренд уже на излете. Теперь надо наблюдать за альтернативами гламуру – за трэшем, за всем антисоциальным, за отбросами, мусором. Отбросы станут золотой жилой» [16]. Таким образом, поиск яркой альтернативы банальным штампам, противостояние набившим оскомину "креативным" PR-идеям, протест против фетишизации предметов потребления, совмещение несовместимого - все это в последнее время уже превращается в общую тенденцию, развивающуюся под девизом: "Правил нет - делай, что хочешь!". Является ли это основой для изменений в мировоззрении "человека потребляющего"? Открывает ли эта тенденция новые возможности для развития общества? Вот вопросы, на которые нам еще предстоит ответить в дальнейших исследованиях.

Литература

- 1. Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры / Жан Бодрийяр; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской]. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с. – (Мыслители XX века).
- 2. Бодрийяр Ж.** Симулякри і симуляція / Жан Бодрийяр; [пер. з фр. В. Ховхун]. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
- 3. Иванов Д.В.** Глэм-капитализм и социальные науки / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X. – № 2. – С. 49–72.
- 4. Гламур** через призму науки [Электронный ресурс] / Н. Липская // Телеканал «100 ТВ». Лента новостей: Итоги недели с Андреем Радиным. 07.02.2010. – Режим доступа: <http://www.tv100.ru/news/Glamur-cherez-prizmu-nauki-20436/>.
- 5. Ждакаев И.** Конец глобального потребления [Электронный ресурс] / И. Ждакаев // Журнал «Деньги». – № 50 (705) от 22.12.2008. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=1097565>.
- 6. Мамалыга Т.** Научил ли кризис украинцев экономить? [Электронный ресурс] / Т. Мамалыга // Український бізнес ресурс. – 13.01.2010. – Режим доступа: <http://ubr.ua/personal-property/personal-finance/auchil-li-krizis-ukraincev-ekonomit-33945>.
- 7. Веблен Т.** Теория праздного класса /

Торстейн Веблен ; [пер. с англ., вступ. статья С. Г. Сорокиной]. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с. **8. Рудова Л.** Гламур и постсоветский человек [Электронный ресурс] / Л. Рудова // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 6 (68). – Режим доступа к журналу : <http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/ru17.html>. **9. Белковский С.** Гламурный авторитаризм [Электронный ресурс] / С. Белковский // Газета.ru. – 19.02.2008. – Режим доступа : http://www.gazeta.ru/politics/2008/02/19_a_2642194.shtml. **10. Владимир Путин** возглавил гламурный рейтинг журнала Vanity Fair [Электронный ресурс] // Экспертно-аналитический портал «[Новости гуманитарных технологий](#)». – 03.09.2008. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/news/culture/2008/09/03/1763>. **11. Ukraine's Orange Revolution sours** [Электронный ресурс] // Telegraph.co.uk – 27.12.2009. – Режим доступа : <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/6890973/Ukraines-Orange-Revolution-sours.html> **12. Дидковская Л.** Главные ошибки кампании Тимошенко [Электронный ресурс] / Л. Дидковская // Информационное агентство УНІАН. – 11.02.2010. – Режим доступа : <http://unian.net/rus/news/news-362290.html>. **13. Гридин С.** Идеология гламура [Электронный ресурс] / С. Гридин // Еженедельник 2000 – Свобода слова. – №13 (408) от 28 марта – 3 апреля 2008 г. – С. F 1, F 8. – Режим доступа : <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/36775>. **14. Рижак Л.** Євроінтеграція вищої освіти України: аксіологічний вимір / Л. Рижак // Вісник Львівського університету. Філософські науки. – 2008. – Вип. 11. – С. 27–37. **15. Фэйк** – модная подделка [Электронный ресурс] / Aleksandra // StyleWay. – 13.05.2010. – Режим доступа : <http://www.styleway.ru/2010/05/13/fyejk-modnaya-poddelka.html>. **16. Кром Е.** Гламур победил, гламур ходит [Электронный ресурс] / Е. Кром // РБК daily СПб. – 16.01.2009. – Режим доступа : <http://spb.rbc.ru/daily/16/01/2009/274357.shtml>

Чантурія А.В. Гламур і фейк. Пострадянські країни в контексті глобального суспільства споживання

У статті розглянуто економічні, політичні та культурні зміни у пострадянських країнах початку ХХІ століття. Ці зміни пояснюються засвоєнням стандартів глобального суспільства споживання.

Ключові слова: суспільство споживання, гламур, фейк, треш.

Чантурія А.В. Гламур и фэйк: постсоветские страны в контексте глобального общества потребления

В статье рассмотрены экономические, политические и культурные изменения в постсоветских странах начала ХХІ века. Эти изменения объясняются усвоением стандартов глобального общества потребления.

Ключевые слова: общество потребления, гламур, фэйк, трэш.

Chanturiya A.V. Glamour and fake: post-Soviet countries in the context of the global consumption society.

The article deals with the economic, political and cultural changes in the post-Soviet countries at the beginning of XXI century. These changes are explained by the assimilation of the standards of the global consumption society.

Key words: consumer society, glamour, fake, trash.

ТРАНСФОРМАЦІЙНИЙ ДОСВІД УКРАЇНИ, РОСІЇ ТА БІЛОРУСІ: СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ ПІДСУМКИ ПОСТРАДЯНСЬКОГО ПЕРІОДУ

УДК 316.3 (477+470+571 +476)

Кононов И. Ф.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ОПЫТ УКРАИНЫ, РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ПОИСК ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Анализ трансформационного опыта трёх восточнославянских стран не теряет своей актуальности, несмотря на то, что уже на целое поколение отдалились в прошлое начальные точки этой трансформации – Перестройка и крах СССР. Во-первых, без анализа процессов, разворачивавшихся и продолжающихся на этом большом цивилизационном пространстве, невозможно понять общемировую динамику. Это касается судеб проекта Модерна, одним из детищ которого был социализм и конкретно советский строй. Означает ли крах СССР завершение проекта Модерна и переход мира в некую иную плоскость развития, в постмодерн? Победил ли либеральный капитализм социализм, или это пиррова победа, обозначающая только отсроченную, но гарантированную гибель и победителя? Возможны ли в новом мировом порядке альтернативные варианты общественного устройства? Какова роль социально-экономических и цивилизационных составляющих в новом мире? Во-вторых, отдельное развитие Украины, России и Беларуси можно рассматривать как очень ценный эксперимент, способный обогатить социологическую теорию общественных изменений. Наши страны принадлежат к одной цивилизационной общности, которую вслед за Юрием Павленко можно назвать Восточнохристианским цивилизационным миром [1, с.301]. Можно сказать даже определеннее. Наши страны после гибели Византии стали ядром этого цивилизационного мира. Данное цивилизационное образование является достаточно рыхлым и разорванным. Его южные границы пролегают по югу Эфиопии, а восточные достигают Тихого океана. Принадлежа к ядру цивилизационной системы, долго входя в единые государственные образования, Украина, Россия и Беларусь имеют близкие традиции, менталитет населения, институты общественной жизни. Сам уровень жизни в трех восточнославянских странах на момент распада СССР был достаточно близким. Однако их развитие после 1991 г. несколько отличается. Анализ этого опыта позволит выявить факторы, которые лежат в плоскости технологических решений властей и реакций на них населения. Именно такого типа компаративистского анализа не хватает в мировой социологической

литературе, посвященной общественным преобразованиям. Чистоте сравнения мешают культурные различия между странами [2]. В-третьих, подобный анализ имеет прикладное значение для каждой из наших стран. Выявление причин удач и поражений на пути социальной адаптации к меняющемуся миру позволяет корректировать путь дальнейшего движения. Рефлексивный контроль является одной из характеристик социальной жизни [3, с. 93]. Важен он и для социетального уровня. В обществах Второго модерна рефлексивность ведет к усилению роли плановости в глобальной экономике [4, с. 194]. В-четвертых, анализ нашего опыта может выполнить гуманизирующую функцию, помогая миллионам людей разобраться, что с ними происходило и происходит. Так они смогут понять, на что могут рассчитывать в этом мире, каковы их шансы как граждан того или иного государства. Как можно увеличить эти шансы?

Естественно, что обозначенные аспекты актуальности не исчерпывают проблему полностью. В свою очередь я не планирую рассмотреть все даже обозначенные аспекты. Моя задача несомненно скромнее. Она вытекает из *проблемы*, которую я определяю следующим образом: *непроясненность ситуации с интерпретативными моделями*. Суть её состоит в том, что трансформационный опыт Украины, России и Беларуси получает различную интерпретацию в зависимости от теоретических и ценностных предпочтений различных авторов. Часто эти предпочтения оказываются непроясненными для самих авторов. Таким образом, чтобы понять результат нужно интерпретировать саму интерпретацию.

Способ движения мысли исследователей задается достаточно сложной системой установок. Верхний их уровень формируется некой теоретической перспективой. Я сознательно говорю о перспективе, а не о теории. Последняя является достаточно жесткой конструкцией, претендующей на объяснение и предсказание явлений объективного мира. Перспектива менее ригидна, будучи скорее течением в науке. Здесь есть набор принципов и концептов, которые объединяют научное сообщество. На основе этих принципов и концептов строится огромное количество интерпретативных моделей. Они создаются как идеально-типические конструкции для исследовательских целей. Научное сообщество наборы таких моделей постоянно пересматривает в процессе внутренней самокритики. Динамику данному процессу придает и то обстоятельство, что все теории общественного развития живут и меняются только в непосредственном контакте с эмпирической реальностью. Эта реальность находится в постоянном изменении, что побуждает строить все новые и новые интерпретативные модели. Но в каждый конкретный момент времени исследования в области общественного развития существуют через конфигурацию взаимосвязанных и часто альтернативных интерпретативных теорий.

Задачей данного текста и будет выявление современного набора интерпретативных моделей в социологических исследованиях Украины, России и Беларуси. Данный анализ я рассматриваю как предварительный из-за огромного количества источников. Моя задача состоит в выяснении только общей картины, а не в детальном её анализе. Её выполнение облегчают уже существующие обобщающие работы, посвященные анализу трансформационного опыта в Украине [5], России [6] и Беларуси [7].

Прежде, чем перейти к анализу интерпретативных моделей, остановлюсь на итогах социально-экономических преобразований в трех восточнославянских странах.

Итоги социально-экономических преобразований

На уровне обыденного сознания понятно, что в процессе трансформации в Украине, России и Беларуси изменялась система советского социализма. Сама эта модель еще не успела уйти в прошлое, но по поводу её природы существует огромное количество точек зрения. Поскольку не определено социальное качество начальной точки преобразований, то «...даже в само понятие *посткоммунистические трансформационные процессы* разные исследователи вкладывают совершенно разное содержание» [6, с. 76].

Т. И. Заславская, автор одной из наиболее продуманных концепций российской трансформации, определяет основные черты советского социализма и даёт характеристику этапов развития советского общественного строя. Правда, много усилий она посвящает доказательству того, что в Советском Союзе нельзя найти черт становления особой общественной формации. Она даже сомневается в том, что применительно к общественной системе СССР можно применить понятие «социализм». С её точки зрения адекватно данный термин можно применить, используя социал-демократический дискурс, в котором «...социализм понимается не как общественная система, а скорее как набор позитивных социальных качеств, в той или иной степени присущих большинству современных обществ» [6, с. 84]. Логично, что «понимаемый таким образом социализм не противопоставляется капитализму, а развивается в рамках последнего, характеризуя его социальное качество» [6, с. 85]. Выводы Т. И. Заславской имеют не только научную, но и идеологическую составляющую. Она не остановилась перед тем, чтобы написать: «...Говорить о переходе от социализма к капитализму имеют право лишь те ученые, которые, во-первых, стоят на марксистских позициях и, во-вторых, рассматривают трансформацию бывших «социалистических» обществ как одностороннюю деграцию. Но столь одностороннее понимание современных трансформационных процессов свойственно лишь наиболее консервативным ученым, в целом оно не выдерживает критики» [6, с. 86]. Не думаю, что это убедительный вывод. Во-первых,

социализм можно воспринимать негативно и оценивать нынешнюю трансформацию как позитивный процесс движения к «более прогрессивному» капитализму. Что касается оценки трансформационных процессов в бывших социалистических странах как односторонней деградации, то её могут давать ученые, которые вовсе не стоят на формационных позициях. Так можно сказать и исходя из цивилизационного подхода. И подобную позицию могут поддержать не только марксисты, но и националисты. Научным выглядит другой вывод исследовательницы: «...Посткоммунистические процессы не вписываются в теорию общественно-экономических формаций: они протекают в рамках широко понимаемой капиталистической формации, которая доминирует в современном мире» [6, с. 87]. Так, не вписываются, но протекают в рамках формации, только широко понимаемой? К этому я еще вернусь.

Т. И. Заславская выделяет институциональные особенности советского общества и основные черты его социальной структуры. К первым она относит: 1) тоталитарное государство; 2) почти полное огосударствление высокомонополизированной экономики; 3) преобладание мобилизационных и репрессивных механизмов интеграции; 3) относительно развитая, но сегрегированная сфера общественного потребления. Социальная структура характеризуется следующим набором признаков: 1) сословно-кастовый характер; 2) бюрократический тип стратификации; 3) эгалитарный принцип распределения доходов; 4) существование неформального социального контракта верхов и низов [6, с. 45–47]. С большинством из этих характеристик можно согласиться, но нельзя не отметить отсутствие системности в их наборе. К тому же, в данных перечнях возникают внутренние противоречия. Например, кастовый тип стратификации слабо совмещается с её бюрократическим характером, а, тем более, с эгалитарным принципом распределения доходов. Конечно, верхушка советской номенклатуры приобретала замкнутые кастовые черты, а в целом в обществе доминировала бюрократическая регламентация. Эгалитарность в распределении доходов тоже была весьма относительной. Суть не в том, чтобы найти эмпирическую верификацию для каждой из черт. Дело в другом. Для описания процесса трансформации необходим системный взгляд на исходную форму.

На серьезное внимание заслуживает предложение Т. И. Заславской подходить к советскому общественному строю как к историческому процессу, в котором можно выделить качественно отличные этапы. Она пишет: «С точки зрения рассматриваемого вопроса достаточно выделить четыре наиболее значимых этапа советской истории: 1) революция, гражданская война и последовавшие за ними годы социализации и демократизации общества (1917 – 1926); 2) период становления, укрепления и заката сталинизма (1927 – 1953); 3) период зрелости советской системы, названный «реальный социализм» (1954 –

1975); 4) период стагнации, разложения и кризиса советской системы (1976 – 1985). Особого внимания заслуживает третий этап, отличающийся наиболее полным раскрытием основных характеристик советского общества» [6, с. 35]. Исследовательница по-разному характеризует выделенные этапы. Так, первый этап она связывает с крестьянской революцией в Российской империи, которую смогли «оседлать» большевики. На этом этапе в жизнь общества внедряются некоторые социалистические принципы: «...Несмотря на безусловный разрыв между идеей социализма и фактическим направлением деятельности большевиков, первое десятилетие советской власти можно оценить как период поступательного развития общества, довольно успешного преодоления унаследованных от российской империи социальных противоречий, улучшения положения трудящихся масс, ликвидации национального гнета» [6, с. 40]. Сталинский период Т. И. Заславская вполне обоснованно считает ползучим антисоциалистическим переворотом. Были решены задачи насильственной мобилизации и модернизации общества. «Но эти результаты были достигнуты ценой отказа практически от всех социалистических ценностей, а главное – гигантских человеческих жертв» [6, с. 43]. Только на третьем этапе проявились все родовые черты советского общественного строя. Она считает, что «...эта система несла в себе зародыши неизбежного кризиса» [6, с.47]. С этим можно согласиться. Но, попутно замечу, что подобное утверждение может быть отнесено к любой реальной социальной системе.

Я в свое время к генотипическим чертам советской социалистической системы отнес следующие: 1) доминирование телеономных зависимостей; 2) превращение монополии во всеобщую форму организации общественной жизни; 3) расположение руководящего центра государства-монополии во внеэкономической сфере; 4) культивирование двойных стандартов деятельности. Из этих черт выводятся наборы признаков. Например, доминирование телеономных зависимостей продуцирует и директивное экономическое планирование, и господство одной идеологии на государственном уровне, что и выражается понятием «тоталитаризм». Вступление социализма в зрелую фазу, с одной стороны, выявило его системные черты, а, с другой стороны, лишило телеономного содержания. Последнее обстоятельство в свою очередь лишило социализм как проект ценностной легитимации. Неудачи в экономике, фактически отрицательный прирост ВВП в 80-е годы XX в. сделали данное обстоятельство очевидным [8, с. 107–127]. Мировая конъюнктура в тот момент складывалась так, что СССР со всеми своими фондами и системами вооружений не мог обеспечить свою национальную безопасность. Стало понятно, что страна должна реформироваться. Однако КПСС своей реформистской программы не предложила. Общественные науки в стране на тот момент в основном обслуживали

идеологические нужды. Это обстоятельство стало трагичным. Верхушка страны приняла реформаторскую программу своих идейных противников. Фактически, это была программа модернизации.

В период Перестройки модернизационная программа модифицировалась в духе конвергенции. Предполагалось, что в СССР будут введены институты развитых западных обществ, но при этом сохраняться социальные гарантии советского периода. Это создало на короткое время консенсус в отношениях между властью и основной массой народа. Экономисты в этот период приводили данные, что в СССР доля заработной платы в национальном доходе составляет всего 36%, в то время как в США – 75%. Социологи посчитали, что квинтильный коэффициент социальной дифференциации в Советском Союзе составляет 3,5 раза, а в США – всего 2,5 раза [8, с. 125]. Зримой утопией советских людей стал потребительский образ жизни высокоразвитых стран Запада. Верхи и низы сошлись в гедонистических ожиданиях. Однако, гедонизм – плохая почва для долговременного общественного договора. Как пел Булат Окуджава «пряников сладких всегда не хватает для всех».

Итоги преобразований ни в одной из трех восточнославянских стран не соответствуют ожиданиям населения и элитных групп. Начну с ВВП. Даже России не удалось приблизиться по этому показателю к США. Если взять расчеты ВВП по паритету покупательных способностей, то и в этом случае ВВП России по отношению к ВВП США составляет чуть больше 15%. К осторожности побуждает наличие разных расчетов паритета покупательных способностей. МВФ в 2008 г. определил ВВП США в 14 264 600 млн. \$. ВВП России в этом списке занимает 6 место и измеряется 2 260 907 млн. \$. Для сравнения ВВП Китая (2-е место) – 7 916 426 млн. \$. В списке Всемирного банка (2008 г.) эти цифры выглядят так: США – 14 204 322 млн. \$.; Россия – 2 288 446 млн. \$.; Китай – 7 916 429. Список ЦРУ тоже немного отличается: США – 14 260 000 млн. \$.; Россия – 2 116 000 млн. \$.; Китай – 8 789 000 млн. \$. [9].

Сравнение ВВП – не исчерпывающий показатель. Богдан Гаврилишин верно отмечал, что этот показатель дает только приблизительную оценку результатов производственной деятельности, но не характеризует эффективность системы [10, с.209]. Все же экономические потенциалы стран при помощи этого показателя приблизительно, но можно сравнивать. То же самое можно сказать и о таком показателе, как ВВП на душу населения. В 2008 г. распределение ВВП на душу населения в странах СНГ выглядело следующим образом: «Лидером среди стран СНГ является Россия – объем среднедушевого ВВП по паритету покупательной способности составил 11,861 тыс долл в 2005 г /51-е место/. Далее следуют: Казахстан – 8,699 тыс долл /63-е место/, Украина – 5,583 тыс долл /77-е место/, Азербайджан – 4,648 тыс долл /81-е место/, Армения – 3,903 тыс долл /89-е место/, Грузия –

3,505 тыс долл /96-е место/, Молдова – 2,362 тыс долл /104-е место/, Киргизия – 1,728 тыс долл /114-е место/ и Таджикистан – 1,413 тыс долл /121-е место/. По расчетам специалистов Всемирного банка, среднедушевой ВВП в Беларуси в 2005 г составлял всего 20,5 проц от среднедушевого ВВП США. Для России этот показатель равняется 28,5 проц. Далее следуют: Казахстан – 20,9 проц, Украина – 13,4 проц, Азербайджан – 11,2 проц, Армения – 9,4 проц, Грузия – 8,4 проц, Молдова – 5,7 проц, Киргизия – 4,1 проц и, наконец, замыкает список Таджикистан – 3,4 проц, или в 30 раз меньше, чем в США» [11]. Это сообщение с белорусского сайта нуждается в комментариях. Его смысл состоял в том, что «по расчетам специалистов Всемирного банка, объем среднедушевого ВВП Беларуси, рассчитанный по паритету покупательной способности, в 2005 г составил 8,541 тыс долл /66-е место в мире/. В то же время в текущих ценах объем ВВП страны на душу населения составил 3,090 тыс долл /70-е место/» [11]. В скобках здесь подаются места стран в мировом рейтинге. Беларусь по этому показателю заняла третье место среди стран СНГ. Впереди неё – Россия и Казахстан, сразу за ней – Украина.

Богдан Гаврилишин писал: «...Удовлетворение потребностей большинства людей зависит от функционирования экономической системы, политического правления и взаимодействия между ними, причем и экономическая система, и политическое правление определяются моральными ценностями общества» [10, с. 211]. В значительной мере показателем в этом отношении может служить децильный коэффициент фондов, который представляет собой соотношение денежных доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных слоев населения. В литературе отмечается, что «...децильный коэффициент фондов является в определенной мере политическим показателем. Считается, что политически и экономически приемлемым показателем, условно говоря, является превышение доходов наиболее богатых над наиболее бедными до 10 раз. <...> Показатель более 10 свидетельствует, что доходы в такой стране распределяются несправедливо и что такое распределение не соответствует производственным усилиям населения» [12, с. 43].

Социально-экономические неравенства в современной России очень глубоко изучил О. И. Шкаратан с группой сотрудников [13]. Даже по официальным данным коэффициент дифференциации доходов в России по состоянию на 2006 г. составлял 15,3 раза, что является одним самых высоких показателей в мире. Однако, официальные данные, видимо, не очень точно отражают социальную реальность. Приведу длинную цитату из концептуальной статьи О. И. Шкаратана: «По данным независимых исследователей, соотношение доходов 10% самых богатых сограждан к доходам 10% самых бедных членов общества составляет 1:25, а в Москве (по данным Мосгорстата) и того выше: 1:40, 1:50. Даже по заниженным данным Росстата, эта разница в доходах в 2007 г.

составила 16,8 раза против 13 – 14 раз в предыдущие годы. Счетная палата провела свой собственный расчет соотношения доходов 10% самых обеспеченных россиян и 10% самых неблагополучных сограждан и получила следующие данные: по России в целом разрыв в доходах составил в 2007 г. 30 раз и по Москве – 41 раз. В европейских странах этот показатель колеблется между 1:4 и 1:8, даже в США – 1:10» [14, с.66].

По данным О. И. Шкаратана суммарный объем заработной платы в России по-прежнему составляет около 30% ВВП [14, с.65]. Исследователь вполне справедливо связывает такое положение с политикой правящего класса России. Он пишет: «Постсоветские правящие слои не способны и не стремятся представлять общенациональные интересы» [14, с.79]. Направленность российской трансформации сложилась во время президентства Б. Ельцина. О. И. Шкаратан приводит слова убитого в Москве американского журналиста П. Хлебникова: «Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с таким хладнокровием и откровенностью, что можно было подумать: речь идет о чужом государстве» [14, с.80]. Сам социолог делает вывод: «Принятый командой Ельцина курс внутренней политики означал подмену понятия «реформа» как условия успешного развития страны и роста благосостояния граждан простым переделом собственности при двукратном падении производства, нарастании нищеты и грандиозном вывозе капитала (вместо притока иностранных инвестиций)» [14, с. 80]. При В. Путине и Д. Медведеве эта российская реальность в основных тенденциях осталась неизменной. Показательным представляется то, что в США в период серьезного экономического развития в интервале между 1929 и 1968 годами количество миллиардеров снизилось с 32 до 13, а в России «...под шум заявлений о модернизации экономики оно выросло на 32 человека за один лишь 2007 г.» [14, с. 83].

С деятельностью элитных групп направленность развития страны сравнивают и другие российские исследователи. О. В. Крыштановская показывает преемственность между советской партийно-государственной элитой и современной элитой Российской Федерации. Речь не идет только о персональной преемственности. Речь здесь, скорее, о ценностном наследовании и структурной преемственности. В период развитого социализма советская элита фактически оторвалась от масс народа. Она превратилась в «карцерную группу», живущую в добровольной изоляции [15, с.3 0]. Но в условиях перехода в связи с ослаблением институционального контроля советские клиентальные группы – «обоймы» превратились в новую разновидность клиентельных групп, обозначаемых не совсем удачным термином «кланы». Приведу длинную, но важную цитату из статьи О. В. Крыштановской: «В российской политической практике 1990-х годов клиентелизм получил мощное развитие в связи с тем, что

иерархические оболочки были ослаблены постоянными преобразованиями. Клиентелизм вышел наружу и обнаружил себя в такой яркой и недвусмысленной форме, что его приоритет над рациональной бюрократией стал очевиден. Новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политий прошлого. Но в отличие от номенклатурных обойм с их геометрией мини-пирамид, встроенных в большие политические иерархии, российский клиентелизм приобрел иные формы. Возникшие множественные центры власти раскололи элиту на кланы, которые были устроены по типу слоеного пирога: верхний слой такого «пирога» представлен публичным политиком, являющимся символом клана. Второй слой – группа его политической поддержки. Третий – группа экономической поддержки, представленная финансово-промышленным капиталом. Далее – обслуживающие интересы данной группы средства массовой информации. И, наконец – частные армии и спецслужбы – приватизированные (юридически или фактически) части государственных силовых структур» [15, с. 33]. Неопатриомониализм редуцирует представительскую функцию политического класса к имитативному представительству. Между элитными группами, приватизировавшими государство, и народом устанавливаются отношения хищника и жертвы, или, еще точнее, паразита и его носителя.

Главным движущим мотивом деятельности элитных групп становится обогащение за счет всего общества, а способом достижения этой цели – несправедливое перераспределение общественного продукта. Нужно недвусмысленно говорить о том, что трансформация в России осуществлялась как откровенно классовый проект. Этот проект успешно завершился. Его результатом стало разделение населения на выигравшее меньшинство и проигравшее большинство. Проиграли люди наемного труда. В целом проиграло то большинство населения, которое является носителем сил труда и культуры в национальном теле России. О. И. Шкаратан пишет: «Итог таков: согласно данным Росстата РФ, за чертой бедности (т.е. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) находились – в 1992 г. – 49,7 млн. человек (т.е. 33,5% от общей численности россиян); в 1998 г. – 34,0 млн. человек (23,3%); в 1999 г., как следствие дефолта, в этом положении оказались 41,2 млн. человек (28,3%); затем наступило ежегодное снижение и численности, и доли тех, кто находится за чертой бедности. В 2003 г. их осталось 29,0 млн., т.е. 20,4% от общего числа жителей страны. В 2007 г. доля бедных (по официальным данным, с доходом ниже 3,7 тыс. руб.) сократилась до 16,3%» [14, с.66]. Однако, это снижение уровня бедности во многом является артефактуальным, так как нормативы потребительской корзины «...примерно в 2 раза ниже биологических норм потребления» [14, с.67]. Положение с распределением национального богатства в России бросает самый серьезный вызов её претензиям на статус великой державы. По характеристикам социальной

жизни она отвечает слаборазвитым странам. Снова сошлюсь на О. И. Шкаратана: «У 40 – 50% населения России доходы на душу превышают официальную черту бедности, которая заметно «не дотягивает» до латиноамериканских критериев, в интервале от 1 до 2 раз. Данный показатель значительно ниже, чем в Аргентине, Бразилии, Мексике или Чили и соответствует уровню Боливии или Перу. Средняя заработная плата в России превышала прожиточный минимум в 2004 – 2006 гг. всего в 2,8 раза – это близко к соотношению заработной платы и линии бедности в городах Гондураса и значительно хуже, чем в Бразилии, с которой нас принято сравнивать» [14, с.73].

Наличные данные позволяют заключить, что снижение материального уровня большинства населения РФ было результатом сознательной перераспределительной политики её элитных групп. По данным О. И. Шкаратана: «Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991 – 1998 гг. снизилась с 548 руб. до 193 руб., т.е. почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму соответственно упало с 3,16 до 1,7, т.е. без малого в 2 раза» [14, с.63]. В период президентства В. Путина, а затем Д. Медведева положение несколько выправилось: «Только к концу 2005 г. реальная заработная плата достигла уровня дореформенного 1990 г. (100,3%). По данным МЭРТ РФ, в 2006 г. заработная плата выросла на 13,4%, а в 2007 г. – еще на 16,2%» [14, с.64]. Тем самым было несколько смягчено напряжение в российском обществе. О его степени накануне досрочных президентских выборов 2000 г. свидетельствует картина распределения психических состояний среди населения. М. К. Горшков изображает эту картину следующим образом: «Доля россиян, испытывающая в марте 2000 г. благоприятный психологический настрой (спокойствие, бодрость), составляла немногим более 15%. Треть населения пребывала в некоем промежуточном состоянии: между угнетенностью и уравновешенностью. А вот свыше 40% наших сограждан жили с ощущением неблагоприятного психологического состояния, испытывая страх и отчаяние, подавленность и озлобленность» [16, с. 340]. Ельцинские «реформаторы» поставили Россию перед угрозой не просто бунтов, но, что еще хуже, неконтролируемого распада социальной ткани. В. Путину и его команде удалось снять избыточное напряжение и тем самым укрепить социальную опору власти. Таким образом, если исходить из внутреннего развития России, путинский режим стал реакцией здравомыслящей части политического класса на угрозу потерять своё положение в социальной иерархии. Однако В. Путину не удалось решить ни одной подлинно стратегической задачи, стоящей перед Россией. По-прежнему реальные социальные перспективы есть только где-то у 15% россиян [14, с. 70]. Россия не занимается стратегическим развитием человеческих ресурсов, не вкладывает достаточно денег в науку, образование, медицину. Разрыв по валовому региональному продукту на душу населения в середине текущего

десятилетия составил 45 – 46 раз (соотношение между Тюменской областью и Ингушетией) [14, с. 73]. Это свидетельствует об отсутствии реальной программы развития Кавказа, который для России остается сложнейшей проблемой и угрозой. Но это свидетельствует и об отсутствии у российской элиты стратегического видения перспектив своей страны в целом. Однако, дать полную характеристику российского опыта трансформации возможно только на фоне опыта других.

Украинский опыт перехода к капитализму похож на российский. Он также привел к крайне неравномерному распределению национального богатства. Наиболее распространенное значение децильного коэффициента, которым оперирует украинское научное сообщество, – 12 раз. Украинские ученые оперируют несколькими иными цифрами, сравнивая свою страну с развитыми странами: США – 15,7 раз, Великобритания – 13,6 раз, ФРГ – 6,9 раз, Канада и Япония – 3,7 раз, Швеция – 2,7 раз [17, с. 60].

Следует отметить, что украинский материал демонстрирует трудности с определением коэффициентов, характеризующих неравномерность распределения доходов населения. Достаточно серьезные расхождения существуют между материалами наиболее авторитетных учреждений, собирающих соответствующую информацию, - Институтом социологии НАН, Институтом демографии и социальной политики НАН и Государственным комитетом статистики. Данные Госкомстата получаются систематически ниже, чем данные Института социологии. Эти различия видны по трем вычисляемым коэффициентам. Так, децильный коэффициент дифференциации денежных доходов населения, который определяется как соотношение минимального уровня доходов 10% наиболее обеспеченных граждан к максимальному уровню доходов 10% наименее обеспеченного населения, Госкомстатом определяется в 4,4 раза, а Институтом социологии – в 6,4 раза. Децильный коэффициент фондов на основании данных этих учреждений соответственно выглядят как 7,1 раза и 13,2 раза, а квинтильный коэффициент фондов – как 4,5 и 7,5 разов [12, с. 42].

Искажающими факторами при сборе информации могут выступать сами методы её сбора. Но есть и еще одно обстоятельство, о котором следует сказать особо, - тенезация доходов. «Тень» в украинской экономике оценивают в весьма широких пределах – от 30 до 60% [17, с. 49]. Это свидетельствует о плохой исследованности данного феномена. Цифры эти циркулируют со середины 1990-х годов. Именно тогда в научный оборот вошли данные, что во внебанковском обороте находится 40% денежной массы Украины, а в теневом секторе её экономики создается свыше 50% объема валовой продукции и добавленной стоимости [18, с. 184].

В начале 1990-х годов происходило открытое циничное разграбление Украины, в котором приняли участие существовавшие и формировавшиеся элитные группы. Для представителей последних через

участие в разграблении своей страны лежал путь к вершинам власти. Борьба с преступностью и теневой экономикой стала одним из важнейших лозунгов президентской кампании Л. Кучмы. Именно тогда общественность узнала, что «рэкетирские группировки взяли под свой контроль большинство новых субъектов хозяйствования, значительную часть государственных предприятий. Ежегодно из Украины нелегально вывозилось до 3 млрд. долларов США, что составляло в 1993 г. почти 50% легального экспорта. Государственный аппарат, в том числе его силовые структуры, все больше срастались с полукриминальными кланами, утрачивался иммунитет защиты против криминальной коррозии. Коррупция и злоупотребления властью поразили и высшие государственные эшелоны» [18, с. 184–185]. При Л. Кучме была воссоздана вертикаль власти, которая фактически воспроизводила в деидеологизированной форме советскую модель. По типу политического режима Украина в это время приближалась к бонопартистским государственным образованием. Центральная власть и, прежде всего, Президент удерживали власть посредством балансирования между клиентельными группами и регионами. Эти практики способствовали расколу страны по линии Восток – Запад, что в практиках господства политического класса Украины, видимо, рассматривалось как противовес расколу по социально-экономическому признаку. Официальный Киев превратился в центрального оператора политического торга, лишившись какого-либо морального авторитета. В этот торг были вовлечены клиентельные группы через своих патронов, регионы через своих руководителей, промышленные предприятия через своих руководителей, различные звенья государственной власти в стране. Главным процессом в стране стал процесс непрерывной взаимной конвертации власти и собственности. Видимо, будучи свойственным для всех постсоветских стран, он свое классическое выражение нашел именно в Украине. Я в свое время предложил данный общественный строй назвать «мульковым капитализмом» [19]. Это оксюморное словосочетание у меня сформировалось под влиянием арабского мыслителя XIV века Ибн-Хальдуна, в терминологии которого «мульк» - это неразрывное единство власти и собственности [20, с. 5–78]. Независимо от этого проблему власти-собственности в нашей стране исследовал В. В. Дементьев. На основе этой модели он вывел причины неэффективности экономики Украины. Их он усмотрел в мотивации собственника, действующего в ситуации, когда существует «разрыв» между индивидуальными доходами собственника и доходами предприятия. Это толкает собственников на прямо антиобщественные действия, ведущие к уничтожению общественного богатства страны. Из-за этого обстоятельства 42,6% предприятий в промышленности Украины были нерентабельными [21, с. 363]. Таким образом, мульковый капитализм является крайне неэффективным общественным строем, несущим угрозу для будущего большинства граждан страны.

Мульковый капитализм по ряду параметров можно рассматривать как злокачественное инобытие советского социализма. Имею в виду соотношение власти и собственности, их неразрывность. Однако, есть и существенные отличия между этими общественными типами. В советской системе функции собственника выполняла очень узкая группа лиц, фактически сводящаяся к составу Политбюро ЦК КПСС. Однако и эта группа лиц не могла поступать в соответствии со своим произволом. Все же остальные руководители были только распорядителями собственности. Доступ к собственности здесь определялся служебным положением человека. В условиях мулькового капитализма собственность концентрируется в клиентельных группах и существует только через непрерывный процесс, где объединяются экономическая и политическая составляющие. Чтобы сохранить и приумножить собственность клиентельная группа должна иметь политическое представительство. Без этого её права не гарантированы, и она может быть лишена своего богатства. В этом разгадка природы наших политических партий, которые выступают политико-идеологическими структурами клиентельных групп. В рамках самих клиентельных групп, которые в Украине подобны по структуре российским клиентельным группам, платой за права на собственность является лояльность патрону. Политическое пространство страны структурируется договоренностями или возникшим соотношением между патронами клиентельных групп. Все вместе это придает политической форме Украины несколько мафиозный оттенок.

При таком структурировании общественного пространства децильный коэффициент приобретает характер в определенной мере «лукавой цифры». Дело в том, что основное общественное богатство перераспределяется в интересах узкого слоя, состоящего из патронов клиентельных групп. Например, по оценке журнала «Корреспондент», Р. Л. Ахметов обладает капиталом в 9,6 млрд. \$ и является самым богатым человеком Украины [22, с. 10]. В 4-м квартале 2009 г. Госкомстат Украины определил её ВВП в постоянных ценах 2007 г. в 234, 983 млрд. грн. [23]. Таким образом, капитал самого богатого гражданина Украины близок к размеру трети её ВВП. Это, конечно, несколько популистское сравнение. Р. Л. Ахметов принадлежит к транснациональной буржуазии, и его активы сосредоточены не только в Украине. Но здесь важна сама тенденция.

Эта тенденция ведет к тому, что в ходе социологических опросов «респонденты оценивают государство как такое, что способствует социальному неравенству. 82% респондентов считают, что отличия в материальном положении граждан являются очень существенными. Социальное неравенство очень большое – на это указывало 86% опрошенных, 96% опрошенных утверждают, что прожить на пенсию в нашей стране невозможно, а 60% опрошенных считают, что правительство обязано, насколько это возможно, уравнивать прибыли

людей» [17, с. 60]. В связи с последним пожеланием респондентов можно согласиться с выводом О. М. Балакиревой и С. М. Черненко, что «...сформированная в Украине социально-экономическая система не содержит никаких эффективных механизмов перераспределения доходов в национальном масштабе» [17, с. 63]. При наличии значительного по европейским меркам отряда миллиардеров и миллионеров в Украине население чувствует себя самым бедным среди трех восточнославянских стран. По данным общенационального опроса (n =2400) 2002 г. 29,2% украинских респондентов ответили, что у них недостаточно денег на еду, а у 57,2% их хватало только на еду [24, с. 201]. Такое положение сопоставимо только с ситуацией в африканских странах южнее Сахары. Это свидетельствует о том, что политический класс Украины проблема социальной справедливости практически не интересуется.

Беларусь – единственная из восточнославянских стран, которая имеет отличительный опыт трансформации. Точнее, начало трансформационных процессов было подобным на то, что происходило в России и Украине. Но с 1995 г. вектор общественных изменений несколько сместился. Белорусские социологи сделали вывод, что «...в российском и белорусском обществах происходят диаметрально противоположные процессы: в первом наблюдается *тенденция* увеличения высоты экономической пирамиды, а во втором – *тенденция* уменьшения этой высоты» [7, с. 146]. Г. Н. Соколова подает величину децильного коэффициента в Беларуси на 2006 г. как 5,6 раза и делает замечание, что это «является минимально допустимым рыночным стандартом» [7, с. 80]. Судя по значениям этого коэффициента в Канаде, Японии и Швеции – это не верифицированный факт. Сравнивая белорусскую высоту социальной стратификации с показателями этого коэффициента в России и Украине, можно заключить, что государство в Беларуси значительно эффективнее справляется с перераспределительными функциями. Видимо, в этом и состоит программа А. Лукашенко. Поэтому, хотя Кондолиза Райс охарактеризовала Беларусь как «последнюю диктатуру в сердце Европы» [25, с.39], но эта не та диктатура, которая организует ограбление большинства в интересах незначительного меньшинства.

Перераспределение доходов в Беларуси осуществляется в интересах страт, находящихся внизу социальной пирамиды. По данным белорусских исследователей, «в первой группе (с наименьшими ресурсами) доля доходов возросла с 2001 по 2006 г. от 9,3% до 9,5%; во второй, третьей и четвертой – произошли небольшие изменения в направлении увеличения доли доходов; в пятой группе (с наибольшими ресурсами) доля доходов уменьшилась с 37,0 до 36,5%. Можно заключить, что, наряду с повышением благосостояния за счет увеличения ВВП, в белорусском обществе происходит определенное уплощение экономической пирамиды» [7, с. 144].

В Беларуси самый высокий показатель заработной платы в ВВП среди трех восточнославянских государств. Белорусские ученые по этому поводу выражаются осторожно: «...Хотя доля оплаты труда с налогами и отчислениями на социальные нужды в ВВП Республики Беларусь и возросла от 42,8% в 1995 г. до 47,8% в 2007 г., она по-прежнему остается ниже уровня этого показателя, составляющего 55,0% от ВВП в странах с развитой экономикой» [7, с.104].

Белорусские социологи считают свое общество преимущественно бедным. Г. Н. Соколова так интерпретировала данные 2006 года: «Ниже уровня минимального потребительского бюджета проживает 42,6% населения (ниже уровня бюджета прожиточного минимума – 12,7%); это население, представляющее собой социальную базу общества, существует в режиме простого воспроизводства своей производительной силы и не может выполнять функции агента научно-технического и социального прогресса» [26, с.16].

Белорусское государство пытается бороться с бедностью. Правда, иногда эта борьба осуществляется волонтаристскими методами. Так, наблюдается превышение темпов роста доходов населения в денежном выражении над ростом производительности труда. Скажем, в 2006 г. ВВП вырос почти на 10%, а доходы населения – на 18% [7, с. 81]. Есть и еще одно обстоятельство: «Уменьшение бедного слоя происходит за счет снижения (как бы проседания) базового слоя, составляющего 2/3 всего населения. Социальным следствием этих процессов является снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации, а также смещение профиля экономической стратификации общества в сторону малооплачиваемых слоев населения» [7, с. 80–81].

Белорусских интеллектуалов тревожит сопоставление собственной экономики с российской. Дело в том, что более 60% продукции белорусских предприятий ориентировано на экспорт, а основным экспортером выступает РФ. Предприятия России приватизированы и действуют в более жестком экономическом режиме, позволяющем интенсифицировать труд. Возникает угроза, что белорусские предприятия не выдержат конкуренции [7, с. 117]. В Беларуси 1/5 предприятий убыточны. В 2006 г. 78,4% всей продукции изготовлялось по традиционным технологиям, 15,6% - по новым и только 6,0% - по высоким технологиям [7, с. 76]. К тому же, только 38% используемых в экономике технологий разработаны в самой Беларуси [26, с. 39].

Ответом на эти вызовы стала концепция инновационной экономики. Только через неё Беларусь может адаптироваться к вызовам современного мира. Однако ученых тревожит невосприимчивость нынешних субъектов хозяйственной деятельности к инновациям. Ак. Е. М. Бабосов приводит показательный пример. В Беларуси действует с 2003 г. Республиканский центр трансфера технологий. «Однако к

началу 2009 года на 933 предложений инновационных организаций, имеющих в данном центре, поступило только 273 запроса, причем запросов от отечественных организаций было вдвое меньше, чем от европейских предприятий (соответственно 92 и 181). Это свидетельствует о низком уровне развития креативно-инновационного мышления и поиска в сфере белорусского менеджмента» [27, с.41]. Эту проблему Беларусь унаследовала от СССР.

В Беларуси явно недостаточное финансирование науки. Оно упало в период с 1991 по 1995 гг. и сейчас находится «...скорее в режиме флуктуации, нежели – активного роста», составляя 0,4% ВВП, выделяемых из бюджета на научные исследования [26, с.19].

В период трансформации белорусское общество повысило свою консолидацию. Если в 1992 г. 95% населения страны считали, что в ближайшее время произойдет социальный взрыв по причине материальных трудностей, то в конце 2008 г. только 2,7% респондентов считали свое жизненное положение бедственным [28, с.33 - 34].

Проблеме общественной консолидации уделяется серьезное внимание на государственном уровне. В высших учебных заведениях Беларуси введен специальный курс «Основы идеологии белорусского государства». Интенцией данного курса является формирование гражданского национализма/патриотизма у слушателей. Я. С. Яскевич предлагает такую формулировку: «Понятие национальной идеологии включает в себя систему взглядов, основанную на принципах общности нации и приоритета её интересов в различных сферах общественной жизни» [29, с. 17]. Хотя курс выглядит для университетов других стран диковинным, но его вряд ли можно интерпретировать как свидетельство тоталитарных тяготений белорусских властей. Курс идеологии белорусской государственности по содержанию современнее, чем выполняющие идеологические функции курсы истории Украины и истории России в соответствующих странах.

Опыт трансформаций в наших странах неоднозначен. Наряду с главными в настоящий момент тенденциями здесь фиксируются и противоположные линии развития. Так, несмотря на самую большую поляризацию доходов населения и самый большой потенциал конфликтности, российское общество выглядит наиболее современным с позиций структуры занятости [30]. В Беларуси, несмотря на слабую этническую идентичность и всеобщее чувство пограничности [31; 32], успешно удалось решить задачу внутренней сплоченности общества. Украинское общество, несмотря и все противоречия и безответственность властей, не раскололось во время острого социально-политического кризиса конца 2004 – начала 2005 гг. [33]. Однако, данные аспекты жизни России, Украины и Беларуси пока останутся за пределами моего внимания. Они заслуживают на специальное изучение. Я пока ограничусь только общими контурами трансформаций социального

уровня, что дает возможность перейти к анализу интерпретативных моделей.

***Интерпретативные модели
в анализе трансформационных процессов***

Достаточно полно набор теоретических перспектив, в рамках которых формируются, функционируют и погибают интерпретативные модели трансформационных процессов, перечислила и охарактеризовала Г. Н. Соколова. У неё этот набор состоит из формационного подхода, структурно-функционального подхода, цивилизационного подхода. В рамках цивилизационного подхода Г. Н. Соколова рассматривает модернизацию и глобализацию [7, с.12–42]. Отдельно белорусская исследовательница рассматривает модель «культурной травмы» П. Штомпки [7, с. 43–55].

Она выдвигает достаточно спорное утверждение, что «...марксистский исторический материализм подготовил концептуальную почву для структурно-функционального (Т. Парсонс, Р. Мертон) и цивилизационного (А. Дж. Тойнби) подходов» [7, с. 15]. Так можно сказать только в том смысле, что исторический материализм, как одно из мощнейших социальных учений, изменил все поле социальных наук, и все последующие движения в этом поле предполагали ту или иную реакцию на него. Если же говорить о реальном соотношении этих теоретических направлений, то между ними скорее отношения серьезной теоретической несовместимости. Так, марксизм предполагает конфликтологический анализ общества, а структурный функционализм – гомеостатический. Исторический материализм – универсалистское учение, а теория цивилизаций предполагает, что человечество распадается на отличные культурно-исторические типы. У этих подходов разные языки описания социальной действительности.

В самом общем виде можно говорить о том, что методологический плюрализм присущ работам Г. Н. Соколовой и её сотрудников. Однако ведущей теоретической перспективой в этих исследованиях все же выступает теория модернизации. Уже во введении к своей обобщающей работе, посвященной опыту трансформаций в Беларуси и России, белорусская исследовательница пишет: «Под *системной трансформацией* обычно понимают изменение политической и государственной системы и общую демократизацию общественных отношений, ориентацию на экономику рыночного типа и отход от централизованной плановой экономики, отказ от социалистической всеобщности и обязательности труда и ликвидация системы социального иждивенчества с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод, интеграцию в систему мирового рынка посредством развития новых форм внутри- и внешнеэкономической деятельности, реструктуризации экономики» [7, с. 6]. Все эти целевые установки предполагают воспроизводство в неком

государстве основных институтов западного общества. В этом и состоит программа модернизации.

Выше я уже приводил достаточно цитат белорусских ученых, которые свидетельствуют о ведущей роли в их анализе именно модернизационной перспективы. Это касается постоянного сравнения показателей развитости белорусского общества с аналогичными показателями западных стран.

Т. И. Заславская справедливо писала, что «...модернизация (какой бы смысл ни вкладывался в это понятие) и посткоммунистическая трансформация обществ – это принципиально разные процессы, для исследования которых требуются разные парадигмы» [6, с. 91–92]. Сама она выделяет три главных смысла термина «модернизация»: 1) достижение современности; 2) усилия слаборазвитых стран, чтобы догнать развитые и 3) неомодернизация как идейное течение, признающее вариативность достижения выживания и устойчивого развития в современном мире [6, с. 87–89].

Несмотря на четкую экспликацию теоретических оснований анализа, он осуществляется Т. И. Заславской все же в поле модернизационной перспективы. О её взгляде на то, что трансформации – это процессы в рамках капитализма я уже писал. Другой составляющей теоретической рамки является взгляд на пространство трансформаций, как на пространство национальных государств. Она пишет следующее: «Социетельный тип общественного устройства представляет макрохарактеристику нации-государства как целостной системы. Это устройство имеет две проекции: институциональную и социально-групповую (социальную в узком смысле)» [6, с.101]. Именно эти две составляющих и формируют референтные рамки теории модернизации. Я согласен с заключением П. В. Кутуева: «Социологический дискурс о развитии и модернизации движется в системе координат, заданной классиками – Марксом и Вебером – и сосредотачивается на динамике и взаимодействии двух основополагающих феноменов модерна: национальном государстве и капитализме» [34, с. 41].

К этому следует добавить, что теория модернизации возможна в рамках некой интуиции, представляющей весь мир как арену соревнования наций. Цель соревнования задается идеей прогресса. В ходе этого соревнования выделяются лидеры, которых пытаются догнать отстающие, заимствуя их достижения. В этом соревновании все государства можно ранжировать по месту нахождения на пути к целям прогресса. Инструментами измерения местонахождения соревнующихся друг по отношению к другу являются ВВП, ИЧР и т.д. Дух соревнования не может не задавать ценностных установок: нужно быть не хуже других. Поэтому Т. И. Заславская говорит о необходимости для России перейти от зависимого типа развития к органическому, для чего необходимы механизмы саморазвития достижений (рыночная экономика,

современная социальная структура, современные институты гражданского общества, политическая демократия) [6, с. 69]. Именно для четкого анализа трансформационных процессов Т. И. Заславская предложила свой знаменитый «социетельный треугольник», сторонами которого являются институциональная структура, социальная структура и человеческий потенциал, а углами – население, культура и общественные отношения. Данная модель позволяет описывать разные типы социальных трансформаций, диагностировать противоречия в их ходе [6, с. 109].

Модернизационная перспектива уже неоднократно подвергалась критике за множество грехов: 1) методологический национализм, который превратил историю Первого модерна в историю «деятельных» преступников [4, с. 76–77]; 2) европоцентризм и оправдание господства Запада над остальным миром [35]. Возникает вопрос о причинах живучести данной перспективы. Мне представляется, что здесь имеют значение два обстоятельства. Во-первых, модернизация - не только теоретический подход, но и объективная форма мышления элитных групп государств периферии. Эта форма мышления будет воспроизводиться столь долго, сколько будет существовать в рамках мировой системы деление на центр, полупериферию и периферию. Во-вторых, теория модернизации, несмотря на её слабости, предоставляет до настоящего времени определенные объяснительные возможности.

Например, именно в поле этой теоретической перспективы была предложена модель, поясняющая сходство и различие в трансформационных процессах на постсоветском пространстве ролью государства. Г. Н. Соколова утверждает: «В ходе нашего исследования была выдвинута и получила подтверждение гипотеза о том, что социальные последствия трансформационных процессов в Беларуси и России, имеющие общие типологические черты и тенденции развития, в значительной мере определяются степенью государственного влияния в сфере экономики, а также государственной политикой в социальной сфере (контроль государства над балансом экономического и социального) [7, с. 62–63]. Исходя из этого страны СНГ были разделены на две группы. Трансформации в первой группе (Украина, Казахстан, Россия, Кыргызстан) были определены как модернизационные. Для них характерны быстрые темпы и шоковый характер преобразований. Другая группа стран (Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) пошла эволюционным путем [7, с. 63].

Такие выводы – не новость для современного мира. Например, сейчас мировая общественность активно обсуждает перспективы развития Китая. В этом развитии государство играет решающую роль. Поэтому, «...если недавно проведенные в Китае эксперименты с «коллективной диктатурой» и «общественными консультациями» докажут свою эффективность, то диктаторские режимы по всему миру воспрянут духом и поддержат модель, позволяющую государству с

однопартійної системою вижить в еру глобалізації і масових потоків інформації» [36, с. 198]. В теорії модернізації уже 10 лет известен парадокс периферийного государства, сформулированный Е. Яношем. Согласно ему, мобилизация требует сильного государства, но без демократического контроля оно превращается в инструмент получения ренты политическим классом [34, с. 142–143].

Цивилизационная перспектива построения интерпретативных моделей трансформационного процесса скорее декларируется, нежели используется в практике научного анализа. Чаще всего её применяют в ценностном дискурсе для объяснения неудач модернизационных усилий и формулировки новых целей развития. Например в коллективной монографии белорусских авторов провозглашается: «Сегодня все говорит о том, что «прозападная мутация» сознания восточнославянского общества вступает в завершающую фазу. В обозримом будущем наивно утопические установки «жить как на Западе» должны смениться возрождением Русской идеи в наиболее широком понимании, включающем в своё содержание самобытные духовные достижения и Белой Руси, и Украины» [37, с. 233]. Подобные интенции цивилизационного дискурса пугают некоторых социологов. Например, Т. И. Заславская прямо призывает: «...Не следует преувеличивать роль России как носительницы особой цивилизации, поскольку большая часть её отличий от высокоразвитых стран обусловлена не спецификой культуры, а зависимым типом и низким уровнем цивилизационного развития страны» [6, с.109].

Такой тип разворачивания дискуссии заслуживает только сожаления. Первая позиция ведет к созданию другой, не мене пагубной утопии абсолютной самобытности, вторая же – лишает страну собственных культурных импульсов к развитию, которые Россия демонстрировала неоднократно. Мне представляется, что цивилизационная перспектива в последнее время приобрела в мире новые объяснительные возможности. Сейчас наибольшую возможность для осуществления политики развития имеют не традиционные национальные государства, а государства цивилизации. У них больше ресурсов и возможностей для маневра на больших пространствах [38, с. 16–17].

К сожалению, в нашем научном сообществе пока очень плохо освоен мир-системный анализ И. Валлерстайна. В рассмотренных исследованиях эта теоретическая перспектива используется только О. И. Шкартаном и его коллективом [13]. Отсутствие серьезного внимания к трудам выдающегося социолога характерно и для Запада. Там сейчас уже воспринята мысль, что формирование обществ Модерна – это возникновение единой мировой системы. Однако элементы этой мировой системы рассматриваются как равнозначные. Здесь и Европа влияет на Китай, и Китай в свою очередь влияет на Европу [См.: 39]. И. Валлерстайн исходит из того, что человеческие

общества могут существовать или в минисистемах или в миросистемах. Он относит минисистемы к простым аграрным или охотничье-собирательским обществам: «Минисистема – это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки» [40, с. 24]. Сейчас таких образований уже нет. «Оставляя в стороне ныне не функционирующие минисистемы, единственным видом социальной системы является миросистема, которую мы определяем очень просто – как общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности таких миросистем – с общей политической системой и без неё. Мы можем описать их как мир-империю и мир-экономику» [40, с. 24]. Капитализм и мироэкономика – две стороны одной медали. И. Валлерстайн, разделив пространство мировой капиталистической системы на центр, полупериферию и периферию, делает вывод: «Невозможно разумным образом объяснить силу различных государственных машин в конкретный момент истории современной миросистемы главным образом в терминах генетико-культурной линии аргументации, но скорее в терминах структурной роли, которую страна играет в мироэкономике в данный момент времени» [40, с. 41].

Для теории трансформационных изменений этот вывод имеет принципиальное значение. Он означает, что появляются координаты, в рамках которых мы можем оценивать изменения в стране. И эти оценки не будут абстрактными (прогресс, деградация и т.д.). Мы можем констатировать движение тех или иных стран на периферию. Для других возможен подъём на уровень полупериферии или вхождение в состав ядра. Пока мы можем констатировать, что среди восточнославянских стран дальше всех на периферию сместилась Украина. Россия и Беларусь борются за сохранение своего положения полупериферийных стран. Россию вдохновляет перспектива войти в ядро, хотя это пока очень далекий ориентир.

Мир-системный анализ может быть методологической основой эмпирических исследований. Приведу только один пример. Дрейф на периферию ощущают даже простые украинцы, о чем свидетельствуют результаты Европейского социального исследования. Так, оценивая свой доход в 2005 и в 2007 гг. 0,9 и 1,1% респондентов выбрали позицию «живу комфортно на этот доход». В странах центра положение иное: Великобритания – 37,9% и 42,3%; Германия – 28,7% и 24,5%; Франция – 31,3%(данные только по 2007 г.) [40, с. 24].

Пытаясь представить возможное будущее сосуществования названных теоретических перспектив, можно предположить попытки их синтеза. Удачной платформой для этого мне представляется именно мир-системный анализ. Это, конечно, не означает, что он сам будет оставаться неизменным. В его рамках должна быть создана теория активности коллективных субъектов (в том числе и государств). Уже сейчас видно, что страны полупериферии нельзя оценивать только как

проводников стратегии мирового центра. Россия и Китай демонстрируют, что они выступают активными политическими игроками на мировой арене, часто оппонирующими странам центра. Второй модерн – это период перманентных трансформаций, поэтому для его понимания такая синтетическая теория представляется необычайно важной.

Литература

- 1. Павленко Ю. В.** Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства. Вид. 2-е. / Юрій Павленко. – К.: Либідь, 2000. – 358 с.
- 2. Хантингтон С.** Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. / Сэмюэл Хантингтон. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
- 3. Гидденс Э.** Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. / Пер. с англ./ Энтони Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
- 4. Бек У.** Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. / Ульрих Бек. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
- 5. Катаєв С. Л.** Сучасне українське суспільство: Навч. посібник / С. Л. Катаєв. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 200 с.
- 6. Заславская Т. И.** Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
- 7. Соколова Г. Н.** Трансформационные процессы в Беларуси и России: социальный аспект / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко, Е. В. Таранова / Научн. ред. Г. Н. Соколова. – Минск: Беларуская навука, 2009. – 223 с.
- 8. Кононов И.Ф.** Наследие советского социализма и проблема гражданского общества в Украине // Гражданское общество: идея, наследие социализма и современная украинская реальность. Коллективная монография / Научн. ред. И. Ф. Кононов. – Луганск: Альма-матер, 2002. – С. 105 – 175.
- 9. Валовой** внутренний продукт // Википедия // [http://ru.wikipedia.org/wiki/.%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82).
- 10. Гаврилишин Б.** Дороговкази в майбутнє. До ефективніших суспільств. Доповідь Римському клубові / Богдан Гаврилишин. – К.: Основи, 1993. – 238 с.
- 11. Беларусь** занимает 3 место среди стран СНГ по уровню ВВП на душу населения // <http://select.by/content/view/757/548/>.
- 12. Фляшникова А. Б.** Порівняння матеріального становища населення в показниках соціології та статистики // Український соціум. – 2009. – № 2. – С. 34 – 44.
- 13. Шкаратан О. И.** Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан и коллектив. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 560 с.
- 14. Шкаратан О. И.** Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положения социальных

- низов // Мир России. – 2008. – № 4. – С. 60 – 89.
- 15. Крыштановская О.В.** Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. – 2004. – № 4. – С. 3 – 39.
- 16. Горшков М. К.** Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ) / М. К. Горшков. – М: РОССПЭН, 2000. – 384 с.
- 17. Балакірєва О. М., Черненко С. М.** Нерівномірність доходів населення України як соціально-економічна проблема // Український соціум. – 2009. - №3. – С. 49 – 64.
- 18. Привалов Ю. О., Сапелкін Ю. В.** Тіньова економіка і корупція в Україні: сучасний стан і проблеми боротьби з ними // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. Кол. монографія / Під. ред. М. О. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 1999. – С.184 – 213.
- 19. Кононов І.** Тінь сірої чаплі // Демократична Україна. – 1997, 4 грудня.
- 20. Игнатенко А. А.** Ибн-Хальдун. – М.: Мысль, 1980. – 160 с.
- 21. Дементьев В. В.** Экономика как система власти. Изд. 2-е. – Донецк: Друк – Инфо, 2006. – 404 с.
- 22. Корреспондент.** Специальный выпуск. Топ 100 самых влиятельных людей в Украине. – 2009. – № 31 (21 августа).
- 23. Цього тижня** Держкомстат оприлюднить дані по ВВП України за 2009 р. // <http://ukrinform.biz/info/16387/>.
- 24. Якість життя** населення пострадянських країн у соціологічному вимірі. Колективна монографія / За ред.. В. С. Бакірова. – Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2008. – 216 с.
- 25. Уайт Ст., Макаллистер А.** Белоруссия, Украина и Россия: Восток или Запад? // Мир России. – 2008. – №4. – С. 37 – 59.
- 26. Интеллектуальные ресурсы** белорусского общества: социологический анализ / Под ред. Г. Н. Соколовой. – Минск: ИООО «Право и Экономика», 2007. – 113 с.
- 27. Бабосов Е. М.** Антикризисный потенциал креативного управления // Социальное знание и белорусское общество. Материалы Международной научно-практической конференции (К 20-летию институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН Беларуси). Минск, 3 – 4 декабря 2009 г. – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 38 – 43.
- 28. Котляров И. В.** Социологический мониторинг в системе государственного управления // Социальное знание и белорусское общество. Материалы Международной научно-практической конференции (К 20-летию институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН Беларуси). Минск, 3 – 4 декабря 2009 г. – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 32 – 38.
- 29. Яскевич Я. С.** Основы идеологии белорусского государства. Курс интенсивной подготовки. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – 336 с.
- 30. Симончук О.** Професійна структура сучасної України // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. № 3. – С. 62 – 99.
- 31. Чернецький А.** Особенности менталитета людей пограничья // Шлях до заємнасці. Матерьялы XIV Міжнародной науковай канференцы / Пад ред. С. Мусієнкі, І. Крэня. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 333 – 336.
- 31. Дорошевич Э., Соколов К.** Белорусско-польско-литовский тезаурус:

миовоззренческие аспекты // Polsko – białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe/ Materiały XVI Międzynarodowej Konferencji Naukowej “Droga ku wzajemności” / Pod redakcją M. Kondratiuka, B. Siegienia. – Białystok, 2009. – С.455 – 462. **32. Лейн Д.** “Цветная” революция как политический феномен // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 16 – 38. **33. Кутуєв П. В.** Концепції розвитку та модернізації в соціологічному дискурсі: еволюція дослідницьких парадигм. – К.: Сталь, 2005. – 500 с. **34. Валлерстайн И.** Модернизация: мир праху еє // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 21 – 25. **35. Леонард М.** О чем думают в Китае? / Пер. с англ. / Марк Леонард. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2010. – 222 с. **36. Современные** глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. Монография / Кирвель Ч. С., Бородич А. А., Бусько И. В. и др. / Под ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно: ГРГУ, 2008. – 532 с. **37. Кононов І. Ф.** Культурні детермінанти взаємодії Донбасу та Галичини в регіональній системі України // Культура України: цілісність у регіональній різноманітності. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. Київ, 19 листопада 2008 р. – К.: ДАКККиМ, 2008. – С. 15 – 50. **38. Bayly С.А.** The Birth of Modern World, 1780 – 1914: Global Connections and Comparisons. – Malden – Oxford – Carlton: Blackwell Publishing, 2005. – 540 p. **39. Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с. **40. Головаха Є., Горбачик А.** Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005 – 2007 / Євген Головаха, Андрій Горбачик. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – 133 с.

Кононов І. Ф. Трансформаційний досвід України, Росії та Білорусі: пошук інтерпретативних моделей

У статті аналізується спільне та відмінне в соціально-економічних трансформаціях, що розгортаються в Україні, Росії та Білорусі. Обговорюються основні теоретичні перспективи аналізу трансформаційного досвіду цих країн: теорія модернізації, цивілізаційна перспектива та світ-системний аналіз. Передбачається, що синтетична теорія трансформацій може виникнути на базі модифікованого світ-системного аналізу.

Ключові слова: трансформація, модернізація, цивілізація, світ-системний аналіз.

Кононов И. Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей

В статье анализируется общее и отличное в социально-экономических трансформациях, разворачивающихся в Украине, России и Беларуси. Обсуждаются основные теоретические перспективы анализа

трансформационного опыта этих стран: теория модернизации, цивилизационная перспектива и мир-системный анализ. Предполагается, что синтетическая теория трансформаций может возникнуть на базе модифицированного мир-системного анализа

Ключевые слова: трансформация, модернизация, цивилизация, мир-системный анализ.

Kononov I. F. Transformation experience of Ukraine, Russia and Belarus. Search for interpretative model.

The article analyses common and different issues in social and economic transformations which are being developed in Ukraine, Russia and Belarus. Here discussed the following basic theoretical perspectives of analysis of the transformation experience of these countries: modernization theory, civilization perspective and the World-systems approach. It is assumed that systematic theory of transformations can be formed on the basis of modified

Key words: transformation, modernization, civilization, World-systems approach.

УДК 316.3 «199/200»

Лебедь Л. И.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В
ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ,
УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ)**

Социальная структура постсоветских стран является чрезвычайно динамичной. Она еще не обрела устойчивого вида. Это является результатом кардинальных перемен в этих странах, связанных с исчезновением с политической карты мира Советского Союза. Накануне распада СССР уровень жизни населения Украины, Белоруссии и России был приблизительно одинаков. По состоянию на 1989 г. численность бедных (со среднедушевыми доходами 75 рублей и меньше) в Белоруссии составляла 3,3 %, а в России – 5 % [1]. В Украине в 1991 г. всего 1 % людей имели среднедушевые доходы на уровне меньше ½ минимального потребительского бюджета (в Законе Украины 1991 «О минимальном потребительском бюджете» минимальный потребительский бюджет определяется как граница малообеспеченности) [2, с. 130–131]. Сегодня для большинства населения постсоветских стран характер низкий уровень жизни.

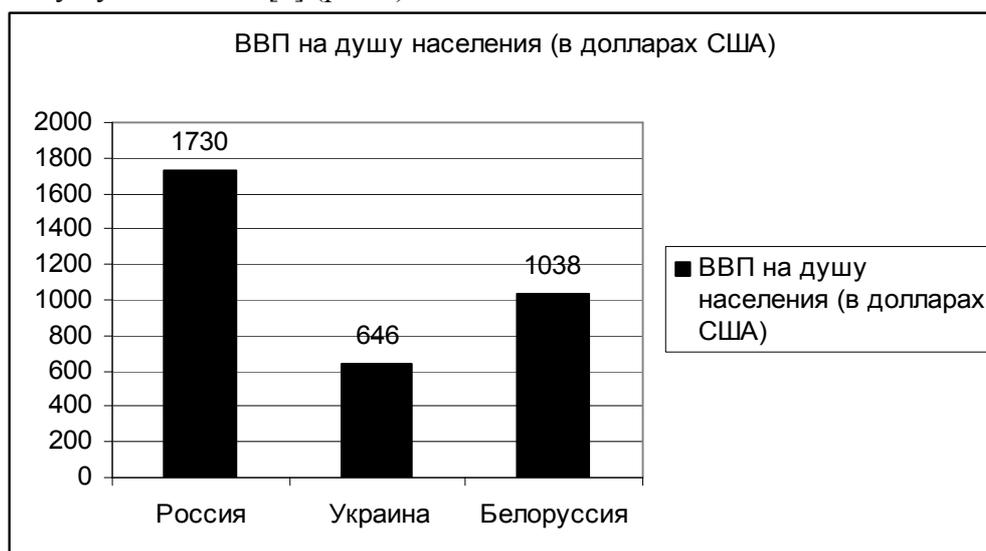
В начале 90-х гг. XX ст. Украина, Россия и Беларусь пошли разными путями. В России в 1992 г. была выбрана «шоковая терапия» и ускоренная приватизация, проводимая ультралиберальными

реформаторами [1], [3]. Украина выбрала путь «мягкого вхождения в рынок»: стремясь не допустить быстрого спада промышленности, правительство раздавало дешевые кредиты предприятиям и регулярно индексировало пенсии и зарплаты, что привело к увеличению дефицита бюджета, росту цен (за 4 года цены выросли в 30 тыс. раз). Неэффективность данных мероприятий вынудили руководство страны немного изменить курс (главная задача – снижение государственных расходов) [3]. В Беларуси отказались от стремительного перехода к рыночной экономике. Государство не спешило расставаться с рычагами управления. На современном этапе в Белоруссии государство является значимым хозяйствующим субъектом, не получила широкого распространения такая форма собственности как частная. Например, доля частной собственности составляет около 35 % основных фондов (в России 75 %) [1].

На современном этапе **актуальным** является изучение трансформации социальной структуры Украины, России и Беларуси. Это позволит оценить эффективность выбранного ими пути развития. Особенно актуально это для Украины. В последнее время экономика нашего государства переживала не лучшие времена. В данном случае пример ближайших соседей может оказаться для нее полезным.

Имея приблизительно одинаковый старт, Украина, Россия и Беларусь пришли к сегодняшнему дню с разными результатами. **Цель статьи** – установить особенности трансформации социальной структуры восточнославянских республик.

По данным Статкомитета СНГ по состоянию на 2000 год Украина по сравнению со своими соседями имела самый низкий показатель ВВП на душу населения [3] (рис 1).

Рис. 1. ВВП на душу населения (в долларах США) по состоянию на 2000

2.

На современном этапе Украина и Россия, в отличие от Беларуси, имеют не самые лучшие макроэкономические характеристики. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. в Украине ВВП составил 84,9 %, в России – 92,1 %. В Беларуси в январе-марте 2010 по сравнению с январем-мартом 2009 ВВП составил 109 % [4].

По уровню средних заработных плат по официальной статистике Украина среди стран СНГ находится на 4 месте, уступая в два раза Казахстану, России и Беларуси. Украинские зарплаты ниже российских на 30 – 40 % [3].

По заключению Международной комиссии, созданной по инициативе ЕС в 1989 г., справедливой считается минимальная зарплата, которая достигает 68 % национальной средней зарплаты. В развитых странах этот принцип соблюдается, а в России, Украине и Беларуси – нет. Минимальная зарплата составляет около трети средней национальной зарплаты [5] (рис. 2).

Украина по данному показателю превосходит своих соседей, но ей пока далеко до европейских стандартов.

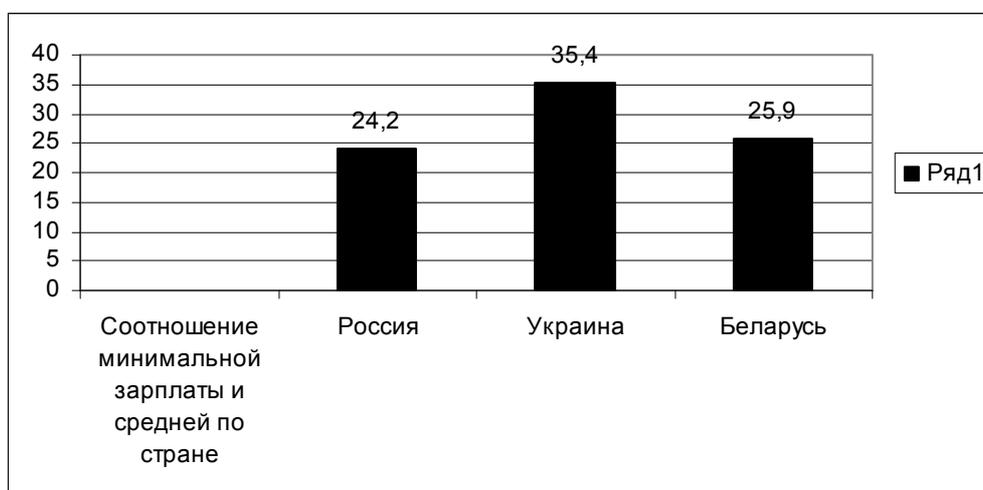

Рис. 2. Соотношение минимальной зарплаты и средней по стране (2009).

Рассмотрим динамику численности населения с доходами ниже прожиточного минимума (прожиточный минимум можно считать официальной чертой бедности) (табл. 1).

Табл. 1. Численность населения со среднедушевыми доходами в месяц ниже прожиточного минимума [6], [7].

Страна	Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (в % к общей численности населения)					
	2000	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	29	17,6	17,7	15,2	13,3	13,1
Украина	80,2	65,6	55,3	50,9	29,3	18,1
Беларусь	41,9	17,8	12,7	11,1	7,7	6,1

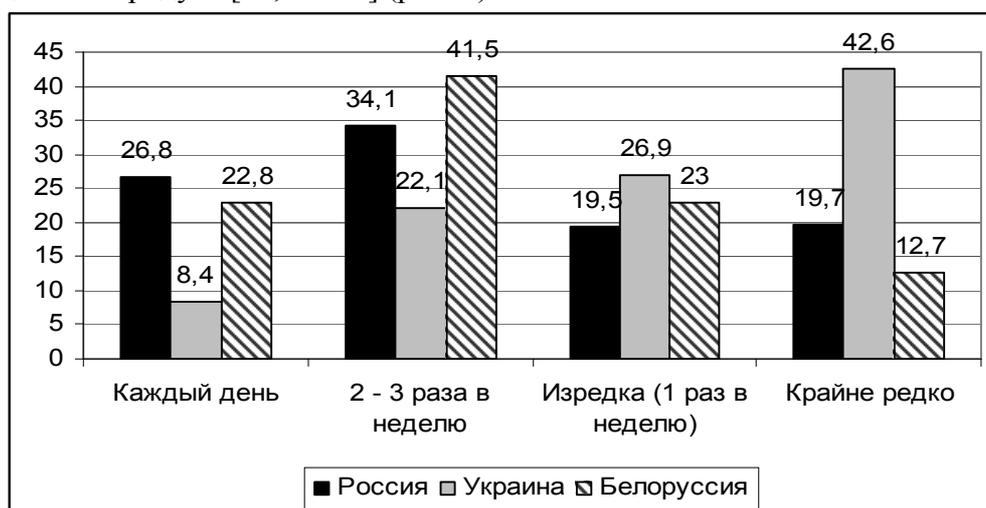
Данные таблицы свидетельствуют о том, что у населения Украины по сравнению с соседями более низкий уровень жизни. Процент людей, имеющих доходы меньше прожиточного минимума по состоянию на 2000 г., позволяет говорить о неэффективности выбранного нашей страной пути развития. В то же время Украине за 8 лет удалось снизить этот показатель до 18,1 %, но он остается самым высоким среди стран, которые сравниваются.

Колоссальных успехов добилась Беларусь. За 8 лет ей удалось снизить процент людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума до 6,1 %, хотя обнищание белорусов в начале 90-х годов было еще более стремительным, чем в России [1].

В России (в противовес Украине и Беларуси) не наблюдается стремительно роста уровня жизни, она занимает срединное положение в ряду стран, которые сравниваются.

Доходы 10 % наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10 % наименее обеспеченного в Беларуси в 5,2 раза (по состоянию на 2005 г.) [1], в России – в 17 раз (по состоянию на 2008 г.) [8], в Украине по официальным данным – в 6,9 раза, а с учетом теневизации доходов – в 13 – 17 раз (по состоянию на 2003 г.) [9, с. 16]. Мировая практика подтверждает, что опасность социальных конфликтов сводится к минимуму, если разрыв между доходами богатых и бедных не превышает 10 раз [10]. Следовательно, социальное расслоение в Беларуси можно считать социально приемлемым. В Украине и России имеет место значительная дифференциация населения по уровню доходов.

Л. Овчарова, Л. Прокофьева, А. Маконей [11, с. 96] одним из критериев бедности считают употребление мяса меньше 1 раза в неделю. Рассмотрим возможности россиян, украинцев и белорусов употреблять данный продукт [12, с. 204] (рис. 3).

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы употребляете мясо?» (в %), 2002²

Относительное большинство украинцев – 42,6 % крайне редко (менее 1 раза в неделю) употребляют мясо. Это самый высокий показатель среди стран, которые сравниваются. Следовательно, качество питания жителей Украины оставляет желать лучшего. Большой процент украинцев, по сравнению с россиянами и белорусами, крайне редко употребляют рыбу, сливочное масло, молоко [12, с. 204 – 207]. Данные показатели вызывают удивление, ведь Украина экспортирует молочную продукцию в Россию.

Между бедными и богатыми находится средний класс. В высокоразвитых странах его доля составляет 70 – 80 %. По оценкам экспертов в Украине 10 – 15 % жителей можно считать средним классом. К таковым относят обеспеченных, образованных людей, имеющих возможность делать сбережения [13]. С. Якубовский утверждает, что среднего класса в Украине несколько больше – 20 – 25 % [14]. Оценки экспертов не согласуются с мнением простых граждан. По данным исследований, проводимых Госкомстатом Украины (2008), к среднему классу себя относит только 2% опрошенных [15]

В России по оценкам экспертов доля среднего класса в структуре населения несколько больше – 30 % [16]. Социологи утверждают, что 42 % граждан РФ относят себя к среднеобеспеченным [17]. Это позволяет делать вывод о том, что россияне склонны более оптимистично оценивать свое материальное положение, нежели украинцы.

По оценкам экономиста Я. Романчука в Беларуси к среднему классу можно отнести 1 млн. 500 тыс. белорусских семей (общее количество белорусских семей составляет 3 млн. 500 тыс. семей) [18]. Л. Заико дает более пессимистичные оценки. К среднему классу экономист относит 4 – 6 % населения [19]. Белорусский средний класс имеет квартиру, автомобиль, иногда дачу, традиционно ездит в отпуск раз в год на недорогие курорты [18]. Установлены отличия между российским и белорусским средним классом. Первый, в отличие от второго, выбирает для отдыха более дорогие курорты [19]. По данным социологических опросов к среднему классу в Беларуси себя относят 72,8 % (2008 г.) [20]. Это самый высокий показатель среди стран, которые сравниваются. Возможно, на самоидентификацию белорусов влияет небольшой разрыв в доходах между самыми бедными и самыми богатыми.

В целом, подсчитать, сколько в Украине, России и Беларуси среднего класса – проблематично. Оценки экспертов и простых граждан отличаются. К тому же практически отсутствуют специальные исследования, посвященные сравнительному анализу среднего класса в бывших союзных республиках. Даже в рамках одной страны экономисты

---

² Гистограмма построена на основе данных [12, с. 204]

и социологи озвучивают разные результаты. Выяснить, сколько богатых – еще сложнее. Высокообеспеченные слои населения является труднодостижимыми для исследователей. Сегодня, как и в советские времена, открыто афишировать свои доходы не принято.

В Украине по приблизительным оценкам очень богатые люди составляют 3 – 4 % населения [14]. Самыми прибыльными считаются металлургия, энергетика, угольная промышленность, машиностроение, поэтому экономическая элита формируется из собственников предприятий данных отраслей. В последнее время к экономической элите добавляются представители банковской сферы, а также рынка недвижимости [9]. Согласно результатам исследований Госкомстата Украины (2008 г.) к высокообеспеченным слоям населения себя относят только 0,03 % опрошенных [15].

В России доля высокообеспеченных слоев в структуре населения составляет 5 – 8 %. Верхний слой российского общества неоднороден. По мнению большинства специалистов, к экономической элите относят газовую, нефтяную, и аэрокосмическую группы. Угольную, золотую, банковскую группы называют протоэлитами [10]. По данным социологических опросов богатыми считают себя только 1 % россиян [19]. Можно утверждать, что в России по сравнению с Украиной богатых больше. Например, в списке мировых миллиардеров (2007) значиться 87 россиян и только 7 украинцев [21].

Богатство украинцы и россияне накапливают, главным образом, благодаря добывающей промышленности. Это много говорит об ориентациях России и Украины. Чем выше уровень развития страны, тем большую долю в структуре экономики занимают обрабатывающие отрасли. Россия и Украина на современном этапе являются поставщиками сырья, а не высоких технологий. Об этом красноречиво свидетельствует экономическая элита этих стран.

В Беларуси, по оценкам Я. Романчука, около 15 тыс. долларовых миллионеров, что составляет 0,15 % от общей численности населения. По данным Информационно-аналитического центра при Администрации президента богатым себя назвали 0,7 % опрошенных [14]. Белорусы склонны завышать оценку своего материального положения. В России и Украине богатые пытаются скрыть свои реальные доходы, в первую очередь от налогов. В Беларуси самые богатые люди – это чиновники и бизнесмены, которые обслуживают государство [14]. Можно утверждать, что политическая элита данного государства равна экономической элите. Современных богатых белорусов можно сравнить с партийной номенклатурой СССР.

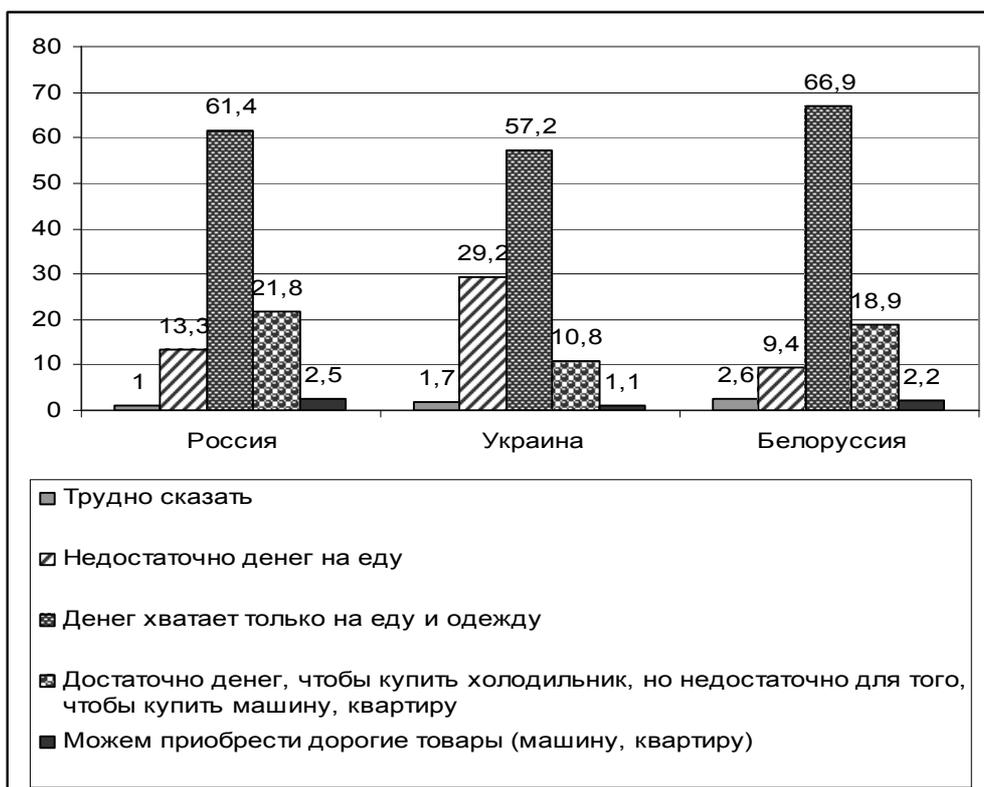
На Западе миллиардеры – это в большинстве своем люди, которые получили капиталы в наследство. Что же представляет собой постсоветский богатый человек? Ученые выделили несколько групп высокообеспеченных: 1 группа - партийные лидеры, которые превратились в президентов, и командиры самых прибыльных отраслей

СССР, которые превратились в олигархов; 2 группа – удачливые цеховики, спекулянты, просто энергичные люди, представители различных криминальных профессий; 3 группа – те, кто стали богатыми относительно «честно», начав дело с нуля (таких на постсоветском пространстве единицы) [22]. На постсоветском пространстве огромные капиталы наживались явно не за сто лет ежедневного труда, мотивированного протестантской этикой.

В целом, объективные данные (статистика, оценки экспертов) позволяют констатировать, что путь, выбранный Украиной, нанес самый больший удар по благосостоянию граждан.

Каким же видят свое общество украинцы, россияне и белорусы. Благодаря социологическим опросам мы можем узнать, как оценивают свое материальное положение простые граждане. По состоянию на 2002 г. россияне и белорусы несколько выше оценивают свое материальное положение, нежели украинцы [12, с. 201 - 202] (рис. 4).

Диаграмма показывает, что каждому третьему украинцу денег достаточно только на еду. Это самый высокий показатель в ряду стран, которые сравниваются. В Украине также меньше людей, которые могут позволить себе купить холодильник, машину квартиру.

Рис. 4. Оценка уровня материального благосостояния населения (%), 2002³

Полученные данные согласуются с оценкой изменения материального положения семьи за последние 10 лет. В Украине большинство населения (71 %) считает, что их благосостояние ухудшилось (в некоторой и значительной степени) [12, с. 201] (рис. 5).

Рис. 5. Оценка респондентами материального положения семьи за последние 10 лет (%), 2002⁴

Данные социологических опросов и статистики показывают, что социальные трансформации негативно отразились на благосостоянии граждан этих стран. Уровень жизни украинцев по сравнению с россиянами и белорусами оказался самым низким. Это позволяет делать выводы о неэффективной деятельности государственного аппарата.

Разрыв доходов самых богатых и самых бедных в Украине и России свидетельствует о том, что экономическая элита этих стран занята реализацией исключительно своих интересов. Остальное население ее мало волнует. В Беларуси наблюдаем противоположную тенденцию. Разрыв в уровнях доходов богатых и бедных в этой стране указывает на то, что экономическая и политическая элита заботится о простых гражданах.

Доля среднего класса в структуре населения Украины, России и Беларуси остается крайне низкой. До показателя высокоразвитых стран – 70 – 80 % - они еще не дотягиваются.

³ Гистограмма построена на основе данных [12, с. 201 - 202]

⁴ Гистограмма построена на основе данных [12, с. 201]

Литература

- 1. Головачев В.** Зарплата в России выше, зато в Белоруссии меньше социальное расслоение / Виталий Головачев // Труд. – 2005. – 23 августа. – Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/print/php. **2. Суименко Е. И.** Номоэкономическая современная Украины. Поведенческий аспект / Суименко Е. И., Ефременко Т. О. – К., 2004. **3. Андреенкова А. В.** Украинские потребители (сравнительный анализ с другими странами бывшего Советского Союза) / А. А. Андреенкова, А. Г. Моисеев. – Режим доступа: www.cfin.ru/press/practical/2002-01/02.shtml?printversion. **4. Социально-экономические** показатели по странам СНГ. – Режим доступа: www.belbusinessportal.com/images/stories/demo/file/sng.pdf. **5. С начала** года соотношение минимальной зарплаты к средней в Беларуси снизилось с 25,9 до 23,15 %. – Режим доступа: //Mojazaplata.by. **6. Диференціація** життєвого рівня населення. – Режим доступу: www.ukrstat.gov.ua/. **7. Численность** населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. – Режим доступа: www.gks.ru/bgd/regl/b09_37IssWWW.exe/Stg/05-03.html. **8. Белорусский** средний класс: «серебряный миллион». – Режим доступа: www.sn-plus.com/socium/525.html. **9. Інформаційне** забезпечення державного та регіонального соціального управління: Моногр. / О. Г. Осауленко, О. Ф. Новікова, І. С. Власенко та ін. / НАН України Інститут економіки промисловості; Держкомстат України. – Київ; Донецьк, 2004. **10. Рудакова О.** Высокообеспеченные слои российского общества / О. Рудакова, Е. Харитонова. – Режим доступа: www.top-personal.ru/issue.html?1506. **11. Харченко Н.** Сравнение методологических подходов к измерению уровня бедности / Н. Харченко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2000. – № 3. – С. 86–99. **12. Якість** життя населення пострадянських країн у соціологічному вимірі: моногр. / За ред. В. С. Бакірова. – Х., 2008. **13. Социальная** пропасть в Украине растет // Экономика. – 2008. – 6 мая. – Режим доступа: //rus.newsru.ua/finance/06may2008/v_9_raz.html. **14. Белорусские** богатые: подпольный класс. – Режим доступа: www.sn-plus.com/socium/559-2010-02-16-00-15-11.html. **15. Самооцінка** домогосподарствами України рівня своїх доходів у 2008 році. – Режим доступу: www.ukrstat.gov.ua/. **16. Тихонова Н.** Кризис среднего класса / Наталья Тихонова. – Режим доступа: www.ippnou.ru/article.php?idarticle=005796. **17. ВЦИОМ** посчитал бедных и богатых. – Режим доступа: rb.ru/topstory/economics/2007/10/17/171205.html. **18. Блеск** и нищета среднего класса (интервью с руководителем Научно-исследовательского центра Мизеса Ярославом Романчуком). – Режим доступа: www.expressnews.by/219.html. **19. Как** живет в Беларуси средний класс. – Режим доступа: kr.by/daily/23911/144785/. **20. Беспалый Р.** Республика Беларусь в зеркале социологии: особенности социальных процессов на

современном этапе / Р. Беспалый // Общество и экономика. – 2009. – № 6. – С. 62 – 77. – Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2009/0393/analit04/php. **21. 7 украинцев** попали в список богатых людей мира. – Режим доступа: [//rus.newsru.ua/ukraine/06mar2008/bagach.html](http://rus.newsru.ua/ukraine/06mar2008/bagach.html). **22. Исаев А.** Богатые люди в России – это тайна / А. Исаев. – Режим доступа: tr.rkrp-rpk.ru/get.php?305.

Лебідь Л. І. Трансформація соціальної структури в пострадянських країнах (на прикладі Росії, України, Білорусі)

У статті розглядаються особливості соціальної структури сучасних Росії, України, Білорусі. Виявляється специфіка низько-, середньо- та високозабезпечених прошарків у цих країнах. На основі аналізу соціологічної та статистичної інформації встановлюється, що рівень життя українців, у порівнянні з росіянами та білорусами, є найнижчим.

Ключові слова: соціальна структура, соціальне розшарування, рівень життя, бідні, багаті, середній клас.

Лебедь Л. И. Трансформация социальной структуры в постсоветских странах (на примере России, Украины, Беларуси)

В статье рассматриваются особенности социальной структуры современной России, Украины, Беларуси. Выявляется специфика низко-, средне- и высокообеспеченных слоев в этих странах. На основании анализа статистической и социологической информации устанавливается, что уровень жизни украинцев, по сравнению с россиянами и белорусами, является самым низким.

Ключевые слова: социальная структура, социальное расслоение, уровень жизни, бедные, богатые, средний класс.

Lebed' L.I. Transformation of social structure in the post-Soviet countries (by the example of Russia, Ukraine and Belarus)

The article discusses the features of the social structure of modern Russia, Ukraine and Belarus. There revealed the specificity of low-, medium and high-income levels of society in these countries. It is established, based on the analysis of statistical and sociological data, that the living standards of Ukrainians, as compared with the Russians and Belarusians is the lowest.

Key words: social structure, social stratification, life standard, the poor, the rich, middle class.

УДК [316.334.8: 331.5] (477+470+571+476)

Уколова А. А.

АНАЛІЗ СОЦІАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНОЇ СТРУКТУРИ ЗАЙНЯТОГО НАСЕЛЕННЯ УКРАЇНИ, РОСІЇ ТА БІЛОРУСІ В УМОВАХ СУСПІЛЬСТВА ДРУГОГО МОДЕРНУ

Становлення суспільства Другого модерну викликало зміни в соціально-професійній структурі населення світу. Це стосується й країн, що виникли після розпаду СРСР. Змінилися уявлення людей про престижність професії. Якщо за радянських часів у рейтингу найпрестижніших професій провідне місце посідали лікар, вчитель, науковець, інженер, то в сучасному глобалізованому світі ці спеціальності є непрестижними з точки зору уявлення населення про новітні професії, робоче місце і т. інше. В умовах сьогодення лідирують менеджери, логісти, економісти, юристи тощо.

За оцінками деяких дослідників, в умовах глобалізації та технологічної революції дедалі актуальнішою стає проблема скорочення попиту на некваліфіковану робочу силу. Становлення економічної системи Другого модерну приводить до відторгнення значної частки робочої сили, яка не володіє професійними кваліфікаціями, які в цих умовах є актуальними.

Складовою другої модернізації є зростання мобільності робочої сили, інтенсифікація міграційних процесів, наслідки яких є суперечними.

Для колишніх країн Радянського Союзу – України, Росії та Білорусі – правильні висновки щодо перспектив розвитку в умовах Другої модернізації є передумовою адаптації до загальносвітових змін. Від цього залежить доля наших народів.

Проблеми Другого модерну досліджують У. Бек, З. Бауман, Е. Гідденс, І. Кононов, М. Гаврилов, С. Катаєв, Н. Ротар, С. Хобта; зайнятість, ринок праці населення вивчають вітчизняні науковці Т. Петрова, Л. Сокурянська, О. Грішнова, російські вчені – А. Топілін, Ю. Одегов тощо.

Питання міграції, зокрема трудової, розглядають такі дослідники Росії, як С. Рязанцев, А. Гребенюк; Білорусії – Є. Бабосов, А. Злотніков; України – І. Прибиткова, В. Приймак, М. Шульга, Е. Лібанова та інші.

Метою даної статті є порівняльний аналіз змін соціально-професійної структури економічно активного населення України, Росії та Білорусі.

Перехід від індустріального типу суспільства до суспільства Другого модерну привів до того, що світова економіка все більше базується на інтелекті, ніж на матеріальній (речовинній) основі, домінуючим стає «інший тип праці – суперіндустріальний», який

ґрунтується на високорозвинених технологіях, вміннях, кваліфікації робітника, що забезпечується високим рівнем освіти, в тому числі формальною освітою (коледж, школа), професійною та «культурною» освітою» [1, с. 268 – 269]. Взагалі суспільство Другого модерну – це суспільство, де головну роль відіграють інформаційні технології, комп'ютерна і телекомунікаційна техніка, нанотехнології та генна інженерія. Головного значення набуває людський, а не речовий капітал [2, с. 48]. Тобто на сучасному етапі розвитку людської цивілізації головним фактором прогресу стають не уречевлені засоби виробництва, а знання та нові ідеї людей.

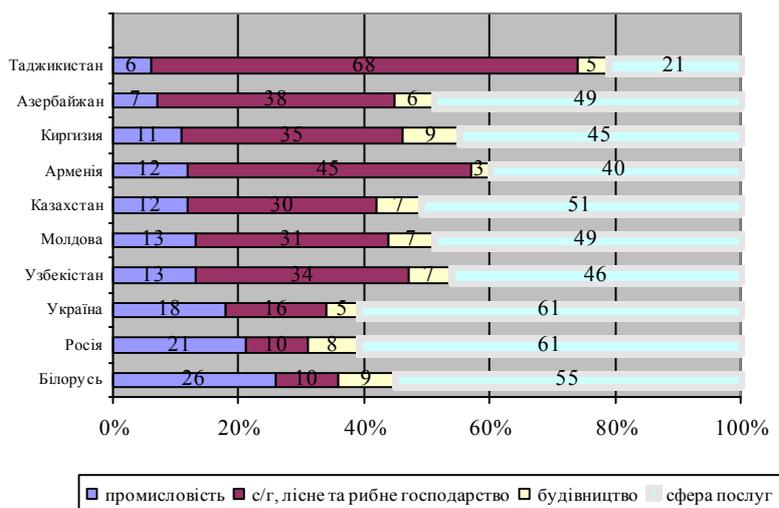
Еволюційний перехід до економіки знань супроводжувався постійним збільшенням частки людського капіталу. Так, за мінімальними оцінками, для країн Заходу ця частка в період з 1913 по 1973 р. зростає з 31 до 57%, а вже за чверть століття становила практично 70% [3, с. 31]. Роль людського капіталу, що збільшується, при переході до економіки знань змінює не тільки економіку, але й саме суспільство.

Ці зміни безпосередньо відбилися на зайнятості населення та на освітній сфері. В цих умовах ринок праці вже не може функціонувати успішно сам по собі, він повинен обов'язково доповнюватися ринком освітніх послуг. Між ними формується новий тип зв'язку.

Ринок освітніх послуг в Україні розвивається швидкими темпами і пов'язаний зі зростанням чисельності студентів, відкриттям нових вищих навчальних закладів. Все це нібито позитивні моменти, але тут виникає низка гострих проблем. Ринок освітніх послуг не є автономною одиницею, він для свого розвитку повинен взаємодіяти з ринком праці. Головна функція ринку освітніх послуг – бути сполучною ланкою між виробництвом і споживачем освітніх послуг. Але не завжди дана функція виконується належним чином. Сучасний ринок праці досить гнучкий, готовий до кон'юнктурних коливань, ринок освіти не є еластичним до зростаючого попиту роботодавців. Він не готовий оперативно реагувати на потреби ринку праці, що призводить до розбалансування цих двох інститутів. Питання дисбалансу між попитом та пропозицією на ринку праці стоять у більшості країнах світу. В Україні, Росії та Білорусі наявне значне перевиробництво економістів, юристів, але не вистачає працівників робітничих професій (слюсарів, токарів, фрезерувальників тощо).

Проаналізуємо дисбаланси в професійній структурі населення пострадянських країн. Так, з Діаграми 1, ми бачимо, що в країнах СНД більшість населення зайнято в сфері послуг, що є специфічним для даного типу суспільства, та можемо виокремити зайнятість в промисловості, бо кожен 4-5 громадянин в Україні, Росії, Білорусії все ще зайнятий в цій сфері [4].

Діаграма 1
Розподіл зайнятого населення за галузями економіки в країнах СНД, 2008рік, [4].

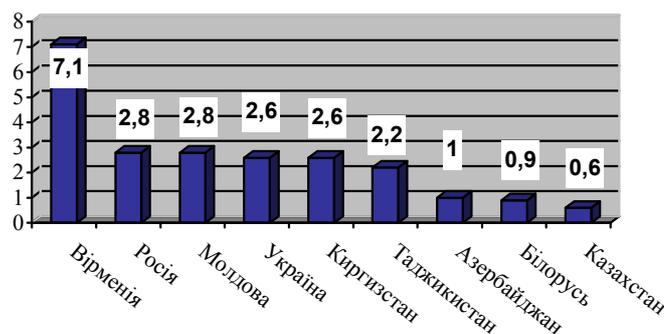

Ринок послуг, який у світі почав активно функціонувати в першій половині 60-х років ХХ ст., сьогодні важливий сектор розвитку країн центру світової капіталістичної системи. Скажімо, на сучасному етапі розвитку у США у цій сфері зайнято 73% робочої сили, Нідерландах – майже 50 [5, с. 12]. В країнах СНД, виходячи з Діаграми 1, показано, що на сучасному етапі розвитку у Білорусії у цій сфері зайнято 55% робочої сили, в Росії та Україні по 61%. У зв'язку з переходом економіки України до ринкового способу господарювання сфера послуг стала єдиним сектором економіки, яка в умовах структурної кризи в країні нарощує обсяги виробництва. Це пов'язано з тим, що багато послуг, які раніше надавалися безкоштовно або за символічну плату, стали платними, зокрема це стосується й освіти [5, с. 12].

При характеристиці соціально-трудої сфери країн не можна обійти показники незайнятості громадян, бо рівень безробіття в цілому характеризує стан національних ринків праці.

В Україні рівень зареєстрованого безробіття в середньому за 2009 р. становив 3,4% від економічно активного населення працездатного віку. Зазначений показник був вищим серед жінок (4,0%), якщо порівняти з чоловіками (2,9%) та у населення сільської місцевості (4,7%) порівняно з міськими жителями (2,9%). Слід зазначити, що на кінець 2009 р. рівень зареєстрованого безробіття становив 2,6% економічно активного населення працездатного віку. Серед країн СНД Україна за цим показником посідала четверте-п'яте місце разом з Киргизстаном [6] (Діаграма 2).

Діаграма 2
Рівень зареєстрованого безробіття серед країн СНД у 2009 році [6].
у % до економічно активного населення, на кінець звітної періоду

За показниками навантаження на 10 вільних вакантних посад Україна посідає 4 місце серед країн СНД, а Білорусь має найнижчий показник навантаження незайнятого населення на 10 вільних робочих місць (Таблиця 1).

Таблиця 1
Навантаження незайнятого населення на 10 вільних робочих місць
(вакантних посад) [6].

	(осіб; на кінець року)	
	2008 р.	2009 р.
Україна	96	82
Азербайджан	43	39
Білорусь	11	18
Вірменія	1153	1169
Казахстан	33	68
Киргизстан	190	187
Молдова	33	289
Росія	19	32
Таджикистан	43	54

На ринок праці та зайнятість населення, рівень безробіття також безпосередньо впливає трудова міграція населення. Відкриття кордонів після розпаду Радянського Союзу та поширення інформації про можливість трудової міграції на тлі зниження рівня життя і згорання деяких галузей економіки змусило частину населення цих країн шукати нові можливості заробітку [7, с. 32].

У світі утворюється сучасний глобальний ринок, який вимагає нових ресурсів, у т. ч. працівників. Ринок праці перебуває під впливом глобалізації, тобто є невід'ємною складовою глобалізаційних процесів і виходить за межі державних утворень. Тому міграція робочої сили є об'єктивним природним процесом, обумовленим у ринковому

середовищі різницею в масштабах і темпах накопичення капіталу, які формують визначальною мірою рівень заробітної плати. Таким чином, у глобалізованому світі відбуваються взаємозамінні процеси, оскільки населення, як правило, мігрує з менш розвинутих до більш розвинутих країн. І якщо для українців привабливими є ринки праці таких країн як Португалія, Польща, Чехія, то для португальців – Франція, для поляків та чехів – Греція, Велика Британія та Ірландія.

Інтенсивне зростання трудової міграції вже призвело до фактичної депопуляції населення в цілому ряді областей Західної України. Залежно від регіону країни орієнтири трудових мігрантів мають свої вектори. Наприклад, трудові мігранти-жителі Донбасу майже всі орієнтуються на Росію (шахтарі, металурги й інші професійні групи), з Закарпаття – на Чехію, Угорщину, Словаччину, жителі Львівської області – на Польщу, Італію та Португалію. Багато трудових мігрантів з Івано-Франківської і Чернівецької областей працюють в Італії, Іспанії, Греції, Португалії. Молодь бажає їхати на заробітки в європейські країни більш, ніж у Росію чи Білорусь.[8, с. 316 – 317].

У кількісному вимірі оціночні показники трудової міграції у східному та західному напрямках наведені в Таблиці 2 [9].

Таблиця 2
Кількісні показники трудової еміграції з України по країнах

Країна	Офіц. кількість, тис. осіб	Експертні дані, тис. осіб	Тип міграції
Росія	169	понад 2000	Сезонна, переважно чоловіча, нелегальна міграція
Італія	195,4	500	Досі зростаюча жіноча міграція
Польща	20	понад 450	Стабільна, переважно нелегальна та транзитна, човникова
Іспанія	52,8	250	Родинна міграція, зберігається тенденція до зростання
Португалія	44,6	75	Відтік мігрантів до інших країн ЄС, зокрема, Іспанії і часткове повернення в Україну
Чехія	51	150	Зростаюча, частково транзитна міграція до інших країн ЄС
Греція	20	75	Переважно жіноча міграція, відтік мігрантів до інших країн ЄС і часткове повернення в Україну
Нідерланди		40	Секс-індустрія
Велика Британія	10	близько 70	-

США		близько 500	-

При такій ситуації стає зрозуміло, що зупинити чи зменшити масштаби трудової міграції – досить важке завдання. Непокіють те, що виїжджають переважно громадяни освічені, які не знайшли гідного місця роботи і гідної заробітної плати на Батьківщині. Протягом останніх років 52% молоді, яка працювала за кордоном, виїхали в Росію, 7% – в Італію. Найбільша частка молоді (47%) була задіяна на будівельних роботах, 19% – у сільському господарстві. Тривогу викликає те, що кожна десята молода людина, працюючи в іншій країні, працювала за фахом, який здобувала в Україні, часто за державні кошти [10].

Україна за розмірами заробітної плати поступається країнам-реципієнтам наших трудових мігрантів. За даними Євростату, розмір мінімальної заробітної плати в Європейських країнах становить: в Ірландії – 1462 євро, Франції – 1321, Великобританії – 1148, Чехії – 329, Польщі – 334, Болгарії – 112, а в Україні – 63,40 євро. Таким чином, можна припустити, що розмір заробітної плати є спонукальним мотивом для українців шукати роботу за межами України, навіть у країнах ближнього зарубіжжя [11, с. 37].

Для Росії та Білорусії теж притаманні процеси міграції. Мешканці Російської Федерації переважно обирають для виїзду з метою заробітку такі країни як Кіпр (2004 р. – 18% від 100 % трудових мігрантів), США (10,5%), Японія (6,8%) тощо [7]. Відтік молоді з Білорусії припадає на країни дальнього зарубіжжя, перш за все країни Європейського Союзу, куди виїжджає населення активного працездатного віку [12, с. 22].

Висновки. Проаналізувавши соціально-професійну сферу України, Росії та Білорусії в умовах переходу до суспільства Другого модерну, ми підтвердили висновки що перспективи розвитку в умовах Другого модерну є передумовою адаптації до загальносвітових змін.

Виявили велику кількість аналогій в соціально-трудоцій структурі населення цих країн. Схожі процеси відбуваються в зміні попиту на деякі спеціальності, в цих країнах наявна диспропорція попиту на пропозиції та ринку праці. Після розпаду СРСР та входження ринкових відносин у всі сфери життєдіяльності людства, змінився попит на робочу силу, стали затребуваними нові якості людського капіталу. Сформований в цих умовах ринок праці повинен обов'язково співпрацювати з ринком освіти, а останній повинен швидко реагувати на зміни ринку праці та адаптуватися до них, щоб уникати диспропорції в професійній структурі населення країн.

В Україні, Росії та Білорусії також наявна нелегальна трудова міграція; складна ситуація щодо працевлаштування окремих соціально-демографічних груп (молодь, жінки, інваліди); поширення тіньової та

неформальної зайнятості. Завданням кожної держави повинно стати створення привабливого ринку праці та умов для гідної зайнятості.

Література

- 1. Сокурянская Л.Г.** Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. – Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина, 2006. – 576 с.
- 2. Кононов И.Ф.** Социология Второго Модерна как научная перспектива // Соціологія Другого модерну: проблема перевизначення понять суспільнознавчого дискурсу: зб. наук. пр. / Наук. Ред. І.Ф. Кононов. – Луганськ : Вид-во «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009. – С. 32 – 54.
- 3. Гринберг Р.** Государство в экономике знаний // Экономика Украины. – 2008. – №10. – С. 28 – 39.
- 4. Щербакова Е.** Уровень и качество жизни в странах СНГ существенно различаются <http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/barom03.php>.
- 5. Горбач Л.М.,** Каун О.Б. Ринок фінансових послуг: навч. посіб. / Л.М. Горбач, О.Б. Каун. – К.: Кондор, 2006. – 2006. – 436 с.
- 6. Доповідь «Ринок праці»** // <http://ukrstat.gov.ua>
- 7. Рязанцев С. В.** Трудовая миграция из России и новая российская диаспора за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 32 – 40.
- 8. Уколова А.А.** Трудова міграція населення України: негативні наслідки та шляхи їх подолання // Соціологія у (пост) сучасності. Збірник наукових праць учасників VI Міжнародної наукової конференції студентів та аспірантів. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2008. – С. 316 – 317.
- 9. Тенденції трудової міграції з України до країн СНД** // <http://www.niss.gov.ua/Monitor/januar2009/11.htm>
- 10. Безробіття – з «дипломом»** // http://www.kartina-ua.info/index.phtml?art_id=210884&action=view&sel_date=2008-01-15
- 11. Петрова Т.** Стан та проблеми регулювання зовнішніх трудових міграцій в Україні / Т. Петрова // Україна: аспекти праці. – 2009. – № 3. – С. 37 – 44.
- 12. Злотников А.Г.** Молодежь Беларуси в современных миграционных процессах // Социально-демографические проблемы молодежи в условиях кризиса: Материалы международного научно-практического семинара для молодых исследователей (Москва, 23-24 ноября, 2009 г.) / редакторы-составители: д.э.н., проф. Рязанцев С.В., к.и.н., проф. Журко В.И., д.ф.н. Скробанек Я. – М.: Изд-во «Экономическое образование». – 2009. – С. 19 – 23.

Уколова А. А. Аналіз соціально-професійної структури зайнятого населення України, Росії та Білорусі в умовах суспільства Другого модерну

В рамках даної статі автором зроблено аналіз функціонування соціально-професійної сфери населення країн СНД: Росії, України та Білорусії, під впливом процесів, що породжені становленням суспільства Другого Модерну.

Ключові слова: Другий Модерн, ринок праці, ринок освітніх послуг, країни СНД, безробіття, трудова міграція, глобалізація.

Уколова А. А. Анализ социально-профессиональной структуры занятого населения стран СНГ: России, Украины и Беларуси в условиях общества Второго Модерна

В рамках данной статьи автором сделан анализ функционирования социально-профессиональной сферы населения стран СНГ: России, Украины и Беларуси, под влиянием процессов, порожденных становлением общества Второго модерна.

Ключевые слова: Второй модерн, рынок труда, рынок образовательных услуг, страны СНГ, безработица, трудовая миграция, глобализация

Ukolova A. A. Analysis of social-profesional structure of employed population of the CIS countries: Russia, Ukraine and Belarus in the conditions of society of the Second modern

In this article the author analyses social-professional sphere of population of the CIS countries: Russia, Ukraine and Belarus, under effect of processes that generated at formation of society of the Second modern.

Key words: Second modern, labor market, the market of educational services, the CIS countries, unemployment, labor migration, globalization.

УДК 316.334.3:321.013 [477:(470+571)]

Хобта С.В.

УКРАИНСКО-РОССИЙСКАЯ ГРАНИЦА: ДЕМАРКАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

*«Если театр начинается с вешалки,
то суверенная страна начинается с
государственной границы»*

(Заявление Народной Партии Украины)

В обществе Первого модерна решающую роль играли политические границы. Границы национальных государств, как «контейнеры»,⁵ заключали общества, оформляя порядки власти. Второй модерн связан с глобализацией, ослаблением суверенитета национальных государств, появлением трансграничных явлений,

---

⁵ Метафора У. Бека о «контейнерной» теории общества см. [1, 17].

изменением природы и функций границ. Для Украины и России новые процессы осложняются нерешенностью вопроса межгосударственной границы. Процесс делимитации украинско-российской границы начался в 90-х гг. Позже был поставлен вопрос о демаркации. Российская сторона оттягивала его решение до настоящего времени, мотивируя созданием сложностей для населения обеих стран. В первую очередь, населения приграничных территорий. 17 мая 2010 между Украиной и Россией было подписано соглашение о демаркации российско-украинской государственной границы. Почему российская сторона изменила свое отношение к вопросу демаркации и каковы последствия этого процесса остается открытым вопросом.

Предметом нашего рассмотрения выступает вопрос демаркации украинско-российской границы и перспективы его восприятия населением приграничных территорий.

В социологии граница – одна из ключевых категорий пространственного анализа. Посредством границ социальные системы и различают друг друга, и взаимодействуют. Каждая эпоха вырабатывает свое видение пространственных отношений. По сути, они являются абстрагированными моментами социального пространства [2, 278]. Общей методологической установкой социальной мысли Первого модерна был органицизм. Соответственно и граница понималась как некий орган социального организма. Таким организмом выступало государство. Связь государства с пространством начала изучаться благодаря французской человеческой географии [см. 3] и немецкой школе антропогеографии, послужившей основой для политической географии, а затем и геополитики. Видными ее представителями являются Р. Челлен и К. Хаусхофер, поэтому в качестве иллюстрации понимания границы в Первом модерне остановимся на их работах. Анализ их работ показывает, что в первой четверти XX в. в литературе существовала довольно экзотичная типология границ: выделялись «согласованные», «компромиссные», «несостоятельные», «сообразующихся с природой», «спорные», «разорванные» «противоестественные», «расчлененные», «непризнанные», «изнасилованные», «расслабленные», «временного толка», «толерантные», «слишком переливающиеся через край» и «слишком забытые», «нейтральные», «инертные», «легко возбуждающиеся» границы и др. [4, 303-304; 385-387]. Но принципиальным являлось деление на справедливые/естественные и несправедливые [4].

Государство и территория понимались как «интимно» связанные. Для Р. Челлена «подобно лесу оно (*государство – Х.С.*) связано с определенной почвой, из которой получает питание, и в которую, как и дерево, оно вплетено своими корнями» [6, 102]. Территория (вместе с этносом, народом) – это биологическая основа государства как формы жизни. Граница же – средство отграничения жизненных форм. «Естественные пределы являются периферической особенностью страны,

посредством которой ее отчужденность от окружающих стран выступает в более сильной или слабой степени» – пишет Р. Челлен [6, 116]. Главный принцип границы – «граница должна обеспечивать недоступность стран с обеих сторон и препятствовать взаимному вторжению» [6, 118].

Для К. Хаусхофера с онтологической точки зрения граница – живое образование, особый «орган» государства и одновременно особая автономная жизненная форма. Он пишет: «...я смог дать исходя из опыта, только определение (дефиницию) понятия границы как „*периферического органа*” – подобно коже, – жизненной формы, закрытой на ключ, „обозначенной на всем протяжении” и испытывающей напряжение, но живущей собственно полнокровной жизнью, защитного покрова, состоящего из жизненных форм, наполненных единой жизненной волей» [4, 247]. Видно, что несмотря на совместную работу, авторы представляют разные подходы к пониманию границы.

Для К. Хаусхофера границы отделяют народы/этнотыпы/расы, стремящиеся к развитию. Идеально, когда политические границы совпадают с этническими. Граница отделяет жизненные формы, но не препятствует их контакту/борьбе. Для Р. Челлена граница отождествляется с линией политической границы. Главная ее функция – защита и ограничение. Показательной является разница в терминах описания. У Р. Челлена граница – «проходной двор», «открытая дверь в ветхом доме». У К. Хаусхофера – «контактная зона», «арена борьбы», «пояс самостоятельной жизни, заполненный борьбой».

Рассмотрение понимания границы в обществознании Первого модерна показывает, что границы понимались как защитный орган, средство различения и защиты социальных форм. Приоритетной являлась защитная функция, обеспечивающая стабильность и закрытость. Это объясняет высокое внимание к естественным границам (болота, леса). Их наличие считалось чрезвычайно желательным для устройства границы. Как правило, граница редуцировалась к линии политической границы. Продуктивным в анализе границы стала артикуляция коммуникационной функции, важности коммерческой и хозяйственной открытости, а также осмысление значения культуры. Указывалось, что культура может выступать таким же объективным фактором разделения как горы и моря. «Естественные» границы стабильны, но они должны быть отрефлектированы как «естественные». Шаткость Вестфальской системы показала, что если границы не признаны, они не могут претендовать на долговечность.

Становление общества Второго модерна связано с глобальностью и глобализацией. Главные отличительные черты Второго модерна – ликвидация пространственной замкнутости, формирование трансграничных связей и ослабление национального государства [7, 50-51]. В результате этого рушится понимание границ, закрепленное Вестфальской системой мира [2, 280-281]. Все чаще звучат претензии к

способам делимитации и «принципу нерушимости границ», закрепленному послевоенными мирными соглашениями в период Первого модерна. С. Васильев, анализируя современную политику России в отношении Сербии, пишет: «Возникновение каждого нового этнического кризиса на Балканах снова и снова возвращает нас к проблеме границ в сегодняшнем мире. Наиболее явно абсурд идеи «нерушимости границ» проявился в процессе деколонизации Африки и на сегодняшних Балканах. Африканские границы возникали совершенно произвольным образом – от точки встречи солдат разных колониальных держав граница прочерчивалась дальше «в джунгли» зачастую просто по линейке. Никого, разумеется, не заботило, что десятки народов оказались разделены этими границами» [8].

Параллельно пространствам национальных государств возникают новые формы социального пространства. Такие как пространства трансмиграции [9, 374]. Миграционные и информационные потоки постоянно взламывают границы. Границы ужесточаются, все больше стратифицируют и, одновременно, становятся прозрачными, не являясь чем-то сдерживающим и герметичным.

Противоречивости социальной реальности соответствует противоречивость рефлексии о ней. И. Кононов отмечает, что в настоящий момент существует достаточно парадоксальная ситуация в области осмысления границ: несмотря на то, что «анализ границ уже, наверное, два десятилетия как превратился в своеобразную обществоведческую моду», фиксируется плохая теоретическая отрефлексированность данной проблемы, а социология границы находится в начале своего становления [10, 80-81].

В современной западной литературе выделяют три направления в исследовании границ: «border studies», «boundary studies» и «frontier studies» [11, 45]. Каждая категория переводится как «граница», но при этом имеет разный смысловой оттенок. «Border-граница» понимается как граница властных практик, подчеркивает политический и социальный характер демаркации. «Boundary-граница» – граница между воображаемыми, ментальными, ценностными характеристиками, чаще всего, культурными или гендерными. «Frontier-граница» определяется как территория на краю культурного образования и место, где взаимодействует одна культура с другой. Это максимально динамичная и часто нестабильная зона [11, 56-57]. В качестве отдельной области исследования разрабатывается теория Пограничья [11; 12].

Изменения в природе границ связываются с глобализацией и рассматривают, основываясь на методологии постмодернизма. У. Бек следующим образом характеризует современные изменения: «Глобализация осуществляется вместе с подчеркиванием важности и усилением границ, с усилением пограничного контроля. Правда, эти новые границы функционируют не так, как прежние. Они напоминают швейцарский сыр, так как в них систематически встраиваются дыры и

ненадежные места, ведь в то же время они должны обеспечивать поток информации, капитала и людей (туристов)» [цит. по 10, 81]. И. Кононов обращает внимание на то, что «В условиях постмодернизма границы приобретают позитивные эстетические коннотации. Ими любуются как пространством наложения разнородного опыта, где стираются границы между своими и чужими. В связи с глобализацией границы теряют свою силу, но становятся повсеместными» [10, 80]. К слову, эстетизация пространства и границ характерна для целых научных направлений, например, гуманитарной географии в России [13]. Вместе с тем усложняются модели осмысления пространства и границ. Наряду с классическими картографическими моделями используются картоиды и анаморфоиды [14].

Для науки Первого модерна принципиальным являлось деление границ на справедливые и несправедливые. В настоящее время все социальные границы рассматриваются как несправедливые/назначенные [5]. Проблема назначенных границ в том, что они всегда могут быть оспорены. Основной же типологией является деление на границы-линии и границы-зоны. Например, Б. Паркер выделяет два типа границ: border-граница – жесткая, статичная, линейная и фронтир – мягкая, меняющаяся и зональная [11, 56-57]. И. Кононов говорит о границах как условных линиях и границах как контактных зонах. С государственными границами связано понимание границы как условной линии. В этом случае граница – социальный институт, создающий относительно замкнутые поля институциональных порядков [10]. Цивилизационные, культурные, этнические, региональные общности не могут быть разделены четкими линиями. Они в качестве границ имеют широкие контактные (И. Кононов) или переходные зоны (В. Каганский) [15].

И те и другие границы значимы в обществе Второго модерна. Большинство человечества остается структурированным пространством национальных государств. Государство, также как и в Первом модерне, больше осознает свою связь с территорией, чем с людьми. Для государства менее болезненно потерять людей, чем кусок земли, – писал в свое время Р. Челлен [6, 108]. И сейчас политическое руководство Украины легко переживает выезд на заработки тысяч своих граждан, но готово активно отстаивать квадраты о. Тузла или о. Майкан. «Высшему руководству нашего государства следует раз и навсегда дать понять всем странам-соседям, которые имеют к нам территориальные претензии, что Украина окончательно состоялась и утвердилась в нынешних границах. Государственный кордон нашего государства не будет пересматриваться ни при каких условиях. Мы уверены, что у нас достанет мужества, силы и мудрости, чтобы защитить свое Отечество!» – реагирует Народная Партия Украины на территориальные претензии Румынии [16].

Сложность и важность политических границ показывает опыт взаимоотношений России и Украины.

На данный момент между Украиной и Россией установлена государственная граница, протяженностью 2245,8 км. Общая протяженность границ России – самая большая в мире и составляет 60932 км. Протяженность украинской границы в 13 раз меньше – 4558 км. С Украиной Россия имеет самую протяженную морскую границу – 320 км и 3-ю по протяженности сухопутную – 1926 км (после Китая, Казахстана, Монголии).

Оформление украинско-российской границы началось с 90-х гг. В Киеве была подписана Российско-Украинская декларация (Киев, 31 мая 1997 г.). Относительно границы в ней говорилось: «Президенты условились осуществить договорно-правовое оформление российско-украинской государственной границы, включая ее делимитацию, и договорились активизировать переговорный процесс по этим вопросам. Россия и Украина будут и далее совместно противодействовать криминальным элементам, контрабанде и нелегальной миграции» [17]. Напомним, что процесс установления государственной границы между сопредельными странами состоит из двух этапов: делимитации и демаркации. В ходе делимитации границы государства наносятся на карту, демаркация предусматривает перенесение обозначение указанных границ на местность. На практике этот процесс в большинстве случаев состоит в установлении пограничных столбов.

С 2001 г. приграничные отношения регулировались на основе Программы межрегионального и приграничного сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2001-2007 годы, подписанной в Днепропетровске.

Российская сторона не считала необходимым проводить демаркацию российско-украинской границы вслед за ее делимитацией. Комментируя журналистам неоднократные высказывания украинских политиков о необходимости демаркации, официальный представитель МИД РФ заявил: «В этом вопросе у России иной подход». В Москве «исходят из того, что российско-украинская граница должна быть границей дружбы, согласия и взаимодействия, объединять, а не разъединять народы наших стран», а создание искусственных барьеров будет препятствовать коммуникации, хозяйственной деятельности, особенно в приграничных районах [18].

В 2003 году было подписано соглашение об украинско-российской государственной границе, в котором были заложены основы демаркации.

В 2004 г. вступил в силу Договор о государственной границе между Россией и Украиной. Данный Договор не предусматривал проведения демаркации. Приложениями к Договору являлось описание прохождения российско-украинской государственной границы, альбом карт с нанесенной линией границы.

В соответствии с утвержденным Президентом РФ В. Путиным и Президентом Украины В. Ющенко Планом действий Россия-Украина до

2009 года должна была вестись подготовительная работа по демаркации российско-украинской государственной границы. Предусматривалось, что после подписания Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о демаркации российско-украинской государственной границы должна будет сформирована Совместная российско-украинской демаркационная комиссия.

В 2005 году по инициативе В. Ющенко было решено начать демаркацию и создать демаркационную комиссию, которую создали, но с 2008 года процесс демаркации зашел «в ступор».

На настоящее время завершена делимитация сухопутной государственной границы между Россией и Украиной. На официальном сайте Президента России указывается, что «В целом согласован проект прохождения линии государственной границы от стыка границ Белоруссии, Украины и России до побережья Азовского моря, а также в основном подготовлены и сверены тексты проекта Описания прохождения линии государственной границы на русском и украинском языках. Стороны завершили согласование проекта технических требований к оформлению документов делимитации государственной границы между Российской Федерацией и Украиной. Ведутся переговоры по определению правового статуса Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод двух государств. [19].

Самым сложным вопросом в отношениях Украины и России является вопрос водных границ. Морские границы России почти вдвое больше сухопутных – около 40 тыс. км. С Украиной они самые протяженные. В 2004 г. вступил в силу Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. В России сам факт его подписания был встречен неоднозначно. Фракции КПРФ и «Родина» отказались голосовать за ратификацию договоров о границе с Украиной и об использовании Азово-Керченской акватории. Руководитель фракции «Родина» заявил, что «Это не договор, а стыдливый фиговый листок, которым прикрывают отсутствие договоренностей по водному пространству. <...> Сейчас из нас вышибают границы, – продолжил он, – потом объявят, что Тузла всегда была украинской» [20].

На основании указанного Договора до сих пор продолжают переговоры. Российская сторона настойчиво добивается статуса Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод двух государств. Так, в Рекомендациях Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками (утверждены 10 апреля 2008 года) написано: «МИД России и ФПС России в переговорах с украинскими партнерами по делимитации российско-украинской государственной границы, а также по определению правового статуса Азовского моря и Керченского пролива добиваться сохранения за акваторией исторически сложившегося статуса внутренних вод двух государств, используемых в интересах России и Украины» [21].

Показательно, что неспешность в оформлении морской линии границы отличает не только российско-украинские отношения. Согласно Информации о делимитации и демаркации государственной границы Российской Федерации на настоящий момент вопрос с демаркацией и делимитацией водной границы окончательно решен только с Норвегией [22].

17 мая 2010 г. между Украиной и Россией было подписано соглашение о демаркации российско-украинской государственной границы. Соглашение касается не всей границы, а тех ее участков, «которые являются бесспорными». В частности, соглашение не распространяется на участки границы в Керченском проливе и Азовском море. После вступления в силу договора о демаркации границы, Россия и Украина создадут совместную комиссию, которая должна будет выполнить все необходимые демаркационные практические работы на месте. Вместе с этим, рассматривается проект строительства транспортного перехода через Керченский пролив. «Цель перехода – замкнуть туристическую зону, которая могла бы стать общей – черноморское побережье Кавказа и Крым – и обеспечить туристам возможность беспрепятственно путешествовать по всему побережью» [23].

Видно, что в вопросе демаркации большую активную сторону занимает Украина. Это связано с надеждами Украины сначала на вступление в НАТО, а в настоящее время на безвизовый проезд в ЕС. Западные страны требуют порядка на границах с соседями. Отсутствие демаркации границы мешает украинскому переговорному процессу с ЕС, поскольку это вопрос нелегальных миграционных потоков. По словам государственного инспектора Национального института проблем международной безопасности Г. Яворской, порядка 80% нелегальных мигрантов попадают в страны Евросоюза именно через украино-российскую границу [24]. Украина стоит на пути азиатских и африканских мигрантов в ЕС и поэтому похожа на большую аэродинамическую трубу: «Черниговская, Сумская, Харьковская области – 2000 километров этой трубы, а сопло – это 68 километров украинско-словацкой границы, которую преимущественно штурмуют нелегалы» [25, 29]. Поэтому ЕС постоянно подталкивает Украину к ужесточению границы, особенно юго-восточной [25, 28].

Россия на инициативы Украины до настоящего времени реагировала вяло. А. Ключев это объясняет политическими обстоятельствами и возлагает ответственность на предыдущую украинскую власть. «Подписание данного соглашения является приоритетным для Украины, и этот вопрос постоянно заносился в повестку дня в переговорах между государствами, – подчеркнул первый вице-премьер. – Однако в силу политических обстоятельств и отсутствия конструктивного диалога между Украиной и РФ подписание данного соглашения постоянно откладывалось. Не в последнюю очередь

ответственность за это возлагается и на предыдущую власть. Сегодня между двумя государствами происходят позитивные сдвиги и две стороны могут успешно начать процесс демаркации сухопутного участка государственной границы» [26].

Произошедшие изменения в вопросе демаркации, правда, не предрекают быстрого решения вопроса. Во-первых, договоренности заключены относительно «безпроблемных» участков границы. Во-вторых, согласно экспертам, приступить к реальной работе по демаркации смогут не раньше, чем через год-два. Кроме того, демаркация – сложный с технической точки зрения и дорогой процесс. По словам директора программы политического анализа и безопасности Международного центра перспективных исследований В. Чумака «Все работы обойдутся в сумму порядка 200 миллионов долларов. Но, ни у нас, ни у россиян таких денег нет <...> Вопросы границ, газотранспортной системы и вопросы флота будут на повестке дня украино-российских отношений еще 20 лет».

Украина стремится стать европейской страной, поэтому демаркация границ необходима. Другое дело, что граница выступает как средство манипуляций в руках политических элит. Объясняется ли изменение линии политики России только сменой Президента Украины как и то, осознает ли власть Украины важность морских границ так же как Россия – не известно. Курс на тесное сближение с Россией украинской оппозицией оценивается как опасная игра не просто с границами, а с суверенитетом. Оппозиция утверждает, что администрация В. Януковича согласилась пойти на значительные уступки российской стороне в пограничном вопросе и все его поездки – это поездки «за зрадой», что Украина становится похожей на российскую провинцию. «Кремлевские правители встречаются с представителями администрации президента Виктора Януковича чуть ли не еженедельно, так, будто Украина стала российской провинцией» [29].

Дополнительный интерес происходящему добавляет то, что к процессу оформления границы подключилась и Беларусь. По сообщениям СМИ, Белоруссия начала подготовку к демаркации границы с Украиной [27]. Кстати, российская граница Беларуси на сегодняшний день какими-либо договорами не определена и на местности не обозначена [22]. До этого украинско-белорусские отношения выглядели проблематично. Договор о украинско-белорусской границе был подписан еще в 1997 г., но до настоящего времени не ратифицирован. Беларусь отказывается выдавать Украине ратификационные грамоты к договору о границе. В качестве условия ратификации она требовала погашения долга 1992 г. украинских заводов в 130 миллионов долларов. На 28 мая 2010 г. в Черниговской области была назначена встреча А. Лукашенко и В. Януковича по этому вопросу, но она сорвалась. Информация об этом событии скудна и противоречива. Некоторые эксперты считают, что такая встреча вообще маловероятна, так как у властной элиты нет личной

заинтересованности в развязывании проблемы [28]. Такой, какая, например, была у бывшего министра иностранных дел Украины П. Порошенко, стремившегося через улучшение государственных отношений решить проблемы сбыта карамели своей фабрики в Беларусь [28].

Если прогнозировать как будет встречена демаркация населением стран, то можно утверждать, что жителями приграничных территорий – однозначно негативно. Граница нарушила привычные повседневные практики населения как с украинской, так и с российской стороны. Об этом свидетельствуют данные стандартизированных «открытых» интервью, проведенных в Луганской и Ростовской областях в 2009 г.⁶ и фокусированных групповых интервью, проведенных в Луганской области [10, 82-85].

Во время Советского Союза приграничные города и села были взаимно ориентированы как в хозяйственном, так и в инфраструктурном плане. Часто жителям российского приграничья удобнее пользоваться инфраструктурой украинских приграничных городов и наоборот. Например, сфера обслуживания Ростовской области практически недоступна для жителей станицы Митякинской, поэтому за покупками ближе ездить в украинское село Пархоменко или в Луганск. Классическим является пример сросшихся городков Чертково (Россия) и Меловое (Украина), где украинско-российская граница проходит по общей для городов улице Дружбы народов. Нарушение привычных практик, приводит к распространению нелегальных или полунелегальных. Заставляя людей придумывать ухищрения для того, что бы встретиться с родственниками в соседнем селе, граница не препятствует организованной контрабандной деятельности. Участок восточной украинско-российской границы «специализируется» на промтоварах и горюче-смазочных материалах. За 2009 г. в Луганской области было обнаружено и уничтожено 13 топливопроводов [30]. Меньше чем за пять месяцев 2009 г. было обнаружено 6, последний – с бурильной установкой [31, 3]. Всего же за два с половиной года на луганщине изъяли 3 бурильные установки [30].

Анализ интервью и с украинской, и с российской стороны границы показал, что граница жителями приграничья в первую очередь понимается как граница между народами, поэтому она определяется как помеха, разрыв, необоснованное препятствие. Ответы структурируются через описание коммуникации до появления границы и после. Это препятствие возникло и существует в чуждых населению приграничья интересах и является источником неудобств и распространения криминальных практик. Восточная украинско-российская граница не считается «настоящей» границей – опасной, конфликтной, границей с

---

⁶ В ходе исследования было опрошено 22 человека в Луганской области и 10 человек в Ростовской. Выборка формировалась методом равных квот по признакам пол и возраст.

«чужими». В описании доминирует дискурс братских народов. Люди не проводят различий между народами, живущими по обе стороны границы. Народ соседней страны описывается как «дружественный», «братский», «единый», «соседский», «близкий», «славянский». Проводится мысль о необходимости сохранения и поддержания дружеских отношений. Люди и без демаркации отмечают ужесточение границы. Поэтому дополнительные меры по оформлению границы, вероятно, будут встречены негативно. Это объясняется тем, что на восточной украинско-российской границе происходит наложение разных типов границ: государственной, этнической и региональной [10, 85]. Поэтому проведение демаркации должно сопровождаться взвешенной государственной политикой по оптимизации и гармонизации взаимодействия этих типов границ.

Литература

- 1. Бек У.** К социологии глобализации / У. Бек // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. – М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. – С. 15-21.
- 2. Кононов И. Ф.** Методологические предпосылки анализа пространственных аспектов общественной жизни / И. Ф. Кононов // Сознание и социальная реальность: Моногр. / Науч. ред. И.Ф. Кононов. – Луганск: Альма-матер, 2004. – С. 273-326.
- 3. Кочан В. М.** Проблема границ и пограничья в социокультурных исследованиях конца XIX-XX вв./ В. М. Кочан // Вісник СевДТУ. – Вип.86. Філософія. – Севастополь: Вид-во Сев НТУ, 2008. – С.70-73.
- 4. Хаусхофер К.** Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики, XX век: Сб./Сост. К.Королев. – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. – С.227-598.
- 5. Смит Б.** Онтология границ / Барри Смит, Ахилле С. Варзи // http://nounivers.narod.ru/gmf/b_htm.htm.
- 6. Челлен Р.** Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.
- 7. Бек У.** Национальное государство утрачивает суверенитет / У. Бек // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: сб. – М.: ООО АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. – С. 46-53.
- 8. Васильев С.** Пересмотр границ / Сергей Васильев // Спецназ России. – 2004. – № 4 // <http://www.specnaz.ru/04-2004>.
- 9. Пріс Л.** Руйнування соціального простору. Міграція між США та Мексикою і виникнення транснаціональних соціальних просторів / Людгер Пріс // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі Кононов І.Ф. (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольсков Д.М. – Луганськ, Альма матер-Знання, 2002. – С. 358 – 379.
- 10. Кононов И. Ф.** Украинско-российская граница: практики власти и повседневная жизнь населения / Илья Федорович Кононов // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна . Випуск 25. – Х.: ХНУ

ім. В.Н. Каразіна, 2010. – С. 79 – 86. **11. Бреский О.** От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа» / Олег Бреский, Ольга Бреская – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 336 с. **11. Адвилонене Ж.** Проблематика и возможности понятия «Пограничье» / Живиле Адвилонене // Перекрестки. – 2008. – № 2–4. – С. 57 – 89. **12. Россия:** воображение пространства / пространство воображения (Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Специальный выпуск) / Отв. ред. И.И. Митин; Сост. Д.Н. Замятин, И.И. Митин. – М.: Аграф, 2009. – 464 с. **13. Родоман Б. Б.** Географические картоиды с множественной интерпретацией / Б.Б. Родоман // Hermeneutics in Russia // [http // university.tversu.ru](http://university.tversu.ru). **14. Каганский В.** Граница как позиция и предмет понимания / В. Каганский // <http://www.inme.ru/previous/Kagansky/Gr-refl>. **15. Заява** Народной партії України // http://www.narodna.lg.ua/golovne/id_19912/. **16. Российско-Украинская декларация** (Киев, 31 мая 1997 г.) // <http://www.pravoteka.ru/style.css>. **17. МИД России** не хочет проводить демаркацию границы с Украиной // <http://img.pravda.com.ua/misc/style23.css>. **18. Официальный сайт** Президента России. Российско-украинские отношения // <http://www.w3.org/1999/xhtml>. **19. Новая** российско-украинская граница // <http://k.img.com.ua/static/css/style.css?12345>. **20. Состояние** российско-украинских отношений: Рекомендации Государственной Думы // <http://www.regnum.ru/news/987175.html>. **21. Информация** о делимитации и демаркации государственной границы Российской Федерации // [http://www.w3.org/1999/xhtml" lang="ru](http://www.w3.org/1999/xhtml). **22. Подписание** соглашения о демаркации границы ожидается в ходе визита Медведева в Киев // Интерфакс-Украина [http: //www.versii.com/news/205991/](http://www.versii.com/news/205991/). **23. Почему** Россия не оформляет границу с Украиной // <http://www.delfi.ua/archive/print.php?id=630606>. **24. Завгородня І.** Чужі / Інна Завгородня // Український тиждень. – 2010. – №1-2. – С. 26 – 29. **25. Что** Украина и Россия подпишут 17 мая? // <http://prawda.org.ua/1476>. **26. Белоруссия** начала подготовку к демаркации границы с Украиной // [http:// www.rosbalt.ru/2010/01/19/705149.html](http://www.rosbalt.ru/2010/01/19/705149.html). **27. В чем** причина белорусско-украинского дипломатического скандала? // <http://www.w3.org/1999/xhtml>. **28. Гонгадзе М.** Мир должен заставить Януковича держать свое слово.../ Мирослава Гонгадзе // <http://vlasti.net/css/global.css>. **29. Первое** впечатление о стране формируется на границе // Голос Украины. – 2009. – №97 (4597). – С. 3. **30. На Луганщині** затримали підпільних «трубопровідників»// <http://www.regions.ru/news/2294076/>.

Хобта С. В. Українсько-російський кордон: демаркація і перспективи її сприйняття населенням прикордонних територій

У статті порівнюється природа кордону та підходи до його розуміння в соціальній думці Першого та Другого модерну.

Розглядається проблема демаркації українсько-російського кордону й перспективи її сприйняття населенням прикордонних територій Росії та України.

Ключові слова: модерн, Другий модерн, українсько-російський кордон, демаркація, кордон.

Хобта С. В. Украинско-российская граница: демаркация и перспективы ее восприятия населением приграничных территорий

В статье проводится сравнение природы границы и подходов к ее пониманию в социальной мысли Первого и Второго модерна. Рассматривается проблема демаркации украинско-российской границы и перспективы ее восприятия населением приграничных территорий России и Украины.

Ключевые слова: модерн, Второй модерн, украинско-российская граница, демаркация, граница.

Hobta S. V. Ukrainian- Russian state border: demarcation and perspectives of its apprehension by the locals.

The border and approaches to its understanding in a social idea of the First and Second modern societies are compared in the article. The author considers a problem of demarcation of the Ukrainian-Russian border and how the local people of border areas apprehend it.

Key words: a modern, the Second modern, the Ukrainian-Russian border, demarcation, border.

УДК 316.354:351(043.3)+316.454.5(043.3)

Цыбульская Н. В.

**КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ:
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Культура управленческого общения представляет собой подсистему культуры управления, обеспечивающую деятельность механизмов координации управленческой деятельности и реализации коммуникативного потенциала субъектов управления. Культура управленческого общения – особый элемент культуры управления, не являющийся рядоположенным среди её основных элементов (управленческое мышление, управленческое поведение, управленческие отношения). Культура управленческого общения, «пронизывая» указанные элементы, представляет собой их коммуникативный «срез» и одновременно способ проявления внутренних аспектов культуры управления.

Культура управленческого общения выполняет функции стимулирования и программирования управленческой деятельности (скрытые), и функции координации взаимодействия управляемой и управляющей подсистем, а также реализации коммуникативного потенциала субъектов управления (явные).

Развитие и совершенствование культуры управленческого общения – необходимое условие повышения эффективности деятельности субъектов управления и формирования высокого уровня культуры управления в условиях транзитивного белорусского общества.

Воплощение культуры управленческого общения в практику реализуется посредством социокультурных технологий, которые являются инструментами практического осуществления управленческих знаний, умений, навыков в управленческом деловом поведении. Наиболее часто используемые технологии включают средства управленческого администрирования (распорядительные, служебно-коммуникационные, координационные и контрольно-оценочные операции), обмена информацией, побуждения, обратной связи. Широта выбора и степень использования конкретных технологий, то есть многовариантность деловых взаимоотношений, определяется уровнем культуры управленческого общения руководителя.

Разработанная автором концепция культуры управленческого общения была использована для анализа конкретно-эмпирического материала двух социологических исследований в целях эмпирического изучения культуры управленческого общения руководителей высшего и среднего звена в Республике Беларусь [1; 2;3]. Автором были проведены два экспертных опроса:

1) экспертный опрос 156 управленцев высшего и среднего звена из разных регионов Республики Беларусь, работавших на предприятиях различных сфер экономики. Опрос проводился в 1991 г. Его результаты дали информацию о культуре управленческого общения на этапе начала постсоветской трансформации белорусского общества;

2) экспертный опрос 162 управленцев высшего и среднего звена, занимающих должности директоров, заместителей директоров, начальников отделов (подразделений) и работающих в разных регионах Беларуси на государственных и негосударственных предприятиях экономической отрасли в сфере услуг (торговые предприятия, предприятия общественного питания), в финансовой сфере (банки), и в так называемом «секторе реальной экономики», то есть в агропромышленном комплексе и на производстве. Опрос проводился в 2001 году.

По формам контакта это были опосредованные, письменные, выборочные экспертные опросы по месту повышения квалификации или по месту работы респондентов (1991 г.) и по месту повышения квалификации или получения заочного высшего экономического

образования респондентов (2001 г.). Эксперты отбирались случайным образом. Анкеты эксперта были составлены автором.

Культура управленческого общения изучалась посредством замера следующих показателей:

- преобладание в управленческих контактах видов общения той или иной уровневой направленности (по горизонтали или по вертикали);
- степень удовлетворённости взаимоотношениями в коллективе;
- самооценка уровня различного вида знаний, позволяющих успешно осуществлять управленческую деятельность;
- предпочтительные способы получения новых знаний об управленческой деятельности;
- способ получения информации о текущих производственных делах; содержание коммуникативных контактов с подчинёнными;
- предпочтения в значимости тех или иных видов управленческого общения;
- наличие трудностей в управленческом общении и способы их преодоления;
- отношение к критике со стороны подчинённых;
- осведомлённость о мнении подчинённых по поводу деятельности руководителя и учёт этого мнения.

Индикаторами выступали: частота определённого вида контактов, степень удовлетворённости отношениями, степень достаточности знаний, степень необходимости знаний.

Главное внимание уделялось изучению степени реализации наиболее часто используемых руководителями социокультурных технологий: обмена информацией, администрирования, обратной связи, побуждения.

Поскольку в обоих исследованиях был использован сопоставимый инструментарий, появилась принципиальная возможность провести сравнительный анализ культуры управленческого общения в динамике и выявить не только её характерные черты, её состояние на этапе начала постсоциалистической трансформации и через десятилетний интервал, но и сдвиги в процессе изменения и развития культуры управленческого общения.

Поскольку в анкете эксперта присутствовали вопросы, раскрывающие различные аспекты делового общения руководителей, результаты исследований дали достаточно репрезентативную картину состояния культуры управленческого общения на определённый период. Особое внимание уделялось замеру следующих параметров культуры управленческого общения:

1) оценка культуры управленческих отношений как общего фона и контекста управленческого общения (характеристика общего микроклимата в коллективе, а также частота обращений за помощью к представителям разных деловых контактных групп и удовлетворённость

этой помощью как косвенный показатель общего эмоционально-психологического фона управленческой деятельности);

2) реализация социокультурных технологий обмена информацией: информированность руководителей об основных видах, формах, средствах управленческой деятельности и общения, наличие необходимых знаний для успешной управленческой работы, способы получения информации о текущих производственных делах, содержательная сторона деловых контактов с подчинёнными, установки руководителей на получение новых знаний, необходимых для успешной управленческой деятельности;

3) реализация социокультурных технологий обратной связи в контактах с подчинёнными и с представителями более высокого иерархического уровня управления: наличие обратной связи, степень её проявления и оценка руководителями её значимости;

4) реализация социокультурных технологий администрирования: предпочтения в использовании различных ситуативных форм деловых контактов, целевая направленность деловых контактов с подчинёнными;

5) реализация социокультурных технологий побуждения: учёт личностной составляющей деловых контактов, проявление внимания к личным проблемам подчинённых.

Управленческие отношения претерпели довольно значительные изменения за постсоветский период. Подтвердилась гипотеза о повышении степени удовлетворённости руководителей своими отношениями с подчинёнными, что иллюстрируется ответами экспертов: почти вдвое, к примеру, увеличилось количество руководителей, которые положительно оценивают отношения в коллективе как доброжелательные, основанные на взаимопомощи.

Проявление положительной динамики в общей оценке руководителями взаимоотношений в коллективах может быть обусловлено несколькими социальными факторами. Во-первых, такая динамика может являться следствием значительного улучшения работы кадровых служб, которые более грамотно оценивают деловые качества потенциальных работников и формируют тем самым стабильные (в том числе и в эмоциональном отношении) коллективы. Во-вторых, наличие безработицы и введение контрактной системы трудового найма позволяет руководителям более свободно расставаться с подчинёнными, которые своим поведением затрудняют выполнение целей организации.

Проявляется динамика и в ответах на вопрос, касающийся удовлетворённости управленцев взаимоотношениями с различными деловыми контактными группами. Довольно значительно снизилась степень удовлетворённости отношениями с более высокой ступенью управления – разница составляет 21,7% по варианту ответа, связанному с полной удовлетворённостью отношениями. Это обстоятельство может быть обусловлено противоречием между складывающимися рыночными

отношениями, которые требуют самостоятельности и оперативности в принятии решений, и системой государственного управления, в которой сильны административные элементы, сдерживающие инициативу «снизу».

Оказались подвержены динамике и ответы на вопрос о частоте обращения за помощью по деловым вопросам к различным деловым контактными группам. Частота обращений за помощью, а также проявления предпочтений в обращении к тем или иным деловым контактными группам являются косвенным показателем общего морально-психологического климата в трудовом коллективе, а также говорят в целом об уровне самостоятельности руководителя и о его профессионализме. В ходе сравнения полученных результатов проявилась тенденция снижения количества частых обращений руководителей за помощью к своему руководству (на 7,4%) и к подчинённым (на 17,4%). Показательно, что на 23,6% увеличилось за 10 лет количество управленцев, которые редко обращаются к подчинённым за помощью. На основании этих данных можно высказать предположение о том, что в динамике развития культуры управленческих отношений, культуры управленческого общения проявляется рост профессионализма, информированности и самостоятельности современных управленцев.

Подтвердилась гипотеза о росте правовой информированности руководителей: на 11,9% возросло число частых обращений руководителей к юристу за советами по деловым вопросам. Наблюдается снижение выбора варианта ответа, связанного с редкими обращениями к юристу – на 11,1%. Основываясь на этих данных, можно говорить о росте юридической грамотности управленцев, что повышает общую управленческую культуру.

Гипотеза об изменении коммуникативной (информативной) составляющей культуры управленческого общения в целом подтвердилась. Повысился уровень осознания управленцами необходимости углубления и обновления своих знаний по экономике, психологии, теории и практике управления, юридических знаний. Современные управленцы лучше, чем в начале этапа постсоветской реформации, обеспечены необходимой литературой, а также имеют больше возможностей для обучения управленческим технологиям.

Необходимость получения специальных знаний для осуществления различных видов деловых контактов (деловой беседы, совещаний и собраний, публичных выступлений, деловых переговоров, организации коллективного принятия решений, приёма по личным вопросам, деловых контактов с вышестоящим руководством) не оспаривалась руководителями как в начале постсоветской трансформации белорусского общества, так и сейчас. Подавляющее большинство опрошенных экспертов считают, что такие знания необходимы или желательны. Однако несколько изменились приоритеты

в определении необходимости специальной теоретической подготовки к тому или иному виду управленческого общения. Так, если первый опрос продемонстрировал особое внимание руководителей к важности деловой беседы, то современные управленцы указывают на особую необходимость наличия специальных знаний для ведения деловых переговоров – прирост 27,1%. Это обстоятельство ещё раз косвенно подтверждает повышение самостоятельности и личной ответственности руководителей в их управленческой деятельности, отражает общую социальную тенденцию утверждения диалогических рыночных отношений.

Единственный вид деловых контактов, по которому наблюдается некоторое снижение значимости, - это организация коллективного принятия решения. Это может быть связано с уже отмеченным снижением числа обращений руководителей к подчинённым для решения деловых проблем и с уменьшением коллегиальности в принятии управленческих решений.

В ответах явно проявилась динамика снижения оценки значимости приёма по личным вопросам и телефонного разговора. Треть управленцев в первом исследовании (33,3%) и почти половина во втором (46,9%) вообще не готовятся к деловым телефонным разговорам, что свидетельствует о явной недооценке ими этого важного и оперативного способа осуществления управленческих коммуникаций.

Относительно приёма по личным вопросам, как уже отмечалось, наблюдается явная тенденция его игнорирования: постоянно готовятся к приёму по личным вопросам только 12,3% респондентов (снижение на 7,4%), готовятся не всегда 40,7% опрошенных экспертов (прирост 21,6%), вообще не готовятся 46,9% руководителей (прирост 13,6%).

Следует отметить, что в современной практике управления на Западе практически отсутствует такая форма управленческой работы, как приём по личным вопросам. Вероятно, и в нашей стране постепенно происходит освобождение руководителя от необходимости решать определённые личные проблемы подчинённых. Эта задача перекладывается на другие службы (профсоюзную, кадровую). Кроме того, переход на контрактную систему найма тоже способствует тому, что приём по личным вопросам, как форма управленческой работы, постепенно изживает себя, так как большинство видов выходов из проблемных ситуаций, связанных с выполнением должностных обязанностей, оговаривается в трудовом контракте и в коллективном договоре между нанимателем, работниками и профсоюзной организацией учреждения.

Предпочтения в выборе способов получения информации о текущих делах также подверглись некоторым изменениям. Непосредственное общение с подчинёнными на их рабочем месте по-прежнему является самым предпочтительным для руководителей. В то же время показателен значительный рост выборов такой формы

непосредственного управленческого общения, как вызов подчинённого для устного доклада (+10,7%), а также рост выборов получения деловой информации на совещаниях (+6,5%). Руководители по-прежнему отдают предпочтение непосредственному управленческому общению, однако наблюдается и динамика роста интереса к опосредованным формам делового общения – в частности, к работе с письменными источниками (+14,2%).

Тенденция усиления авторитарности управленческого общения подтверждается ответами на вопрос о том, кто принимает решение в конце проводимого руководителем совещания. Значительно возросло количество выборов позиции «Решение принимает руководитель после рассмотрения предложений коллектива» - на 22,8%, и значительно уменьшилось число выборов позиции «Решение принимает коллектив» - на 10,1%. Только 12,3% руководителей теперь отмечают, что в процессах поиска и принятия управленческих решений активно участвуют подчинённые.

Работа канала обратной связи в управленческом общении подтверждается ответами респондентов на вопросы, касающиеся критического отношения подчинённых к работе руководителя. Большая часть управленцев (87,4% в первом исследовании и 79,6% во втором) признают, что подчинённые высказывают им критические замечания. Однако почти в два раза возросло число управленцев, отмечающих, что они не получают от подчинённых критических замечаний (прирост 9,3%). Это – тоже косвенное свидетельство более низкого уровня проявления канала обратной связи и нежелания (или боязни) критиковать руководство, что подтверждает рабочую гипотезу об ослаблении обратной связи в управленческом общении.

Если говорить о содержательной стороне критики руководителей со стороны подчинённых, то в ходе первого исследования чаще отмечалось руководителями наличие критики таких сфер их деятельности, как контроль выполнения заданий (23,5%), распределение заданий (17,5%) и принятие решений. Результаты второго исследования показали, что чаще всего подвергаются критике распределение заданий (+11,5%), контроль выполнения заданий (-3,1%) и стимулирование хорошей работы (+5,2%).

Как же управленцы воспринимают критические высказывания подчинённых об их работе? В результате сравнения ответов разных лет проявилась следующая динамика этой стороны управленческого общения: прежде всего, значительно снизилось количество выборов вариантов по позиции «Критические высказывания воспринимаются как желание подчинённых помочь в решении коллективной задачи» - на 25,4%. К сожалению, многие руководители уже не считают критику «снизу» конструктивной.

Большинство управленцев в своей профессиональной деятельности одновременно выполняют роли не только руководителей,

но и подчинённых, поскольку они функционально включены в общую вертикаль управленческих взаимодействий. Заслуживает внимание проявление динамики в ответах на вопрос о мнениях управленцев по поводу восприятия вышестоящими руководителями критических замечаний «снизу» - от нижестоящих руководителей. По итогам второго исследования менее трети опрошенных (-10%) считают, что руководство воспринимает их критику как стремление помочь в решении коллективной задачи. Однако есть и положительная динамика: теперь всего 14,2% управленцев (-11,5%) считают, что их критические замечания вовсе не принимаются во внимание их руководством. Показательно значительное увеличение числа выборов варианта «затрудняюсь ответить» (+28,4%). Сегодня руководители затрудняются, не желают или боятся критиковать своё руководство, что может означать ужесточение вертикальных связей в иерархии управления и явное снижение интереса к мнению руководителей нижестоящей ступени.

Эмпирическое социологическое исследование позволило сделать некоторые выводы о состоянии и динамике культуры управленческого общения в условиях транзитивного развития белорусского общества.

Особое внимание было уделено изменениям в использовании социокультурных технологий, что дало возможность выявить некоторые закономерности в развитии культуры управленческого общения на современном этапе.

Технология обмена информацией в целом подверглась некоторой динамике. Возросла информированность управленцев в отношении правовых и психологических знаний, обеспечивающих эффективную управленческую деятельность, а уровень информации по остальным видам знаний не претерпел видимых изменений.

Использование технологий обратной связи в деловых коммуникациях уменьшилось, что отражает общие тенденции усиления монологической составляющей управленческого мышления и проявления авторитарных элементов в управленческом поведении, которые обусловлены ростом администрирования как управленческой стратегии на уровне государства и, соответственно, преимущественным использованием технологий администрирования, иногда в ущерб другим технологиям (побуждения, обратной связи).

Использование технологий администрирования возросло, что объективно отражают такие показатели, как повышение личной ответственности руководителей, рост внимания управленцев, прежде всего, к исполнению своих прямых функций и обязанностей (выработке управленческих решений, разъяснению заданий подчинённым, контроль исполнения заданий).

Технологии побуждения используются руководителями недостаточно: управленцы недооценивают личностную составляющую управленческого общения, личное мнение подчинённых по деловым

вопросам, деловую активность подчинённых в ходе выработки управленческих решений, роль делегирования полномочий и ответственности в управленческой деятельности.

Таким образом, выявилась положительная динамика в оценке руководителями важности тех управленческих контактов, которые помогают организовывать, упорядочивать деловое поведение подчинённых (предпочтение технологий администрирования), и отрицательная динамика в оценке управленцами тех видов деловых контактов, которые предполагают анализ и учёт личностной составляющей делового поведения подчинённых (частичное игнорирование технологий побуждения).

Результаты замера оценки руководителями деловых отношений в своих коллективах показали следующее: проявилась положительная динамика в оценке деловых отношений, причём наблюдается уменьшение числа выборов руководителями позиций полного одобрения и увеличение числа выборов позиций частичной удовлетворённости отношениями со всеми выделенными контактными группами (с подчинёнными, с руководством и с руководителями своего уровня). В целом же управленческие отношения как элемент общей культуры управления обеспечивают благоприятный фон для развития культуры управленческого общения.

Подводя итог, можем констатировать, что проведенные исследования и анализ их результатов доказали практическую значимость концепции культуры управленческого общения и возможность её эффективного использования для прикладного изучения наличной культуры управленческого общения социологическими методами.

Литература

1. Цыбульская Н. В. Культура управленческого общения как предмет социологического исследования // Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (2-3 июня 2005 г., г. Горки). – Горки: БГСХА, 2005 – С. 168 – 171. **2. Цыбульская Н. В.** Роль управленческого общения в системе культуры управления // Вести Института современных знаний. – 2006. – № 1 – С. 91 – 96. **3. Цыбульская Н. В.** Культура управленческого общения современного руководителя: социологический аспект // Управление и власть: социологический альманах. – Минск: РИВШ, 2006. – Вып. 4. – С. 102 – 107.

Цибульська Н. В. Культура управлінського спілкування в економічній сфері: постсоціалістична трансформація

Об'єкт дослідження – керівники вищої та середньої ланки, які здійснюють управлінську діяльність на підприємствах та в організаціях економічної сфери Республіки Білорусь. Предмет дослідження –

культура управлінського спілкування персоніфікованих суб'єктів управління в економічній сфері. Показано роль і місце культури управлінського спілкування в системі культури управління; з'ясовано сутність, структура й основні функції культури управлінського спілкування; показано її динаміку за період пострадянського розвитку Республіки Білорусь.

Ключові слова: культура управління, управлінське спілкування, культура управлінського спілкування, управлінське мислення, управлінська свідомість, управлінська поведінка, управлінські відносини, соціокультурні технології.

Цыбульская Н. В. Культура управленческого общения в экономической сфере: постсоциалистическая трансформация

Объект исследования – руководители высшего и среднего звена, осуществляющие управленческую деятельность на предприятиях и организациях экономической сферы Республики Беларусь. Предмет исследования – культура управленческого общения персонифицированных субъектов управления в экономической сфере. Показаны роль и место культуры управленческого общения в системе культуры управления; выявлены сущность, структура и основные функции культуры управленческого общения; показана ее динамика за период постсоветского развития Республики Беларусь.

Ключевые слова: культура управления, управленческое общение, культура управленческого общения, управленческое мышление, управленческое сознание, управленческое поведение, управленческие отношения, социокультурные технологии.

Tsybulskaya N. V. Culture of the managerial communication in the economic sphere: post-socialistic transformation.

Research object – managers engaged in management of enterprises and institutions of economic sphere in the Republic of Belarus. Research subject – the phenomenon of culture of managerial communication in the Republic of Belarus. Research objective – to construct a concept of culture of managerial communication, to find out the dynamics of culture of managerial communication in the Republic of Belarus during the period of its post-Soviet development.

The author gave a definition of a managerial culture and constructed its structural-functional model; defined the essence, role and place of the phenomenon of culture of managerial communication in its sociocultural dynamics.

Key words: Managerial culture, managerial communication, culture of managerial communication, managerial thinking, managerial consciousness, managerial behavior, managerial relations, sociocultural technologies.

ЕТНІЧНІ ТА ДЕМОГРАФІЧНІ ПРОБЛЕМИ ПОСТРАДЯНСЬКОГО РОЗВИТКУ УКРАЇНИ, РОСІЇ ТА БІЛОРУСІ

УДК 316.75

Воропасва Т. С.

УКРАЇНЦІ ТА РОСІЯНИ В КОНТЕКСТІ МЕНТАЛЬНИХ ТА ІДЕНТИФІКАЦІЙНИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Відомо, що науковий дебют поняття «ментальність» пов'язаний з книгами Л. Леві-Брюля «Ментальні функції у відсталих суспільствах» (1910 р.) та «Примітивна ментальність» (1922 р.). Це поняття також вживав у своїх працях Р.У. Емерсон з 1856 р. Все ж детальна розробка цієї категорії належить французькій «Новій історичній школі», або «Школі Анналів», основні принципи якої сформувалися у 20-х роках ХХ ст. Дослідження вчених, що вивчали цю проблему, показують, що ментальність – це така система установок, образів і уявлень, яка не тільки моделює напрям думок і створює мотиваційно-сміслові лінії у самосвідомості, не тільки спрямовує колективні автоматизми і структурує архетипні утворення, не тільки модифікує внутрішній світ людини у відповідності з домінуючими в суспільстві ціннісно-нормативними уявленнями і поєднує свідомість індивіда з колективною свідомістю, але й детермінує поведінку людей в конкретній культурно-історичній та суспільно-політичній системі координат.

Одне з найкращих визначень поняття «ментальність» запропоноване у «Філософському енциклопедичному словнику»: «Ментальність (від лат. mens (mentis) спосіб мислення, склад душі) – характеристика специфіки сприйняття та тлумачення світу в системі духовного життя того чи іншого народу, нації, соціальних суб'єктів, що уособлюються певними соціокультурними феноменами» [1, с. 369]. Оскільки під ментальністю розуміють «стійкі структури духовного життя, які утворюють певний “рамковий формат” сприйняття світу і визначають той чи інший спосіб дії» [1, с. 370], то вона не тільки репрезентує «константи життєвих настанов і моделей поведінки, емоцій, налаштувань та культурних традицій певних соціумів», але й «втілює свого роду “партитуру” нормальних життєвих сценаріїв, що забезпечують відтворення етнопсихологічної та соціокультурної специфіки певних соціумів» [1, 369].

Ментальність охоплює різні рівні соціальної дійсності, адже розрізняють етнічний, релігійний, епохальний, віковий, субкультурний, професійний, соціально-статусний та інші різновиди ментальності. Вона є властивістю різних соціальних суб'єктів, починаючи від великих

соціальних груп (нація) і закінчуючи окремим індивідом. Колективна ментальність проявляється через домінуючі суспільні настрої, системи моральних вимог, норм, цінностей, принципів виховання, через характер людської взаємодії та впливів на довкілля, через своєрідність групової картини світу, через форми організації побуту, способи релаксації, рекреації тощо. Індивідуальну ментальність репрезентують засвоєні індивідом специфічні для конкретної культури способи сприймання дійсності та характерні особливості способу мислення, що виражаються у специфічних для даної спільноти формах поведінки та видах діяльності. Ментальність як етнопсихологічний феномен сприймається дослідниками і сторонніми спостерігачами як «душа народу», як те, що робить цей етнос відмінним від інших, помітним серед інших, як специфічне культурне «обличчя» конкретної етнічної спільноти, що полегшує її упізнавання [2, с. 39]. Кожна етнокультура має свій власний «ментальний інструментарій» – мову, магію, міфи, вірування, звичаї, мистецтво, мораль тощо. Отже, етнічна ментальність – це сукупність образів, вірувань, уявлень і установок, інтегрованих у цілісну систему світобачення, яка «цементує» єдність культурної традиції етносу, яка визначає своєрідне відображення представниками даного етносу навколишнього світу, їхнє ставлення до нього, комплекс ціннісно-смислових утворень і своєрідних «правил життя», які зумовлюють мотиваційну активність і найбільш доцільний в даних соціальних, історичних, культурних і природних умовах тип поведінки [2, с. 40]. Поняття «ментальність» утвердилося в інтелектуальному житті багатьох країн як поправка до ототожнення свідомості з розумом та з психікою. За думкою більшості вчених, ментальність є тим містком, який з'єднує свідоме й несвідоме, логічне й емоційне, ментальність є глибинним джерелом мислення, ідеології та віри. Складовими етнічної ментальності є особливості світосприймання і світобачення, способи й форми соціального мислення, етнічна картина світу, система смислових утворень й етноспецифічні орієнтації. Етнічна ментальність як інтегральна характеристика формується на всіх етапах онтогенезу, її проявами вважаються стереотипні уявлення і судження, співвідношення раціонального й емоційного начал, індивідуально-стильові характеристики, специфіка сприймання себе, інших людей, оточуючого світу тощо [2, с. 39 – 41].

Дослідженню української ментальності, української вдачі, «української душі» [3] були присвячені праці багатьох вчених (серед яких Г. Ващенко, М. Грушевський, М. Костомаров, О. Кульчицький, В. Липинський, Ю. Липа, М. Максимович, І. Мірчук, І. Огієнко, Є. Онацький, І. Рибчин, Б. Цимбалістий, Д. Чижевський, П. Феденко, М. Шлемкевич, В. Янів, Я. Ярема та ін.). Специфічність української ментальності – це результат спільної дії географічних, природних, кліматичних, історичних, соціально-економічних, політичних, культурних факторів, результат відображення своєрідної взаємодії

українців з оточуючим природним і географічним середовищем та з іншими народами. Численні праці з цієї проблематики наголошують, що українцям властиві працьовитість, господарливість, інтроверсійність, глибокий емоційний зв'язок з краєм, м'яка, лагідна вдача, гостинність і доброзичливість, чутливість, обережність, схильність до романтизму й сентиментальності, індивідуалізм, позиція пасивного протесту, відсутність нахилів до насильницької експансивності, недостатня єдність і згуртованість, толерантність, повага до прав особи, анархізм, протидія будь-яким формам підпорядкування, почуття власника, розсудливість, поміркованість, осмислена і недемонстративна релігійність, розвинута духовність, яскрава обрядовість, естетизм народного життя, музикальність, своєрідний гумор, дошкульна іронічність, особлива роль жінки в соціумі, волелюбність, розвинуте магічне мислення, «землеробський» і «козацький» соціотипи тощо.

Ще в «Повісті минулих літ» зафіксовано момент формування позитивного автостереотипу центрального праукраїнського племені – полян-русів, факт закріплення в етнічній самосвідомості основних ментальних ознак спільноти: шанобливе ставлення до жінки, моральність, толерантність, сором'язливість, освіченість, засудження лихослів'я та аморальності [4, с. 47 - 50]. У 1846 р. фундатор російської етнопсихології М.І.Надеждин підтвердив у своїй праці «Об этнографическом изучении народности русской» наявність ментальних відмінностей між українцями і росіянами, які були окреслені ще в «Повісті минулих літ» і збереглися до середини XIX ст. [5, с. 127 – 136]. Стабільність цих етнопсихологічних відмінностей між росіянами та українцями помічали протягом кількох століть вчені, релігійні діячі, митці, політики і мандрівники [див.: 6], а новітні емпіричні дослідження показують, що сучасні українці є спадкоємцями тих ментальних структур, тієї релігійної спадщини, християнської етики і тих духовних цінностей, які були започатковані ще в давньоруську добу. Отже, в «Повісті минулих літ» зафіксовані ментальні відмінності між праукраїнцями (яких уособлюють поляни) та праросіянами (яких уособлюють північно-східні племена) [4, с. 47 – 50].

Порівняльне етнопсихологічне дослідження української й російської ментальності було розпочато нашою дослідницькою групою в 1998 р. за підтримки Фонду Фрідріха Еберта. В різних колективах (шкільних, студентських, виробничих, наукових) трьох міст України і трьох міст Росії було відібрано по 1000 осіб, які є найбільш типовими представниками українського і російського народів – так звані «типові українці» та «типові росіяни». Були використані наступні методи дослідження: опитувальник структури темпераменту, модифікований тест М. Рокіча, опитувальник рівня суб'єктивного контролю, самоактуалізаційний тест, методи вивчення етнічних стереотипів, кольоровий тест відносин та інші методи.

Проведене дослідження відразу ж спростувало значну кількість міфів про українську ментальність: 1) міф про те, що українці «не готові відстоювати свої права», «не готові працювати на власній землі»; 2) міф про надмірну емоційність й інтровертованість українців [7, с. 28]; 3) міф про ненажерливість українців тощо. З'ясувалося, що домінуючим типом темпераменту для «типових українців» не є меланхолійний тип. В групі «типових українців» переважали сангвіно-флегматики (тобто розумні, толерантні, помірковані й іронічні працелюби), а в групі «типових росіян» – холеро-сангвініки. В обох групах було виявлено приблизно однакову кількість інтровертів та екстравертів. Ментальні характеристики українців, про які сьогодні пишуть майже всі дослідники – перевага емоцій над волею та інтелектом, легка запальність та швидке вистигання, невміння підпорядковувати свої інтереси інтересам загалу, слабка воля – в проведеному дослідженні виявлені не були. Емоційно-вольова сфера «типових українців» відрізняється від тієї ж сфери «типових росіян» тільки більш розвинутою толерантністю, чутливістю та більш дієвими емпатійними тенденціями. У сучасних українців емоції не домінують над волею та інтелектом, і вони вміють підпорядковувати свої інтереси інтересам загалу, якщо це потрібно для досягнення важливої мети. Досить цікавим явищем є так званий рух «від колективізму». Сучасні дослідження показують, що цей рух більш властивий угорцям, чехам, словакам, полякам і українцям, ніж росіянам, що пояснюється активним функціонуванням багатьох механізмів психологічного захисту на рівні масової свідомості росіян, які прагнуть відновити втрачену велич супердержави, відчуваючи без цього свою неповноцінність. Цим також пояснюється і більш активний «дрейф» українського ментального типу від радянської ментальності у порівнянні з такими самими трансформаціями російського ментального типу (наприклад, сучасні українці схильні до більшої раціоналізації своєї поведінки й до більш «автономного» вирішення власних життєвих проблем, ніж сучасні росіяни). У «типових росіян» є досить значні залишки радянської ментальності, наприклад, уявлення про наднаціональність російського народу; досить велика впевненість у власній винятковості, праведності й доброті; сприймання держави виключно як опікунської установи; підвищена орієнтація на авторитетну фігуру; потяг до «сильної руки»; схильність підкорятися авторитету влади, а не авторитету законів; переконаність у тому, що насильство необхідне для досягнення рівності й справедливості; уникання персональної відповідальності; сподівання на звичне «авось». Дослідження етнопсихологів центральноєвропейських країн показують, що угорці, чехи, словаки, поляки мають стосовно українців більш позитивні гетеростереотипи, ніж стосовно росіян. «Типовий українець» очима європейців – це працелюбна, обережна, серйозна, уперта, поміркована, толерантна, музикальна, скромна, творча людина, хоча через відсутність навичок вільної етикетної поведінки в ситуаціях міжособистісного спілкування за кордоном українці

виглядають дещо скутими, закритими, невірними і закомплексованими. Звичайно, основні характеристики української ментальності відрізняються від якостей раціональної, прагматичної, рефлексуючої і прагнучої до успіху «людини Заходу». Порівняльний аналіз ціннісних орієнтацій «типових українців» та «типових росіян» показав, що в структурі термінальних цінностей «типових українців» домінують активне діяльне життя, здоров'я, цікава робота, кохання, щасливе сімейне життя, а в структурі термінальних цінностей «типових росіян» домінують здоров'я, прагнення до суспільного визнання, цікава робота, кохання, власний престиж, вірні друзі, зацікавленість думкою оточуючих. Домінуючими інструментальними цінностями для «типових українців» є наполегливість, старанність, працелюбство, раціоналізм, відповідальність, а для «типових росіян» – незалежність, самостійність, раціоналізм, сміливість в обстоюванні своєї думки, вміння настояти на своєму. Для досягнення своїх життєвих цілей «типові українці» прагнуть до старанності, акуратності, чуйності та особистісного розвитку. А «типові росіяни» більше цінують раціоналізм, незалежність в судженнях і вчинках та життя, повне розваг. «Типові українці» більше цінують естетичне сприймання світу та переживання прекрасного в природі й мистецтві, а «типові росіяни» – дружні контакти, хоча і перші, і другі налаштовані на продуктивне життя й максимальну реалізацію своїх задатків та здібностей. «Типові українці» більше цінують вміння розуміти й сприймати чужу точку зору, поважати смаки і звички інших людей, почуття гумору, а у «типових росіян» частіше домінує прагнення до самоствердження. Такі цінності, як освіченість, пізнання, самостійність досить високо шануються як першими, так і другими. Не було виявлено суттєвої різниці в орієнтаціях на сім'ю, здоровий спосіб життя, творчість, високу матеріальну забезпеченість та впевненість у собі. Вивчення авто- та гетеростереотипів показало, що «типові українці» оцінюють «типових росіян» як більш активних, домінуючих, владних, авторитарних, сильних, безшабашних, самовпевнених, а «типові росіяни» оцінювали «типових українців» як більш впертих, реактивних, неуповноважених, свободолюбних, хитрих, потайливих, «собі на умі». При цьому і перші, й другі оцінювали самих себе як добросердних, щедрих, працьовитих, наполегливих, великодушних, чуйних, альтруїстичних, поступливих, довірливих. Було виявлено міжетнічне розуміння по великому блоку особистісних характеристик – доброта, щирість, щедрість, працьовитість, а також взаємне нерозуміння в координатах «домінування», «авторитарність», «скептицизм», «альтруїзм». Цікаво, що «типові українці» частіше вказували на свої негативні якості, ніж «типові росіяни», а також те, що «типовим росіянам» дуже важко уявити українців політичною нацією, а українську мову – мовою міжнародного спілкування в межах України.

Загалом українська ментальність характеризується високою толерантністю міжособистісних і міжнародних відносин

(толерантність, плюралізм і відкритість до різних культур та релігій у українців пов'язується з підвищеним самоконтролем, а у росіян – зі схильністю накопичувати негативні ефекти соціальних впливів аж до крайньої «точки кипіння»); українці є доволі миролюбними, поступливими, витривалими й працьовитими, вони гостинні й свободолюбні, їм властивий спокійний оптимізм і раціональний консерватизм, вони рефлексивні, не люблять насильство, схильні до позиції пасивного протесту, більше налаштовані на діалогові (а не монологічні) форми взаємодії; вони прагнуть рівності і партнерства, а не домінування чи насильства; «типові українці» частіше ніж «типові росіяни» схильні визнавати справедливість точки зору протилежної сторони, а також унікальність і цінність іншої особи та представників інших національностей. У «типових українців» більш виражені адаптаційні можливості та інтернальний тип контролю (який проявляється у відчутті особистої відповідальності за власне життя і благополуччя); патерналізм виявляється більш значущим для росіян, ніж для українців. «Типові українці» більш схильні до компромісів та індивідуальних форм виживання, «типові росіяни» – до конкуренції та колективних форм виживання.

Відомо, що проблема ідентичності в зарубіжній науці вивчалась переважно в руслі соціальної і культурної антропології та психології з різних теоретико-методологічних позицій (З. Фрейд, Е. Еріксон, К. Юнг, Е. Дюркгейм, С. Московичі, Г. Теджфел, Дж. Тернер, С. Страйкер, Г. Кон, В. Коннор, М. Мід, А. Сміт, М. Баррет та ін.). Теоретичний аналіз різних концептуальних підходів до вивчення проблеми національної ідентичності показує, що ідентичність є результатом процесу ідентифікації, яка найчастіше розглядається як процес уподібнення, ототожнення себе (або своєї групи) з кимось або чимось. Ідентифікація розглядається як найважливіший механізм соціалізації, етнізації і виховання особистості, який проявляється у прийнятті індивідом певної соціальної ролі, в усвідомленні ним власної групової приналежності тощо. Отже, ідентичність – це динамічна структура, яка розвивається протягом всього життя людини, її розвиток є нелінійним і нерівномірним, може йти як у прогресивному, так і у регресивному напрямі, долати кризи ідентичності тощо. Ідентифікація – це процес, включений в цілісну життєдіяльність суб'єкта, нерозривно пов'язаний з когнітивною, емоційною, ціннісно-смісловою і поведінковою сферами особистості, зумовлений її потребами, мотивами, цілями й установками, опосередкований мовою, нормативними, знаковими, символічними, образними, аксіологічними системами культури [8, 61–63].

Ідентичність громадян України вивчалась у вітчизняній гуманітаристиці переважно у філософському, історичному та соціологічному аспектах, без комплексного, міждисциплінарного аналізу емпіричних досліджень, конструктивне застосування якого можливе в рамках інтегративного підходу. Інтегративний підхід було застосовано

нами при дослідженні української ідентичності в рамках кількох наукових проектів Центру українознавства КНУ імені Тараса Шевченка («Українська національна ідея: теоретико-емпіричні аспекти» [9, 127–134]; «Трансформація національної ідентичності: історіософські, культурологічні та соціально-психологічні аспекти» [10, 24 – 53] та ін.). Усього було досліджено більше 25 000 респондентів (громадян України). У рамках проекту «Проблеми національно-культурної самоідентифікації громадян Росії та України в контексті етнополітики Європейського Союзу» було досліджено ще 5 000 респондентів (громадян Росії) [8; 11; 12].

В цих проектах упродовж 1993 – 2010 рр. було досліджено статеvu (або гендерну) ідентичність, особистісну; вікову; сімейну; соціально-професійну; майнову; релігійну; етнічну; метаєтнічну; місцеву (локальну); регіональну; національну (або громадянсько-політичну); європейську (або континентальну); планетарну (або загальнолюдську) та пострадянську ідентичність громадян України. Застосування інтегративного підходу дозволило виявити досить цікаві трансформації: 1) в 1991 – 1994 рр. пострадянська ідентичність займала перші місця (з 1-го по 5-те), але її відрив від інших форм ідентичності стабільно зменшувався; 2) протягом 1994 – 2004 рр. значущість пострадянської ідентичності стрімко зменшувалась (хоча в групі етнічних росіян та російськомовних українців, які мешкають на Півдні та Сході України, пострадянська ідентичність продовжує займати досить високі позиції); 3) етнічна ідентичність у всіх групах поступово зростала (найбільш активне зростання було помічено у росіян, українців, кримських татар, євреїв); 4) дуже повільно зростала майнова ідентичність (найбільш значущою вона була для євреїв, вірмен, греків, росіян, поляків); 5) загальнолюдська (планетарна) ідентичність практично не змінилась; 6) європейська ідентичність спочатку займала передостанні місця, але починаючи з 1998 – 1999 рр. її значущість почала зростати (особливо в групі етнічних українців, поляків, словаків, румунів, кримських татар); 7) найбільш стрімко зростає європейська ідентичність у мешканців великих міст; 8) національна (або громадянсько-політична) ідентичність була законсервована протягом 1991 – 1993 рр. у всіх групах, але починаючи з 1994 – 1995 рр. вона почала стрімко падати в групі етнічних росіян, білорусів, євреїв; повільне зростання цієї форми ідентичності в групі етнічних українців та в деяких групах національних меншин (передусім, в групі етнічних поляків та кримських татар) простежується з 1997 – 1999 рр.; 9) престижність національної (або громадянсько-політичної) ідентичності зростає більш повільно на Сході і Півдні України, на відміну від Півночі, Центру та Заходу України; 10) найбільш відчутних трансформацій зазнала етнічна та національна (або громадянсько-політична) ідентичність, але розрив між цими формами ідентичності на Сході й Півдні є набагато більшим, ніж на Заході і в Центрі України; 11) у етнічних українців на Півдні й Сході України

спостерігається тенденція до зростання європейської та національної (або громадянсько-політичної) ідентичності; 12) у етнічних українців, вірмен, білорусів та молдаван, які проживають на Сході та Півдні України, більш виражені ностальгічні настрої стосовно радянської ідентичності; але у цих самих груп на Заході України на перше місце виходить бажання відчувати себе європейцями; 13) в 2004 – 2009 рр. зрівнялись емпіричні показники етнічної ідентичності як в групі етнічних українців так і в групі національних меншин; 14) в групі національних меншин у 2005 – 2006 рр. виросло значення регіональної ідентичності (при грамотній регіональній політиці цей тип ідентичності міг би стати базовим підґрунтям для зміцнення загальноукраїнської ідентичності); 15) стала помітною тенденція до збільшення показників європейської ідентичності як в групі етнічних українців, так і в групі національних меншин; європейська ідентичність на втрачає своєї значущості для громадян України, а отже, запит на європейськість є досить потужним в українському суспільстві.

З'ясувалось, що етнічна ідентичність етнічних росіян (які є громадянами Росії) і етнічних українців (які є громадянами України) проявляється на різних рівнях інтенсивності – етнічна індиферентність, гіпоідентичність, нормальна ідентичність, гіперідентичність, при цьому етнічна ідентичність і росіян, і українців трансформується переважно від гіпоідентичності до нормальної ідентичності (53% і 58% відповідно), а також від нормальної ідентичності до гіперідентичності (27% і 20% відповідно). Дослідження показало, що для етнічних росіян і українців властиві **чотири типи етнічної ідентичності** (за типологією Дж. Беррі): 1) **моноетнічна** ідентичність з власною етнічною групою (відповідно – 72% і 60%); 2) **змінена** ідентичність, що постала на основі самоідентифікації з чужою етнічною групою (відповідно – 6% і 12%); 3) **біетнічна** ідентичність (13% і 20%); 4) **маргінальна** етнічна ідентичність (9% і 8%). Порівняльний аналіз показав, що в першій і третій групах домінує суб'єктний тип політичного самовизначення, а в другій та четвертій – досуб'єктний тип політичного самовизначення. Для представників першої і третьої груп властиві екзистенційний і ціннісний типи національного самовизначення, а для представників другої і четвертої груп – повсякденний та ситуативний типи національного самовизначення.

Проведене дослідження також показало, що суб'єктивна значимість різних варіантів ідентичності для громадян Росії та України є відмінною. Для етнічних росіян, які є громадянами Росії, притаманна наступна ієрархія: 1) етнічна, 2) громадянсько-політична, 3) метаєтнічна, 4) пострадянська, 5) регіональна, 6) локальна, 7) планетарна, 8) європейська ідентичність. Для етнічних українців характерна інша ієрархія: 1) етнічна, 2) громадянсько-політична, 3) європейська, 4) локальна, 5) регіональна, 6) метаєтнічна, 7) планетарна, 8) пострадянська ідентичність. Таким чином, для етнічних росіян

суб'єктивна значимість таких категорій ідентичності, як «слов'янин», «представник країн СНД», «рождённий в СССР» є більш високою, ніж для етнічних українців. В той же час в Україні спостерігається тенденція зростання суб'єктивної значущості європейської ідентичності та української громадянсько-політичної ідентичності для представників усіх груп національних меншин.

Література

- 1. Кримський С.,** Заблоцький В. Ментальність // Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002. – С. 369 – 370.
- 2. Воропаєва Т.** Ментальність як етнопсихологічний феномен: методологічні та теоретичні аспекти // Ментальність. Духовність. Саморозвиток особистості. – Київ – Луцьк, 1994. – Частина I. – С. 39 – 41.
- 3. Українська душа.** – К., 1993.
- 4. Бойко С., Воропаєва Т.** Відображення процесу формування етнічної самосвідомості українців у “Повісті минулих літ” // Вісник КНУ імені Тараса Шевченка. Українознавство. – Вип. 8. – К., 2004. – С. 47 – 50.
- 5. Надеждин Н.И.** Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 2. – С. 127 – 136.
- 6. Січинський В.** Чужинці про Україну. – К., 1992.
- 7. Мостяєв О.** Поведінка українців як складова українознавчих досліджень // Поведінкові типи в українському соціокультурному середовищі: історичний досвід та аналіз тенденцій. – К., 2007. – С. 22 – 29.
- 9. Воропаєва Т.** Специфіка самоідентифікації етнічних українців на Півдні України // Проблеми національно-культурної самоідентифікації українців на Півдні і Сході України в контексті етнополітики Європейського Союзу. Матеріали наукової конференції. 6 червня 2007 р. – Одеса: Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Одесі, 2007. – С. 61 – 65.
- 10. Воропаєва Т., Піскун В.** Сучасна українська національна ідея: теоретико-емпіричне дослідження // Українознавство. Календар-щорічник – 2004. – К.: Українська видавнича спілка, 2003. – С. 127 – 134.
- 11. Сергійчук В., Піскун В., Воропаєва Т.** Трансформація національної ідентичності: історіософські, культурологічні та соціально-психологічні аспекти // Фундаментальні орієнтири науки. – К.: Фонд фундаментальних досліджень. – К., 2005. – С. 24 – 53.
- 12. Воропаєва Т.С.** Самоідентифікація українців и русских на юге России и Украины: комплексный анализ // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. – Белгород: БелГУ, 2009. – С. 193 – 196.
- 13. Воропаєва Т.С.** Специфіка самоідентифікації етнічних українців и русских в Украине: социально-психологические аспекты // Личность в межкультурном пространстве. – Ч. 1. – М.: РУДН, 2008. – С. 23 – 28.

Воропаєва Т. С. Українці та росіяни в контексті ментальних та ідентифікаційних характеристик

У статті розглядається проблема ментальності та самоідентифікації громадян України і Росії. Автор представляє дефініції ментальності та ідентичності. На матеріалі емпіричних досліджень проаналізовано специфіку ментальності та ідентичності українців і росіян.

Ключові слова: ментальність, ідентичність, громадяни України, громадяни Росії, українознавство.

Воропаєва Т. С. Украинцы и россияне в контексте ментальных и идентификационных характеристик

В статье рассматривается проблема ментальности и самоидентификации граждан Украины и России. Автор представляет дефиниции ментальности и идентичности. На материале эмпирических исследований проанализировано специфику ментальности и идентичности украинцев и русских.

Ключевые слова: ментальность, идентичность, граждане Украины, граждане России, украиноведение.

Voropaeva T.S. Ukrainians and Russians in the context of mental and identification characteristics.

The problems of mentality and self-identification of the citizens of Ukraine and of Russia are analyzed in this article. The author presents detailed definition of mentality and identity. The development of Ukrainian and Russian mentality and identity is analyzed on the materials of the empirical research.

Key words: mentality, identity, citizen of Ukraine, citizen of Russia, Ukrainian Studies.

УДК 316.7:316.356.2+ 316.42:316.334:316.35+314.6

Гордеева Н. О.

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В УКРАИНЕ КОНЦА 20 –НАЧАЛА 21 в.
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ**

Изучение функционирования семьи с точки зрения изменения социально-демографических показателей позволяет исследователям получить информацию о характере и перспективах развития общества, не только фиксируя и прогнозируя численность народонаселения, но и определяя пути его физического и духовного развития.

Рассмотрение семьи в данном аспекте основано на том, что „непосредственным результатом связей между людьми, составляющими население, являются демографические события: браки и разводы,

рождения и смерти; к ним можно отнести такие события, как возникновение и разделение семей” [1, с.19], а также состав семьи, репродуктивный возраст ее членов, их здоровье, эмоциональное состояние, формализацию семейных отношений, зарегистрированную в браке и т. п.

Все отмеченные показатели прямо или косвенно зависят от выполнения семьей основных социальных функций.

Для анализа характера социально-демографических процессов по Украине использовались следующие статистические данные: динамика численности населения; прироста населения; в том числе по возрастным группам, миграционная активность населения, уровень смертности; уровень рождаемости, в том числе среди семей, не зарегистрированных в браке, показатели занятости (на начало 2010 года) и т. п.

Их анализ позволил определить тенденции развития социально-демографических процессов периода трансформации общества, прямо или косвенно связанных с жизнедеятельностью семьи, причем одни из них свидетельствуют о глубоком демографическом кризисе, другие – о компенсаторных механизмах. Экстремальные значения демографических показателей могут стать серьезным сигналом для начала разработки и внедрения государственной семейной программы для всей страны или отдельных регионов.

Существует ряд концепций, изучающих социально-демографические факторы развития общества. Концепции “демографического детерминизма” объявляют численность и качество народонаселения важнейшей проблемой социального развития. Как известно, основные положения демографического детерминизма сформулировал О.Шпенглер [2, с.48] утверждавший, что увеличение плотности населения (до определенного предела) вызывает механические изменения, сопровождающиеся ростом народонаселения. Этому часто способствуют совершенствование коммуникаций, более полное использование экономического и социального капитала и накладных расходов, но, прежде всего – интенсификация, специализация и кооперация труда [2, с.88-114]

Новое тысячелетие ознаменовало собой интенсивную коммуникацию, поддерживаемую коммуникационными технологиями. Это не могло не повлиять на усиление роста плотности населения и в мегаполисах и увеличения народонаселения на планете в целом.

Автор концепции экологически стабильной экономики Лестер Браун, директор Института политики Земли [3] (Earth Policy Institute), и другие современные западные ученые, опираясь на данные ежегодного мониторинга численности людей на планете, поставили вопрос о необходимости принятия мер по сбалансированности роста народонаселения и природных ресурсов. Они настаивают на необходимости принятия мер по улучшению качества населения путем

надлежащего социального и медицинского контроля. Иначе возникнет “демографический взрыв”, сопровождающийся резким ухудшением качества населения и необратимых изменений в виде физических и психических заболеваний, нарушения генофонда человека под воздействием техногенных и иных факторов. Этот эффект окажется, по мнению исследователей, столь же опасным для общества, как и нарушение экологического равновесия на планете. По данным 1994 года [4, с. 51–99], в Украине возросло число детей, рождающихся с физическими и психическими недостатками. Высок коэффициент смертности младенцев до 1 года [4, с.7-17].

Численность народонаселения на планете по данным U.S. Census Bureau по сравнению с семидесятыми годами прошлого века возросла вдвое и составляет 6 824 980 751 чел. По прогнозам ученых к 2050 году может достичь 9 млрд. чел. [5]. См. Рис.1.

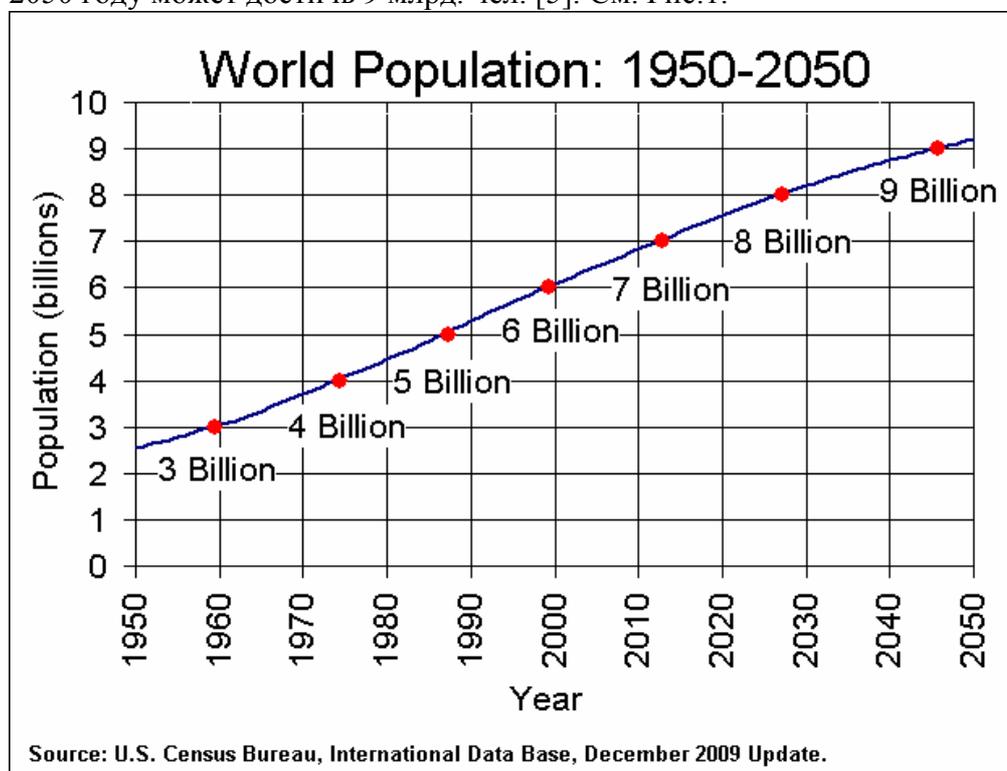

Рис. 1. Численность населения в мире: прогноз до 2050 года

При этом в демографической динамике наблюдается явный перекос: пока численность населения в отдельных странах мира неуклонно растет, в других странах, к которым относится Украина и страны СНГ, население такими же темпами снижается.

Численность постоянного населения в Украине ежегодно уменьшается, в 2009 году составила 45782,6 тыс. чел. См. Рис. 2.

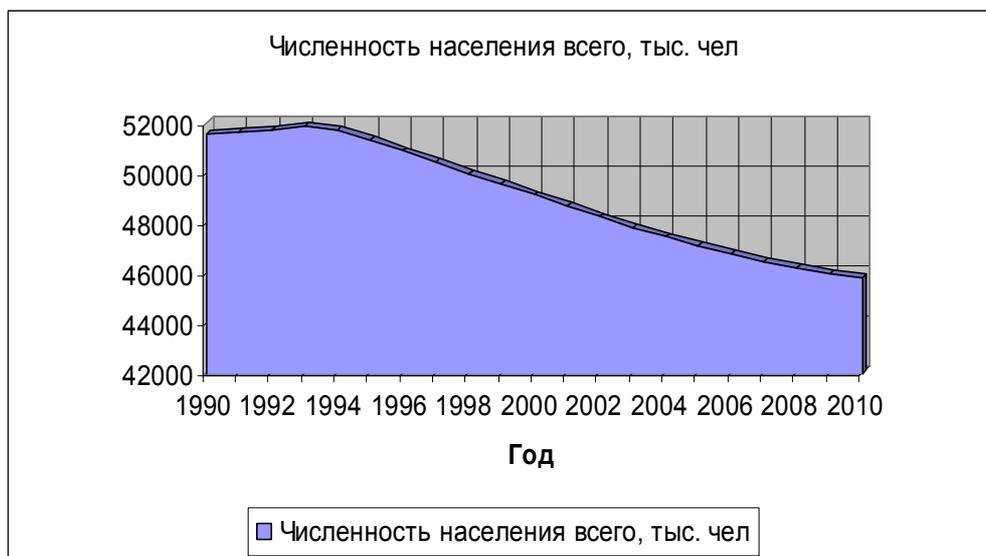

Рис.2. Численность населения в Украине по годам (тыс. чел.)

Вопрос демографического регулирования достаточно деликатный и искусственное его решение может привести к человеческой селекции («чистоте расы»). Кроме того, вмешательство в природные процессы регуляции численности населения может сильно изменить (и уже изменили) демографическую структуру населения некоторых стран. На рисунке 3 видно, что нормальная пирамида распределения по возрастным группам и по полу будет характеризовать демографию любой страны, которая развивается естественно.

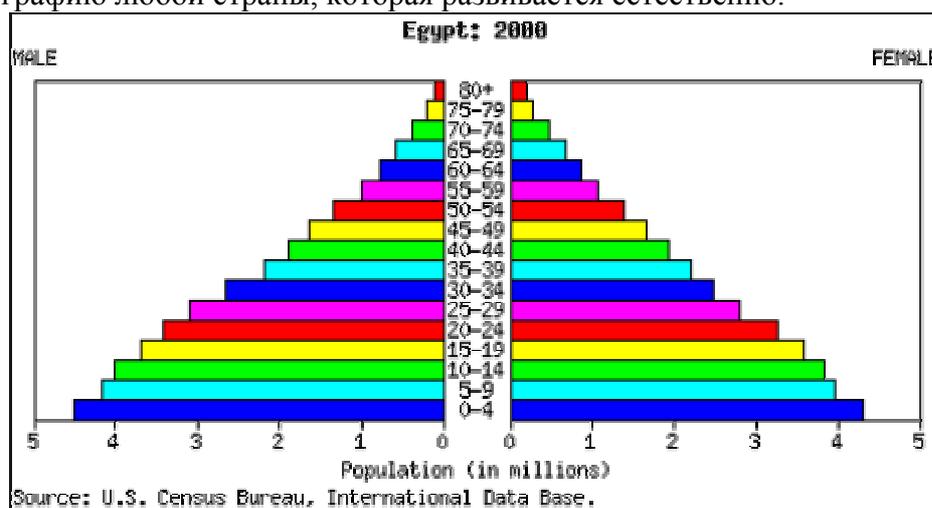

Рис. 3. Численность мужского и женского населения Египта, 2000 год (в млн. чел.)

Картина характерна не только для Египта, но и для Афганистана, Ирака, куда не распространились новейшие достижения контрацептивной медицины. Такой же правильный вид пирамида имела в любой стране мира до начала распространения во властных структурах

западных стран идей мальтузианства. В России пирамида, построенная на данных 1926 года, также выглядела равносоставленной с расширенным основанием.

В противоположность современным южным странам, пирамиды стран "западного" типа и тех, кто подчинился или добровольно заимствовал западную политику, имеют в основании «сужение», что свидетельствует об искусственном снижении численности рождаемости. При этом, раз начавшись, процесс "сужения" основания продолжается: малочисленное поколение воспроизведёт ещё меньшую популяцию. А такой вид имеет демографическая картина в Украине, которую никак нельзя отнести к перенаселённым регионам планеты. См. Рис. 4.

Такая же картина характерна и для России, Грузии, а также Франции. И даже в Иран внедрилась демографическая политика искусственного сокращения численности населения. Достаточно раз подрубить под корень естественную демографию, дальше процесс "усыхания" пойдёт сам. [6].

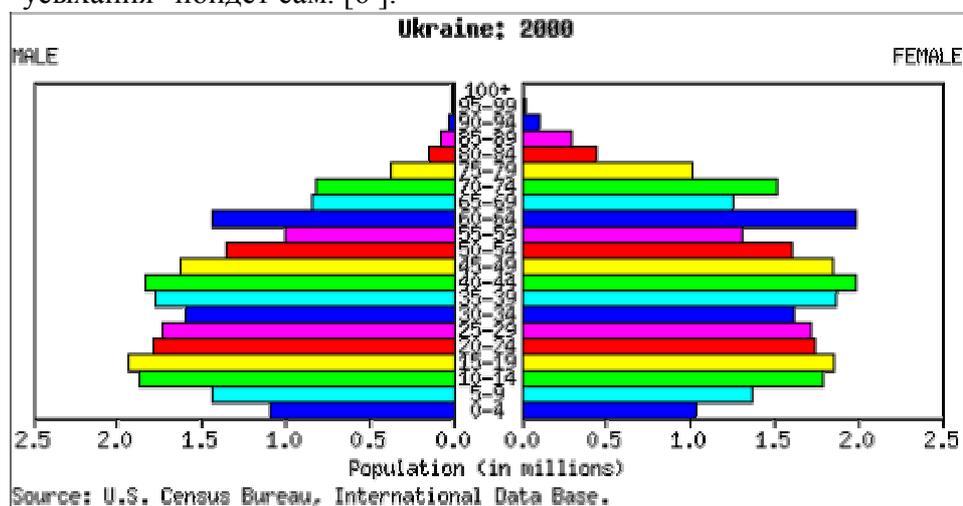

Рис. 4. Численность мужского и женского населения Украины, 2000 год (в млн. чел.)

К чему привела необдуманная государственная политика, впусившая на украинскую территорию Каирско-Пекинскую программу «Планирования семьи», можно будет увидеть ниже при рассмотрении численности молодежи, рожденных в период 1991-1999 годов (когда эти программы внедрилась в Украину очень активно).

Таким образом, контроль и вмешательство в демографические процессы – искушение, которому подвержены правительства развитых стран, причем не только на своей территории, но и далеко за ее пределами (например, программы «Планирования семьи», планомерно стабильно сокращающие численность новорожденных). И это останется на их совести.

Демографические показатели целесообразнее использовать в качестве оценки степени благополучия (или неблагополучия) в обществе,

уровня и качества жизни населения, функции или дисфункции таких социальных институтов, как семья, образование, государство, собственность и др.

Для иллюстрации сложившейся в Украине ситуации сравним показатели первых трех месяцев 2009 и 2010 гг. По данным Госкомстата Украины на 1.04.2010 в Украине проживало 45905,3 тыс. чел. За указанный период текущего года население сократилось на 57,6 тыс. чел. за счет отрицательного естественного прироста (-62,1 тыс. чел.), лишь частично компенсированного миграционным приростом населения (+4,5 тыс. чел.). По сравнению с периодом январь-март 2009 года отрицательные показатели естественного прироста населения в начале 2010 года уменьшились (на 5,1 тыс. чел.), поскольку уменьшилась и смертность населения с 17,0 до 16,2 чел из расчета на 1000 жителей. См. Рис. 5.

Рис. 5. Уровень смертности в Украине в 2005 – 2009 гг. (тыс. чел.)

И хотя рождаемость в этот период также уменьшилась с 11,1 (2008) до 10,7 (2009) новорожденных на 1000 жителей, численность населения пополнилась в основном за счет миграционного прироста в первые три месяца 2010 года по сравнению с указанным периодом предыдущего года с 0,3 (2008) до 0,4 чел. (2009) на 1000 жителей.

Среди прибывших в Украину в течение первых трех месяцев 2010 года 78,4% - это эмигранты из стран СНГ и 21,6% - из других стран. Из тех, кто выехал на ПМЖ из Украины, 55,4% иммигрантов пополнили страны СНГ и 44,6% - другие страны.

Такой перевес горизонтальной мобильности населения в сторону позитивной миграции, по-видимому, связан с возможностью трудоустройства и попытками создания бизнеса в крупных городах и в

сельской местности Украины.

Так, по данным Госкомстата Украины уровень зарегистрированной безработицы в целом по стране за апрель 2010 года сократился на 0,2 процентного пункта и к концу апреля составил 1,6% от численности населения трудоспособного возраста. Уменьшение показателя безработицы на 0,4 процентных пунктов в основном произошло за счет населения сельской местности, которое составило 2,1% трудоспособного населения (в период сельскохозяйственных работ), тогда как в городах показатель безработицы снизился всего на 0,1 процентный пункт, что характерно для всех регионов Украины (за исключением Житомирской и Полтавской областей, где он самый высокий (и составил 2,8%) и г. Киева (0,3%, где он самый низкий).

Не может не беспокоить непрекращающийся отрицательный прирост населения, начавшийся в 1991 году. См. Рис. 6.

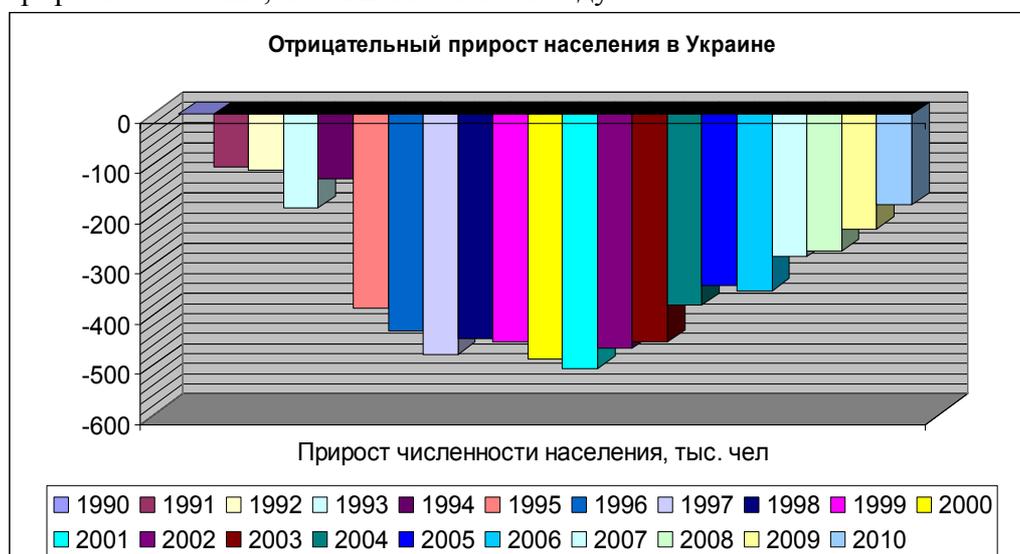

Рис. 6. Отрицательный прирост населения в Украине

Можно видеть, что с 1991 года прирост населения принял отрицательные значения, сохраняя их по настоящее время. Пик сокращения населения приходится на 2001 год, после чего показатели возвращаются к прежним значениям (см. показатели 2003 года). Такой отрицательный прирост в Украине обеспечивается за счет двух показателей: рождаемости и смертности, поскольку миграционные показатели, начиная с 1994 года, на сокращение численности населения стране не влияют. См. Рис. 7.

Рис. 7. Позитивный и негативный прирост населения за счет миграций (тыс. чел.)

С 1991 года на постсоветском пространстве появились процессы, негативно повлиявшие на социально-демографическую структуру в Украине: семья более не способна восполнять естественные и искусственные потери населения. Снижение уровня рождаемости в стране – результат нарушения репродуктивной функции и поскольку “основное назначение семьи – обеспечение социальной и культурной непрерывности развития общества” [7, с.135], то можно с полным основанием утверждать о дисфункции института семьи. И это не удивительно: простой финансовый расчет показывает, что для рождения ребенка в момент рождения и на первый год жизни в 2008 году семье требовалось 12615 грн., а в 2009 году – 35230 грн. Рост цен, низкие зарплаты и инфляция вряд ли улучшат ситуацию в будущем. [8] См. Рис. 8.

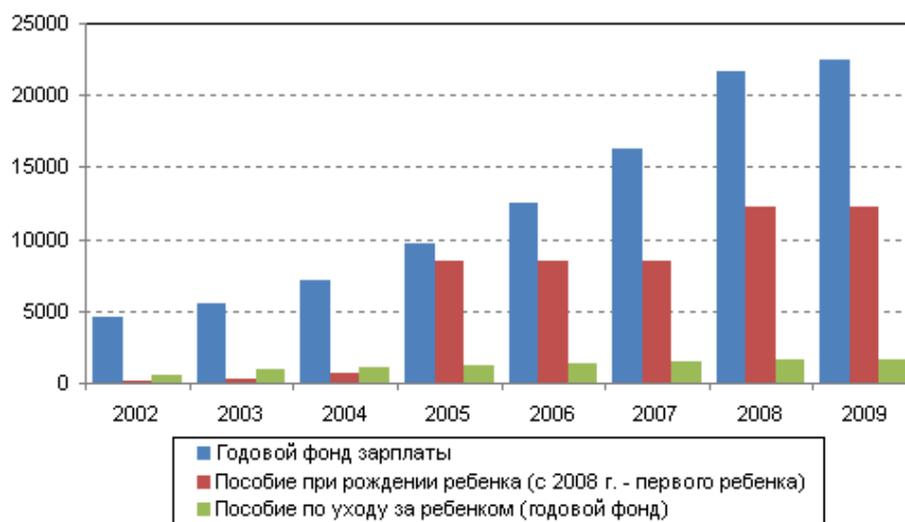

Рис. 8. Средняя заработная плата и пособия на детей в Украине (в грн.) [9]

Надо сказать, что тенденция сокращения рождаемости наметилась в Украине более 20 лет назад. Еще в 1979 году по численности семей с двумя и более детьми Украина находилась на одном из последних мест (5.2%) в СССР, опережая в этом только Латвию (4.4%) и Эстонию (5.0%) и несколько уступая России (5.6%) [1, С.89]. Процесс сокращения численного состава семьи более выражен в восточных областях Украины.

Если в 1991 г. в Украине среднее число детей, которых рождает женщина за всю свою жизнь при данном уровне рождаемости, составляло 1.8 ребенка (в городах – 1.5, в селах – 2.1), то в 1996 г. – только 1.3 ребенка (в городах – 1.1, в селах – 1.8). Растет концентрация рождений в относительно коротком возрастном интервале (в 1996 г. 84.7% детей рождено матерями в возрасте до 30 лет) [10, с.3-4].

Предвестником сокращения численного состава семьи в Украине можно считать послевоенный период (примерно 60-65 лет назад), когда средний размер нуклеарной семьи был равен 4.0 человека, затем, в 70-е годы – 3.4, в 1989 – 3.2, в 1995 – 3.0. Продолжается тенденция сокращения количества детей в семье. Если в расчете на одну женщину в 1989 году по среднестатистическим расчетам родилось 1.92 детей, в 2001 году – уже 1.09, в 2005г. – 1.21 и в 2007г. – 1.32 ребенка (всплеск произошел благодаря государственной политике материального стимулирования рождаемости в Украине). В настоящее время все больше семей ограничивается рождением одного ребенка, при этом каждая пятая семья детей не имеет.

Семья как сложное социокультурное явление включает факторы развития и источники противоречий, кризисов. В то же время, чем полнее реализуется в семейном союзе совокупность разнородных

отношений, чем теснее их взаимосвязь, тем прочнее семья [11, С. 4]. Кроме того, в условиях кризиса именно семье предстоит обеспечить тот природный ресурс, который явится мощным фактором выхода из кризиса.

На заре цивилизации семья обладала широким спектром функций, но в процессе развития от института семьи отпочковывались ее функции, происходит редукция хозяйственно-бытовой функции (благодаря обилию супермаркетов и расширения социально-бытовых услуг), семейного хозяйства (household) и др. Даже воспитательная функция распределяется теперь между семьей и школьными/дошкольными учреждениями.

В то же время в условиях неопределенности и кризиса доверия возросла важность таких функций семьи, как коммуникативная, рекреативная, терапевтическая и фелицитивная. Необходимость в коммуникативной и воспитательной функции семьи в потребности усыновления/попечительства.

Несмотря на экономический кризис в Украине в 2009 году украинские граждане усыновили 2381 детей, что на 15% больше в сравнении с показателями 2008 годом (когда усыновили 2066 детей). Это почти на 1000 детей больше, чем в 2005 году (1419 детей). При этом стабильно сокращается количество детей, усыновленных иностранцами.

О дисфункции института семьи в Украине свидетельствуют и другие социально-демографические процессы. Наблюдается тенденция «свободных отношений» партнеров, не зарегистрированных в браке даже при появлении в семье ребенка.

И здесь, по-видимому, можно выделить несколько факторов. Прежде всего, имеют место постмодернистские тенденции деформализации социальных групп, охватившие современное общество. “Где-то на середине отрезка между абсолютно неформальным и вполне формальным состоянием есть важная “точка” – регистрация группы при официальной организации, органе власти и т. п. Эта грань между формальным и неформальным образованием в значительной степени размыва, более того, число последних растет, что вполне согласуется с большинством представлений о путях развития цивилизации” [12, с. 3].

Другой причиной нежелания оформлять семейно-брачные отношения в гражданском браке является ностальгическая надежда так называемых «матерей-одиночек», проживающих в нелегитимной семье на государственную помощь, которую оказывали одиноким матерям при Советском Союзе. Кроме того, многие молодые люди в Украине попросту не могут вступить в брак в силу объективных социально-экономических причин и отсутствия необходимых жилищных условий. Женщины зачастую решают проблему одиночества, создавая неполную семью.

Материнская семья может формироваться по разным причинам. Одни женщины идут по пути сознательного материнства, другие

становятся матерями, не испытывая особой потребности в ребенке. При этом положение молодых матерей-одиночек, остающихся без средств существования, оказывается незавидным. Эти женщины чаще всего испытывают и острые материальные трудности, и чувство унижения [13, с.404]. По утверждению Р. Мертона, если личности в силу ряда причин не могут интегрироваться социальным институтом общества (например, институтом брака), это “приводит к отрицанию и других важных общественных норм культуры и социальным отклонениям”. [14, р.14].

В развитых западных странах причины нежелания регистрировать брак совершенно иные, чем в Украине, и они связаны с особенностью местного законодательства. Например, в США и Канаде, где в законодательстве прописаны равные права попечительства в случае развода родителей. Причем, неработающая женщина из-за более низкого экономического статуса в случае развода часто теряет возможность остаться с ребенком. В связи с такой перспективой молодые женщины, имеющие младенца, сами инициируют развод, пока ребенок по суду не может быть отлучен от матери. Или же они не спешат регистрировать отношения с отцом ребенка. В результате в Канаде в начале нынешнего столетия 60% детей оказались вне отцовского попечительства, т.е. воспитывались либо в неполной семье, либо отчимом, либо в полной семье, где родители проживают вместе, но не состоят в браке. См. Рис .9.

Рис. 9. Количество детей рожденных женщинами, не состоящими в браке (в %).

Однако незарегистрированные семьи, по данным исследователей, наименее стабильны и разрушаются при первых же трудностях. Английских психологов интересовал вопрос о том, являются

ли люди, не состоящие в браке, счастливыми парами. В результате исследований было установлено, что не состоящие в браке партнеры “счастливее” людей одиноких, но уступают в этом смысле семейным парам. Они более иницируют интимные отношения, чем женатые люди того же возраста, и получают от них большее удовлетворение, однако, у них в значительно меньшей степени наблюдается удовлетворенность в “любви” [15, с. 45–46]. К тому же, и отношение мужчин к детям, рожденным в неофициальных семьях, отличается от отношения к законным детям. Обязанности, равно как и права, закреплены в браке.

В разных религиозных и социокультурных группах можно обнаружить отличия в отношении к некоторым основным ценностям, однако у всех народов самую высокую оценку получила именно ценность семьи. Так, у эстонцев и русских по шкале после «семьи» шли «интересная работа» и «материальный достаток», у узбеков – «уважение окружающих» и «спокойная жизнь». У народов европейской части СССР «спокойная жизнь» оказалась на одном из последних мест. Видимо, сказалось влияние устойчивых исторических традиций. [7, с.135] Тенденция сокращения рождаемости усложняет демографическую ситуацию в Украине, население которой с каждым годом стареет, а смертность, начиная с 1990 года, существенно превышала рождаемость. Численность пенсионеров после 2040 года превысит численность работающего населения. См. Рис. 10.

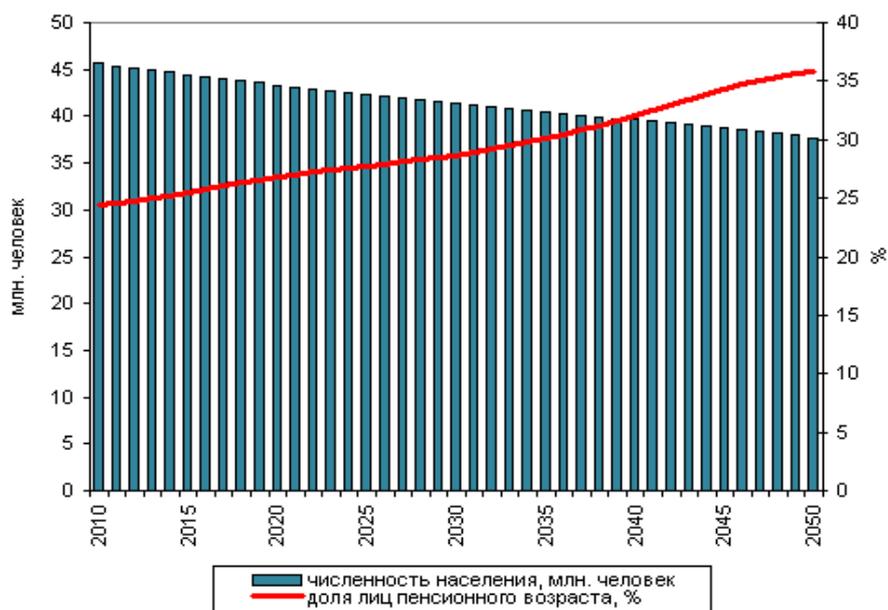

Рис. 10. Изменение численности населения и доли лиц пенсионного возраста до 2050 г.

Численность молодого населения сокращается. По Украине соотношение уровня рождаемости-смертности еще в 1999г. составляло 1.7 (соответственно, 442581 чел. и 754151 чел.). Эта тенденция

сохраняется и в настоящее время. См. Рис. 11.

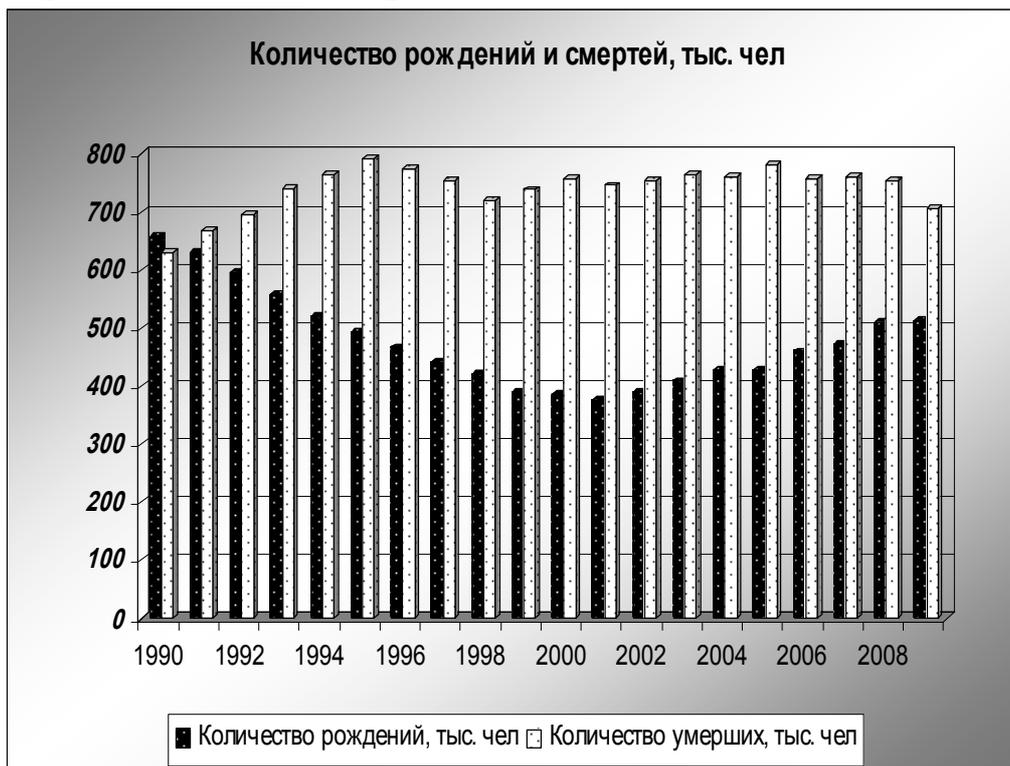

Рис. 11. Количество рождений и смертей по годам (тыс. чел.)

В среде новорожденных картина та же. Тенденция снижения уровня смертности новорожденных очень незначительная и ее можно заметить лишь на большом числе наблюдений (19 лет). См. Рис. 12.

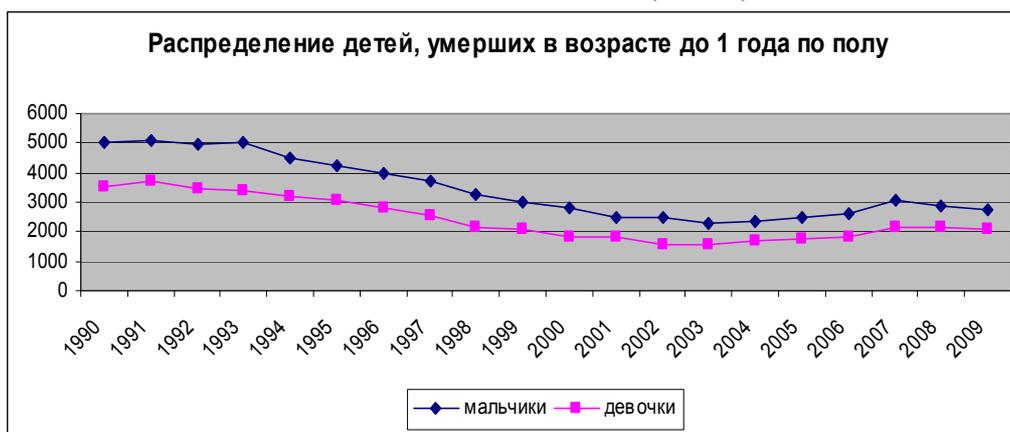

Рис. 12. Распределение детей, умерших в возрасте до 1 года по полу

По данным Украинского государственного центра социальных служб для молодежи естественный прирост населения в 1996 г. составлял – 309.5 тыс. человек. Демографические прогнозы показывают,

что в результате удельный вес детей в обществе снизится с 21.6% (в настоящее время) до 16.8% (в 2026 г.); в то же время доля людей нетрудоспособного возраста вырастет с 22.6% до 30%. По прогнозам З.Г.Зайцевой от 1998 года «... и затем после 2005 года начнет быстро уменьшаться трудовой потенциал Украины, произойдут нарушения в соотношении работающей молодежи и населения старших возрастных групп». [9, с. 2 – 3]. Можно видеть, что эти прогнозы подтвердились (Рис. 13).

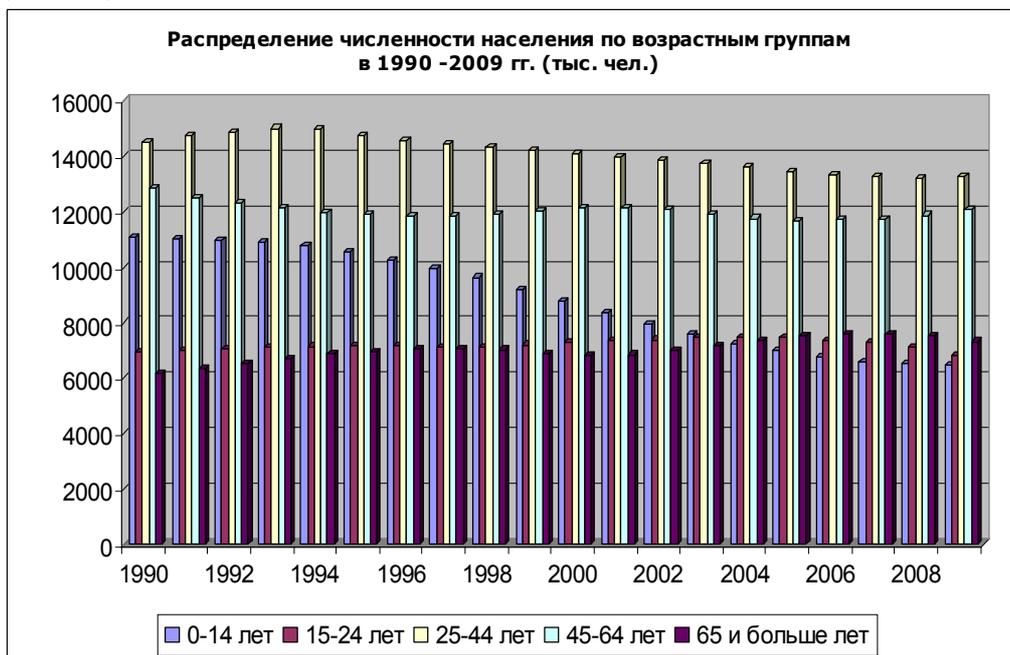

Рис. 13. Распределение численности населения по возрастным группам в 1990 – 2009 гг. (тыс. чел.)

Кроме низкого уровня рождаемости в Украине, на отрицательный прирост населения влияют высокие показатели смертности. Наиболее распространенные причины смертности в Украине – злокачественные новообразования и сердечнососудистые заболевания, превышающие канцерогенные болезни более, чем в пять раз (остальные факторы им уступают, хотя также имеют высокие значения). Причем данное соотношение повторяется из года в год. См. Рис. 14.

Рис. 14. Смертность в Украине от различных заболеваний

Если наиболее распространенной причиной смертности в современной Украине – сердечнососудистые заболевания, т.е. болезни системы кровообращения, которые приняли катастрофический размах, то количество смертных случаев от канцерогенных новообразований везде одинаково – это стабильно негативный показатель, как по Украине, так и на Западе. По данным исследователей, основные причины смертности в развитых и развивающихся странах различны (хотя их соотношение везде одинаково). См. Рис. 15.

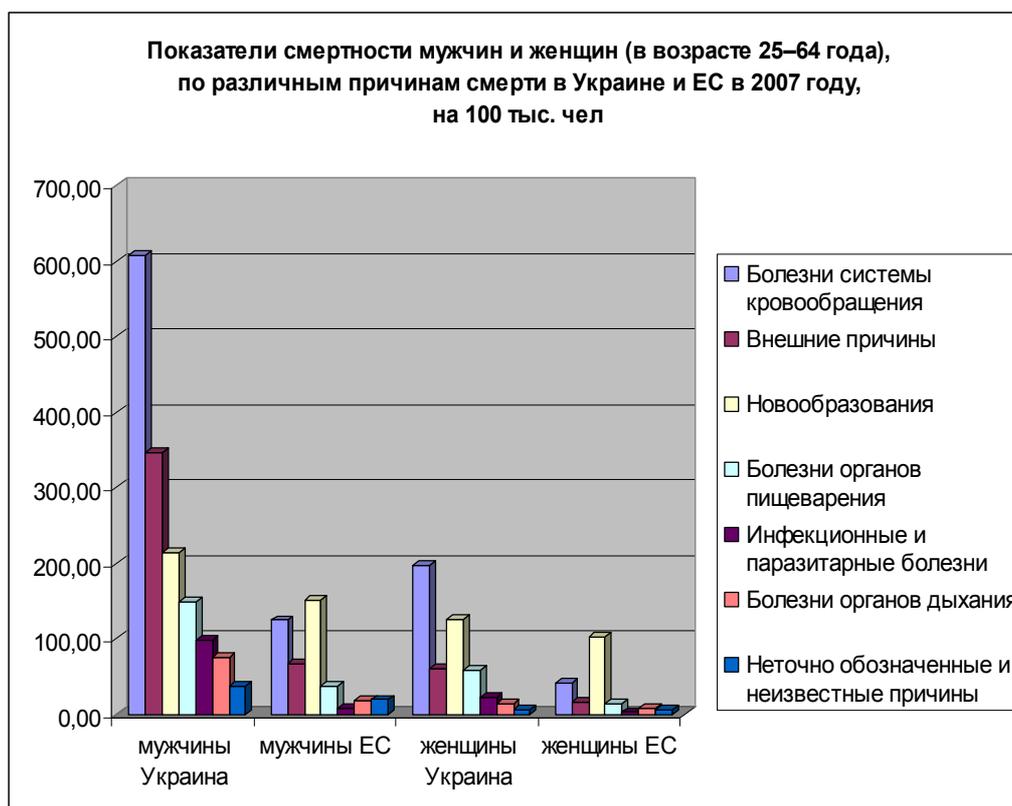

Рис. 15. Показатели смертности мужчин и женщин в возрасте 25 – 64 года по различным причинам в Украине и ЕС в 2007 году (на 100 тыс. чел.)

В развитых странах по данным 1996 года - это рак (19%), который стал ведущим в 2007 году, сердечнососудистые заболевания (48%) имеют высокие показатели в Украине и снизились в развитых странах, и болезни легких (15%). В развивающихся же странах люди умирают от болезней, давно искорененных в более благополучных государствах: туберкулеза, болезней тонких кишок, инфекционных заболеваний, укусов паразитов и других внешних факторов, что связано с экономическим уровнем населения.

Исследования влияния изменения материально-экономического положения на здоровье людей (Catalano and Dooley, 1983), показывают, что снижение экономического уровня сопровождается (с разрывом от месяца до года) повышением уровня заболеваемости, несчастных случаев и суицида. [15, с. 270].

Особенность естественной смертности в Украине состоит еще и в том, что, позаимствовав “качественный ассортимент” смертности у развитых стран в виде смертности от новообразований, она конкурирует с самыми отсталыми государствами по смертности от инфекционных болезней, болезней органов пищеварения и т.н. внешних причин, среди которых ДТП.

Следует отметить, что вероятность в Украине погибнуть на

дороге в четыре раза выше, чем в среднем по Европе. И хотя за первый квартал 2010 года количество ДТП в целом по стране уменьшилось до 2649, показатели смертности на дорогах прошлого 2009 года (218 чел., из них 4 ребенка) остаются шокирующими, 3170 чел. было травмировано, из которых 216 – дети.

Понятно, что наряду с разрушением в Украине системы здравоохранения и элементарной защиты населения от внешних травмирующих условий, наблюдается усиление процесса дезадаптации людей к усложняющимся условиям жизни, сопровождаемое негативными изменениями в структуре самой семьи, “теряющей” способность компенсировать эти процессы. По-видимому, отсюда такое катастрофически высокое число смертей от сердечнососудистых заболеваний. Но такой быстрый рост сокращения любой популяции в биологической системе не может длиться сколь угодно долго. Согласно математической теории перестроек, любая гибкая кибернетическая система рано или поздно должна адаптироваться, приспособиться и выжить. Есть надежда, что рисунок 16 проиллюстрирует именно эту закономерность.

Рис. 16. Соотношение уровней рождаемости и смертности в Украине

Нетрудно заметить, что коэффициент рождаемости/смертности, объективно отражающий неблагополучие в обществе, меняет динамику не по экспоненте, как предполагалось многими учеными, а по параболе. Если кривая – часть параболы, то можно будет надеяться на позитивный прогноз. В настоящее время мы оказались на уровне 1993 года, а экстрим

приходится на 2001 год.

Таким образом, анализ динамики социально-демографических процессов показал, что после 1990 года в Украине произошли негативные изменения в социально-демографических процессах. Ряд показателей, имеющих тенденцию к росту в период 1991 – 1995 гг. например, уровень смертности, в 1996 году резко изменил значения, этот год можно смело назвать переломным. Данные согласуются с исследованиями в РФ. “Разработки материалов ВЦИОМ дают основания полагать, что в 1995 – 1996 гг. Россия прошла через нижнюю точку кризиса и социальная ситуация стала медленно улучшаться” [16, с. 165]. Другим минимумом можно назвать 2005 год, когда все негативные показатели «поползли» вверх. Несомненно, это было связано с резкими переменами в политической и экономической жизни страны. Самым кризисным был 1991 год, когда произошли политические события, изменившие политический уклад в Украине и все социально-демографические показатели.

Несомненно, демографические показатели чутко реагируют на изменения в общественной жизни и могут считаться объективной оценкой благополучия или неблагополучия в обществе. Анализ двадцатилетней демографической динамики подтвердил наличие социального и духовного кризиса в Украине. За годы независимости Украина потеряла 6 млн. человек, что равноценно потерям, которые она понесла во Второй Мировой войне. Это связано с жизнедеятельностью института семьи, невыполнением семьей важных социальных функций, а также бездарной государственной политикой по отношению к семье.

В отличие от экономического кризиса, демографический кризис более инертный, он растянут во времени. Начавшаяся в 1991 году тенденция сокращения уровня рождаемости продемонстрировала в настоящее время последствия той самой «демографической ямы», о которой заговорили в конце прошлого века. Сегодня она наглядно проявилась в системе высшего образования, завтра – в дефиците квалифицированной рабочей силы, что важно учитывать, поскольку Украина не достигла уровня высоких технологий, заменяющих человеческий труд.

Вероятность на улучшения ситуации будет зависеть от функционирования института семьи и социально-демографической политики государства. Демографические показатели и показатели качества жизни населения могли бы регулироваться через национальные программы⁷, ориентированные на сохранение и укрепление здоровья населения, поддержание института семьи, попечительства и усыновления.

---

⁷ Кроме созидательных социально-демографических программ имеют место программы, сокращающие численность новорожденных не только в странах с высоким приростом населения, но и в европейском регионе, в частности, в странах постсоветского пространства, например, программа «Планирования семьи».

Литература

1. **Волков А.Г.** Семья–объект демографии.– М.: Мысль, 1986. – 271 с.
2. **Шпенглер О.** Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. В 2 т.–Т.2: Всемирно-исторические перспективы: Пер. с нем. и примеч. И.И.Махинькова. – М.: Мысль, 1998.–606 с.
3. **Brawn L.** Janet Larsen, Bernie Fischlowitz-Roberts, The earth Policy Reader. Policy Institute, USA, 2001?// <http://www.earth-policy.org/index.php?/indicators/C47/>
4. **Зайцева З.Г.** Неблагополучна сім'я та її вплив на формування особистості дитини. // Соціальна підтримка молоді сім'ї. Збірник інформаційних теоретичних та методичних матеріалів для працівників соціальних служб для молоді. Випуск 1: Цикл сім'я.–К.: Академпрес, 1994.
5. **U.S. Census Bureau** <http://www.census.gov/compendia/statab/cats/population.html>
6. **Где рубят под корень? О чём молчат демографические пирамиды** // Сайт "Матриархат в СССР и СНГ, положение мужчин и женщин", 2006-2008. Адрес страницы: <http://matriarhat-v-SSSR.narod.ru/piramidy.htm>
7. **Якуба Е.А.** Социология. Учеб. пособие для студентов вузов.– Х.: Константа, 1996.–192 с.
8. **Кислицкий А.** Сколько стоит родить ребёнка в Украине? (2008-2010г) // Сайт http://materinstvo.org/articles/price_on_childbirth.php#title
9. **Институт демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи (ИДСИ НАН)** // <http://polit.ua/documents/2010/01/11/demo.html>
10. **Зайцева З.Г.** Реалізація державної молодіжної політики у соціальній сфері діяльності центрів ССМ по напрямку “Соціальна підтримка молоді сім'ї” // Соціальна робота з дітьми, молоддю, жінками, різними категоріями сімей (З досвіду роботи центрів соціальних служб для молоді) / Упорядники Р.Г.Драпушко, З.Г. Зайцева. (науковий консультант), А.Г. Зінченко та ін.–К.: УДЦССМ, 1998.– С. 3 – 21.
11. **Жихарева З.А., Жихарев М.С.** Духовные основы традиционной русской семьи // Педагогический вестник. Ярославский гос. пед. университет. – 1998. – № 2/10. – С. 3 – 11.
12. **Кордонский М.Б., Ланцберг В.И.** Технология группы. Заметки из области социальной психологии неформальных групп. Изд. 4-е, переработ. и дополн.– Одесса-Туапсе, 1995.–132 с.
13. **Смелзер Н.** Социология: Пер. с англ.– М.: Феникс, 1994. – 688 с.
14. **Merton R.K.** Social Theory and Social Structure. – New-York: Free Press, 1957, 1968. – 147 p.
15. **Аргайл М.** Психология счастья: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. –336 с.
16. **Социальная траектория реформируемой России.** Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999. – 736 с.

Гордєєва Н. О. Соціально-демографічні зміни в Україні наприкінці 20 – поч. 21 ст. як показник дисфункції інституту сім'ї

Стаття включає частину дослідження соціально-демографічних

проблем, з якими стикається Україна в умовах соціальних змін останніх 20-ти років. Зберігаючи стабільність і добробут соціальної системи, соціальний інститут задовольняє потреби населення. Найдревніший та найконсервативніший інститутом, який є в будь-якому суспільстві і здатен зміцнювати здоров'я населення та його культуру – це родина. Емоційна напруженість, обумовлена соціальними змінами, розглядається як причина та як наслідок дисфункції сім'ї. У статті пропонується розглядати соціально-демографічні показники як об'єктивний індикатор не тільки якості життя населення, але й функціонування сім'ї та рівня (ефективності) державної сімейної політики. На підставі аналізу динаміки чисельності населення та міграційної активності, рівня народжуваності і смертності робиться висновок, що за роки незалежності населення України скоротилося майже на 6 млн. чол. Серед складових від'ємного приросту населення є низький рівень народжуваності та висока смертність. Щодо міграційної складової частини, яка, починаючи тільки з 2004 року, набула позитивних значень, то вона не компенсувала втрат, які зумовлені високою смертністю корінного населення. Дослідження впливу змін матеріально-економічного становища на здоров'я людей підтверджує дані інших авторів про те, що зниження економічного рівня супроводжується (з відривом від місяця до року) підвищенням рівня захворюваності, нещасних випадків і суїциду. Поліпшення ситуації залежатиме від функціонування інституту сім'ї та соціально-демографічної політики держави.

Ключові слова: сім'я, соціально-демографічний процес, чисельність населення, природний приріст, рівень народжуваності, рівень смертності, депопуляція, міграційна активність, соціальний інститут, функція, дисфункція, емоційна напруженість, якість життя., добробут.

Гордеева Н. О. Социально-демографические изменения в Украине конца 20 – нач. 21 ст. как показатель дисфункции института семьи

Социально-демографические изменения в Украине конца 20 – нач. 21 вв. как показатель дисфункции института семьи. Статья включает часть исследования социально-демографических проблем, с которыми сталкивается Украина в условиях социальных изменений последних 20-ти лет. Сохраняя стабильность и благосостояние социальной системы, социальный институт удовлетворяет потребности населения. Самым древним и консервативным институтом, присутствующим в любом обществе и способным укреплять здоровье населения и его культуру, является семья. Эмоциональная напряженность, вызванная социальными переменами, рассматривается как причина и как следствие дисфункции семьи. В статье предлагается рассматривать социально-демографические показатели объективным индикатором не только качества жизни украинцев, но также функционирования семьи и уровня (эффективности)

государственной семейной политики. На основе анализа динамики численности населения и миграционной активности, уровня рождаемости и смертности делается вывод о том, что за годы независимости Украина, пережила не лучший период своей истории, потеряв около 6 млн. человек (что может быть соизмеримо с ее потерями во Второй мировой войне). Среди составляющих негативного прироста населения – низкий уровень рождаемости и высокая смертность. Что касается миграционной составляющей, которая только с 2004 года приобрела позитивные значения, то она не компенсировала потерь, обусловленных высокой смертностью коренного населения. Исследования влияния изменения материально-экономического положения на здоровье людей подтверждают данные других авторов, что снижение экономического уровня сопровождается (с разрывом от месяца до года) повышением уровня заболеваемости, несчастных случаев и суицида. Улучшение ситуации будет зависеть от функционирования института семьи и социально-демографической политики государства.

Ключевые слова: Семья, социально-демографический процесс, численность населения, естественный прирост, уровень рождаемости, уровень смертности, депопуляция, миграционная активность, социальный институт, функция, дисфункция, эмоциональная напряженность, качество жизни, благосостояние.

Gordeeva N.O. Social – demographic changes in Ukraine in the end of the XXth – beginning of the XX1st centuries as a sign of dysfunction of the family institute

This paper includes part of an investigation of social-demographical problems that Ukraine faces in conditions of 20th-years social changes. Saving a social system in a stable condition and welfare social institutions satisfy the requirements of population. The most ancient and conservative institution which exist in any society and able to strengthen a human health and culture - is family. The emotional strain caused by the social changes in society considered as a cause and as an effect of family dysfunction. It is suggested in the paper to consider social-demographical indexes as an objective indicator not only of quality of Ukrainian life, but also of family functioning, and a level of domestic State policy. On the basis of analysis of dynamics of population and migration activity, birth-rate and death-rate we come to conclusion that during the years of independence Ukraine outlived not the best period of its history, when country has lost about 6 million people (as commensurably with losses in the Second World War). Among negative composites of population indexes there are birth-rate reducing and death-rate rising. As for migration composite, which only from 2004 obtained positive indexes, it did not cover human losses, caused by high level of native people' death. The investigations of influence of change of material-economic position on people health prove data of other scientists, that reduction of people's economic level is followed (with a distance from month to year) by a rising number of illnesses, accidents,

and suicides. The improving of situation will depend on family functioning and social-demographical State policy.

Key words: Family, social-demographic process, population, natural increase, birth-rate, death-rate, depopulation, migration activity, social institute, function, dysfunction, emotional strain, quality of life, welfare.

УДК 331.101.262:332.133.2

Злотников А. Г.

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

В конце мая на главной странице белорусского портала TUT.BY «Новости» появилась информация, что «Беларусь занимает 33-е место среди благоприятных для материнства стран». Эта информация основана на результатах ежегодного рейтинга Mother's Index, осуществляемого Международной гуманитарной организации Save the Children, которая в 2010 году проранжировала 160 стран мира по состоянию здоровья, материального достатка женщин и детей, образования и экономического статуса матерей. Беларусь в этом рейтинге занимает 33-е место, Россия – 38-е, Украина – 39-е, Молдова – 40-е. Вместе с тем, в 2005 г., когда Save the Children проранжировала 110 стран мира, Беларуси в этом рейтинге было отведено 15-е место, вблизи от таких высокоразвитых стран, как Австралия (9-е место), Великобритания (10-е место), Соединенные Штаты (11-е место), Япония (14-е место), Среди других постсоветских государств тогда рейтинг был следующим: у России – 25-е место, Украины – 29-е место. Хотя по сравнению с другими странами (прежде всего постсоветского пространства) у Беларуси самый высокий показатель, но ухудшение Mother's Index налицо, несмотря на то, что в стране в последние годы наблюдается преломление ранее сложившихся негативных демографических тенденций. В 2005 – 2009 гг. в Беларуси очевиден рост рождаемости, средней продолжительности жизни и снижения смертности.

Республика Беларусь, как и большинство европейских постсоветских государств, на рубеже XX–XXI столетий столкнулась с острым демографическим кризисом. В 1993 г. в стране впервые в условиях мирного времени было зафиксировано превышение уровня смертности над уровнем рождаемости. Впрочем, подобное на основе сложившихся тенденций в 60–70-е годы белорусскими демографами прогнозировалось еще в начале 80-х годов. Эти прогнозы предполагали, что демографическое развитие Беларусь в начале 90-х годов будет характеризоваться падением рождаемости и ростом смертности. Однако демографическая реальность 90-х и последующих годов превзошла

прогнозировавшиеся тенденции. Во-первых, уровень рождаемости оказался значительно меньшим, чем ожидалось, а рост смертности оказался выше прогнозных расчетов. Во-вторых, с падением рождаемости и ростом смертности, и как результат – с отрицательным сальдо естественного прироста Республика Беларусь столкнулась значительно раньше, чем предполагалось. Это означает, что общий тренд перспективных демографических изменений Беларуси был точен. В то же время их значительное превышение в негативном направлении выявляет роль новых факторов социального развития начала 90-х годов.

На общие демографические тенденции оказали влияние те глубокие и разнообразные социальные потрясения, с которыми Республика Беларусь столкнулась на протяжении XX века – сначала в составе России, затем в составе СССР, а с начала 90-х годов в качестве суверенного государства. Демографические изменения коснулись как городской, так и сельской местности, затронув все стороны демографической реальности – семьи, брака, рождаемости, смертности, миграции. Современная демографическая ситуация в Республики Беларусь отразила проходившие социальные, политические, экономические, технологические и культурные процессы – их сдвиги и перевороты. Они оказали огромное влияние на развитие всего социума, на все стороны его жизнедеятельности, изменив возрастной состав населения и многочисленные демографические структуры, трансформировав сферу производства, распределения и потребления. Это обусловило неизбежность появления новой организации отношений между различными социально-демографическими группами, кардинально изменив психологические установки и систему ценностей.

На современные демографические процессы оказывает существенное воздействие трансформации брачно-семейных отношений, важнейшими чертами которых стали: невысокая стабильность молодых семей; повышенная конфликтность в семье, результат которой – рост разводов; увеличение доли неполных семей; сокращение удельного веса 3-4-детных семей, которые обеспечивают расширенное демовоспроизводство. Итог их действия – относительное ослабление института семьи: легкость разводов, более позднее вступление в брак, увеличение доли лиц, никогда не состоявших в браке, либерализация половой морали, в результате чего не обеспечивается даже простое демовоспроизводство.

На рубеже 80-х–90-х годов в Республике Беларусь произошла социальная катастрофа, завершившаяся демографической катастрофой – депопуляцией. В демографическом плане депопуляция («недомовоспроизводство») означает постепенное исчезновение народа и его культуры, самоубийство государства. Для любой страны, в т.ч. и Беларуси, депопуляция неизбежно означает ухудшение ее геополитического положения в мире. Население Беларуси не воспроизводится уже около двух десятилетий. Ежегодное снижение

численности населения Республики Беларусь за 1990-2010 гг. составляло примерно около 45-50 тыс. чел.

В связи с этим демографическая ситуация в Беларуси оценивается как серьезная угроза устойчивому развитию и национальной безопасности страны и выдвинута в центр ее социальной политики, хотя по сравнению со многими другими государствами на постсоветском пространстве демографическая ситуация была не самая худшая. Так, во-первых, в Беларуси позднее, чем в других постсоветских государствах зафиксировано уменьшение численности населения страны. Во-вторых, для Беларуси характерны и меньшие показатели снижения численности населения (кроме России), к примеру, по сравнению с Литвой – в 1,5 раза, Украиной – в 1,8 и Латвией – в 2,8 раза.

Важным фактором демографического развития Беларуси последнего десятилетия XX века в результате социальных, этнических и конфессиональных конфликтов во многих регионах бывшего Советского Союза стал миграционный отток из этих регионов. С начала 90-х годов Беларусь по текущим статистическим данным (не только национальной, но и зарубежной статистики) имеет положительное сальдо миграционного прироста со всеми постсоветскими государствами. Это означало существенную трансформацию в миграционных процессах Беларуси, ибо до начала 90-х годов на протяжении всего XX века Беларусь покидало больше населения, чем прибывало на постоянное место жительства. Наибольший уровень миграционного прироста Беларуси последних десятилетий приходится на 90-е годы. В первое десятилетие XXI века миграционная интенсивность значительно снизилась, и особенно низкими показателями оно характеризуется в последние 5 лет. Тем не менее, по данным текущего статистического учета положительное миграционное сальдо Беларуси с Россией за 1991–2005 гг. составило – 116,9 тыс. чел., Украиной – 39, 2 тыс. чел., странами Балтии – 45,5 тыс. чел. В Беларусь из постсоветских государств на постоянное место жительства за этот период прибыло 608,8 тыс. чел., а выбыло – 320,0 тыс. чел., что принесло Беларуси положительное сальдо миграции в 288,8 тыс. чел. Это определяется активной социальной политикой белорусского государства в сфере занятости, образования и социальной поддержки населения. Относительно более стабильное по сравнению с другими новыми независимыми постсоветскими государствами развитие Беларуси, несмотря на негативный постчернобыльский имидж многих ее регионов, способствовало росту положительного сальдо миграционного обмена даже «чернобыльских» областей с постсоветским миром. Так, Гомельская область, среди регионов в наибольшей степени пострадавшая от катастрофы на ЧАЭС, за период 1991–2005 гг. со странами СНГ и Балтии имела положительное сальдо миграции в 30,0 тыс. чел., в т. ч. с новыми независимыми постсоветскими государствами, с которым Беларусь граничит (с Россией, Украиной, Литвой и Латвией) – 21,8 тыс. чел.

Однако, этот миграционный прирост только временно снизил остроту и восприятие демографических процессов. Дело в том, что на фоне более быстрого уменьшения численности населения других постсоветских славянских государств Беларусь внешне выглядела оазисом относительно лучшего демографического развития. Но тот демографический потенциал, который обеспечивался миграционным приростом, влиял на ухудшение его качественных характеристик, ибо в Беларусь, в основном, прибывало возрастное, достигшее пенсионного или близкое к пенсионному возрасту, население. Оно с репродуктивных позиций, естественно, не способствовало преодолению депопуляционных процессов.

Беларусью одной из первых на постсоветском пространстве была поставлена задача преодоления проблем, связанных с растущей депопуляцией и демографическим кризисом, что было отражено в принятом 4 января 2002 г. Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь». Этот документ открыл широкие правовые и организационные перспективы для решения демографических проблем в деле обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. В частности, Закон, прежде всего, определяет демографические угрозы национальной безопасности, которыми являются: депопуляция; старение населения; нерегулируемые миграционные процессы; деградация института семьи. В соответствии с Законом в 2002 г. была разработана и принята Государственная программа демографического развития страны на 2002–2005 гг. В сентябре 2005 г. Советом Министров Республики Беларусь была утверждена новая Республиканская программа демографической безопасности на 2006–2010 гг., которая в марте 2007 г. была трансформирована в Президентскую Национальную программу демографической безопасности на период 2007–2010 гг. Национальные программы демографической безопасности страны оказали позитивное влияние на целый ряд демографических процессов и характеристик: снижение младенческой и материнской смертности, снижение аборт, распространение современных методов контрацепции, и ряд других.

Уже в 2007 г. численность родившихся в Беларуси превысила сотысячный рубеж (103,6 тыс. чел.), что за последние 10 лет явилось наивысшим показателем. Хотя это даже меньше, чем в 1993 г., когда впервые демографическое развитие Беларуси стало характеризоваться отрицательным сальдо естественного прироста. Но следует иметь ввиду, что целое десятилетие (1996–2006 гг.) численность родившихся в Беларуси была меньше, чем численность родившихся в самом тяжелом в демографической истории Беларуси 1943 году.

За этот период существенно снизилась смертность и повысилась продолжительность жизни. Так, в 2007 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении впервые за последние 15 лет превысила 70-летний рубеж и ныне (2008 г.) она составляет 70,5 лет, хотя

до наивысших в истории страны показателей продолжительности жизни 72,9 года (1964–1969 гг.) еще далеко. За послевоенный период в Беларуси исчезло существенное различие в смертности между «материнскими» и «дочерними» поколениями, в результате чего смертность к концу XX века перестала влиять на воспроизводственную ситуацию. Она принципиально не влияет на реальный и необходимый для демовоспроизводства уровень рождаемости. К концу XX века смертность, как фактор репродуктивной деятельности поколений, практически исчерпала свою роль. Напротив, 96,5% женских смертей приходится на возраст 50 лет и старше, когда детей уже не рожают (за исключением единичных случаев). Конечно, это обстоятельство не снижает значение борьбы со смертностью. Гуманитарное, социальное, экономическое, политическое и прочее значение этой борьбы бесспорно. Но воспроизводственное значение смертности оказывается малозначительным. За счет снижения уровня смертности до сколь угодно низкого уровня абсолютно невозможно исправить демографическую ситуацию, и даже сколько-нибудь ее улучшить. Эта трансформация в факторах демографического развития, свидетельствует о том, что рождаемость и смертность находятся в разных ипостасях и «весовых» категориях. Подъем рождаемости – центральное, главное направление преодоления депопуляции. Преодоление других демографических угроз, в том числе угроз со стороны смертности, имеют другую направленность и природу.

Существенные изменения в Беларуси произошли в методах внутрисемейного планирования рождаемости. В последние годы в Беларуси наблюдается увеличение рождаемости. Так, в 2003 г. рождаемость в Беларуси составляла 9,0 ‰. В 2004 г. общий коэффициент рождаемости составил 9,1 ‰, в 2005 г. – 9,3, в 2006 г. – 9,9, в 2007 г. – 10,7, в 2008 г. – 11,2 и в 2009 г. – 11,9 ‰. Властными структурами этот оценивается, как поворот к преодолению негативных демографических тенденций, как результат действия демографических программ. Хотя рост численности родившихся и уровня рождаемости очевиден, но говорить о существенном улучшении демографической ситуации, повороте демографического барометра пока преждевременно. Рост уровня рождаемости в последние годы – явление не сугубо белорусское, что подтверждается и аналогичным ростом рождаемости в России и Украине (См. табл. 1). При этом следует отметить, что в России общий коэффициент рождаемости в 2008 г. был значительно выше (12,1 ‰), чем в Беларуси. В Украине – хоть он на уровне белорусской рождаемости (11,0 ‰), но за 2000-2008 гг. здесь темп роста рождаемости оказался значительно выше, чем в Беларуси. И это отражает связь роста рождаемости с увеличением численности женского населения активного репродуктивного возраста, как результата роста рождаемости периода 80-х годов, ибо демографическое развитие определяется взаимодействием совокупности многих социальных процессов и факторов, в том числе и тенденций прошлого.

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости в Беларуси, России и Украине,
а также их столиц за 2000–2008 гг., ‰

Годы	Беларусь	в т.ч. Минск	Россия	в т.ч. Москва	Украина	в т.ч. Киев
2000	9,4	9,1	8,7	8,5	7,8	7,3
2001	9,2	9,0	9,1	8,8	7,8	7,4
2002	8,9	9,0	9,7	7,9	8,1	8,1
2003	9,0	9,0	10,1	8,4	8,5	8,8
2004	9,1	9,1	10,4	8,8	9,0	9,8
2005	9,3	9,3	10,2	8,9	9,0	9,8
2006	9,9	10,0	10,4	9,0	9,8	10,4
2007	10,7	10,8	11,3	9,7	10,2	10,4
2008	11,1	11,4	12,1	8,5	11,0	11,6

Сопоставимый анализ тенденций рождаемости в Беларуси, России и Украине, а также в Минске, Москве и Киеве выявляет, что в Минске и Киеве рост рождаемости коррелирует с тенденцией роста рождаемости в Беларуси и Украине. В отдельные периоды белорусская и украинская столицы имели несколько ниже уровень рождаемости, чем в целом по соответствующим странам, ныне этот уровень здесь не несколько промилльных пунктов выше. А вот в отношении российской столицы – налицо устойчивая тенденция более низкого уровня рождаемости по сравнению с Россией в целом. В России выделяется низкий уровень рождаемости в «золотой» Москве, который, будучи даже меньшим, чем в целом по стране, но, тем не менее, не растет. Рождаемость в белорусской и украинской столицах отражают тенденции своих стран.

Сравнение тенденций уровня рождаемости трех столиц свидетельствует, что хотя эти города и притягивают молодежь, которая является валообразующей массой рождаемости, но Москва в этом плане больше представляет город для бизнеса, чем для полноценной (в демографическом плане) жизни. Киев и Минск, притягивая молодежь, предстают городами, которые создают условия и для жизни населения и для их экономической деятельности. Одновременно эти тенденции в рождаемости столиц характеризуют не только сами города и их условия, но и, во-первых, сам человеческий потенциал этих государств, а также, во-вторых, различие социально-экономических процессов России, Беларуси и Украины, которые существенно отличаются друг от друга. В перспективном глобальном социетальном плане такое различие показывает для других регионов ориентиры их демографического развития, ибо столицы определяют направления развития для «периферии».

Интерес представляют сопоставимые показатели естественного движения населения периферии – пограничных регионов России, Беларуси и Украины: Брянской, Гомельской и Черниговской областей (См. табл. 2). Они, во-первых, являются пограничными территориями восточно-славянского мира, во-вторых, в значительной степени пострадали и от катастрофы на ЧАЭС. Их демографическое развитие в этом смысле отражает тенденции «периферии», которая всегда может служить критерием результативности национальных демографических программ. В Гомельской области наблюдается более положительная тенденция, однако и она, конечно, не способствует даже простому воспроизводству поколений, не говоря уже о воспроизводстве в целом населения Беларуси.

Таблица 2

Сравнительные показатели естественного движения населения областей белорусско-российско-украинского пограничья за 2000–2008 гг., %

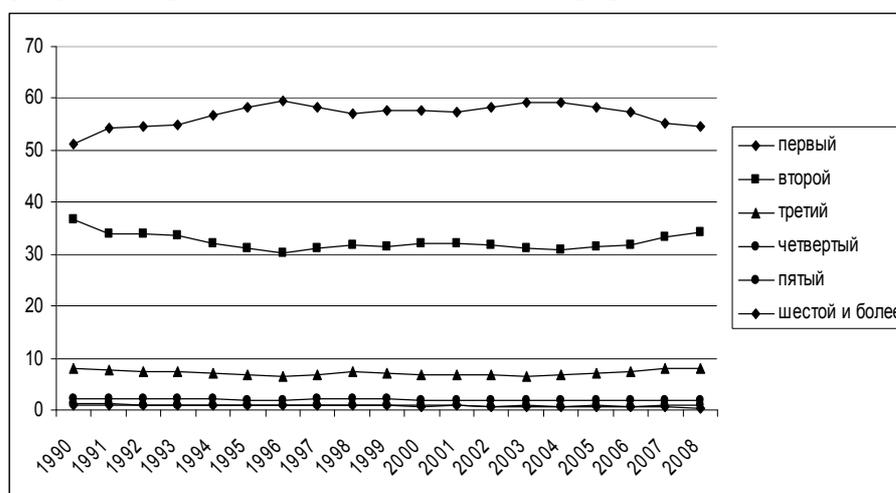
Годы	Брянская			Гомельская			Черниговская		
	Рож д.	Смер.	Ес.пр.	Рож д.	Смер.	Ес.пр.	Рожд.	Смер.	Ес.пр.
2000	7,8	18,2	-10,4	9,6	14,0	-4,4	6,9	19,7	-13,2
2001	7,9	17,9	-10,0	9,6	14,7	-5,1	6,7	19,8	-13,1
2002	8,6	19,2	-10,6	9,2	15,5	-6,3	7,0	20,0	-13,0
2003	9,1	19,1	-10,0	9,2	15,0	-5,8	7,2	20,4	-13,2
2004	9,2	19,0	-9,8	9,3	14,6	-5,3	7,5	20,7	-13,2
2005	9,0	19,8	-10,8	9,5	15,0	-5,5	7,5	21,6	-14,1
2006	9,1	18,6	-9,5	10,0	15,0	-5,0	8,1	21,1	-13,0
2007	10,2	17,8	-7,6	10,9	14,4	-3,5	8,3	21,3	-13,0
2008	10,9	17,7	-6,8	11,4	14,5	-3,1	8,9	21,2	-12,2

В последние годы в Беларуси вырос суммарный коэффициент рождаемости. Наименьшим он был в 2004 г., – 1,201 рожденных детей на одну женщину (в городской местности – 1,103, сельской – 1,611), в 2008 г. составил 1,424 (среди горожан – 1,337, среди сельчан – 1,796). Однако, этого по-прежнему недостаточно. Население Беларуси воспроизводится всего на 60–65%.

Расчеты веса структурных и других факторов в изменении рождаемости для 2006–2008 гг. показали, что прирост количества родившихся в республике зависит от структурных факторов всего на 10–12%. И именно изменение в структуре населения активного репродуктивного возраста, как результата роста рождаемости периода 80-х годов способствовало приросту рождаемости в эти последние годы. То, что всплеск рождаемости в Беларуси связан с увеличением численности

молодых женщин активного репродуктивного возраста, родившихся в начале 80-х годов, отражают следующие данные. Если в 2003 г., когда был зафиксирован самый низкий показатель рождаемости (9,0 ‰), численность женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте (20–29 лет) составляла 758,8 тыс. чел., то к началу 2009 г. их численность уже составила 790,5 тыс. чел. Это естественно способствовало приросту рождаемости в 2007 г. на 7,1%, в 2008 г. – 4,1%. А если учесть, что за 2003–2009 гг. численность населения Беларуси уменьшилась более чем 400 тыс. чел., то «рост» рождаемости в относительных величинах камуфлирует истинные демографические процессы.

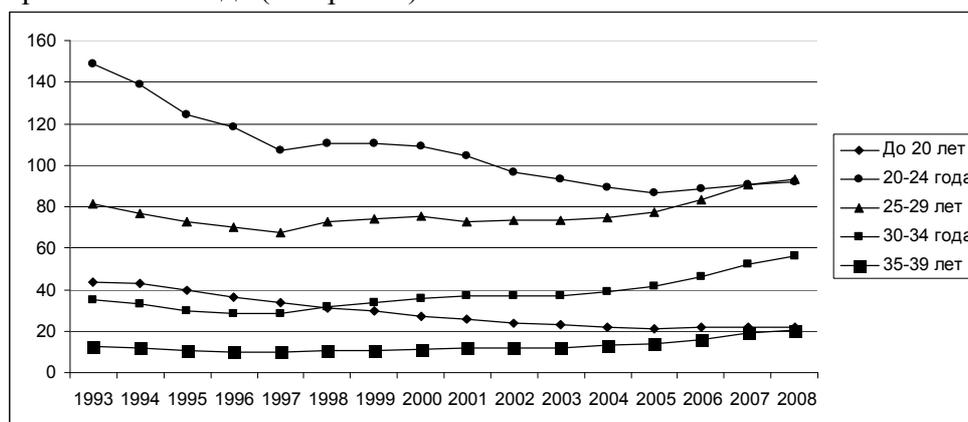
Хотя в последние годы в демографической ситуации в Республике Беларусь происходят некоторые позитивные перемены, однако, негативные демографические процессы в стране не преодолены. Остается незначительной доля рождений третьего ребенка в семье. Более половины родившихся составляют первенцы. Третьими родившимися являются лишь от 6,5 до 7,5 % детей (См. рис. 1). Не наблюдается и увеличения коэффициента рождаемости в возрастной когорте 20–29 лет. В результате демографическая ситуация в стране по-прежнему характеризуется отрицательным естественным приростом населения.

Рис. 1. Динамика очередности рождения в Беларуси за 1990–2008 гг., в %.

Этот всплеск рождаемости последних лет является, прежде всего, следствием вступления в активный репродуктивный возраст поколения, родившегося в начале 80-х годов. Именно этот период характеризовался высоким уровнем рождаемости, что в соответствии с законом «демографических волн» отразил нынешний рост рождаемости на постсоветском пространстве. Этот рост рождаемости обусловлен главным образом увеличением численности женщин возраста 20–29 лет, являющихся основной когортой, обеспечивающих эту рождаемость: на эту возрастную группу приходится более двух третей (68 %) рождений.

родившихся, а из них 55–56 % рождаемости дают молодые женщины возраста 20–24 года (См. рис. 2).

Рис. 2. Динамика возрастных когорт рождаемости в Беларуси за 1993–2008 гг., в ‰

Материалы последней национальной переписи населения Республики Беларусь, состоявшейся 14 октября 2009 г., зафиксировали численность населения страны в 9489,2 тыс. чел. Это почти на 180 тыс. чел. меньше, чем на начало 2009 г., когда численность населения Беларуси по данным текущей статистики составляла 9671,9 тыс. чел. По результатам прошедшей переписи численность населения Республики Беларусь на начало 2009 г. была «скорректирована» – с 9671,9 тыс. чел. до 9493,2 тыс. чел. Если учесть, что наибольшая численность населения Беларуси составляла 10367,5 тыс. чел. (на начало 1993 г.), то численность населения страны за последние 17 лет уменьшилась более чем на 887 тыс. чел.

Это уменьшение численности населения и эта корректировка являются не только следствием минусового естественного движения населения, но результатом трудовой миграции, которая составляет почти шестую часть (примерно 800 тыс. чел., из которых около 500 тыс. чел. заняты на российском рынке труда, а около 300 тыс. чел. в западном векторе) экономически активного населения Республики Беларусь. Именно трудовая миграция вносит существенные коррективы в демографические процессы и показатели, их отражающие. В частности, статистика по безвозвратной международной миграции, как отмечалось выше, со странами СНГ и Балтии дает для Беларуси положительное сальдо миграции, но трудовая миграция превращает миграционные процессы Беларуси в отрицательные. Такое уже было после корректировок первой национальной (1999 г.) переписи населения, которая показало, что по сравнению с текущим статистическим учетом, утверждавшим о положительном сальдо миграции, реальное сальдо миграции было отрицательным. Но в последнем десятилетии прошлого

века оно дало минус 25 тыс. чел., в текущем десятилетии по нашим расчетам (в отличие от текущего статистического учета) это отрицательное сальдо миграции составит более 150 тыс. чел. В целом же, исходя из исторических тенденций, примерно две трети трудовой миграции может в перспективе составить безвозвратную миграцию. В связи с тем, что половозрастной состав трудовой миграции представляет наиболее активную репродуктивную часть населения Беларуси, то она становится важным социо-экономическим фактором сохранения негативных демографических тенденций.

Но кроме этой количественной характеристики тенденций современной демографической ситуации, важным фактором перспективных демографических процессов является и тенденции качественных составляющих демографического развития, таких как возрастные коэффициенты рождаемости, а также очередность родившихся детей у молодых матерей. В последние годы в этом аспекте в стране появились благоприятные тенденции. Хотя средний возраст современной женщины, родившей первого ребенка в Беларуси, отодвигается за 24 года (в 1996 г. – 23 года, в 2000 г. – 23,3, в 2003 г. – 23,6 и в 2008 г. – 24,4 года), но в порядке очередности рождений увеличивается доля тех, с которыми связывается тенденция к росту рождаемости. Рождаемость по очередности характеризуется следующими показателями: в 2000 г. 57,8 % среди родившихся был первый ребенок, 32,0 – второй и 10,2 % – третий и более. В 2003 г. – первенцами в семье было 59,1 % родившихся, вторыми – 31,1 и третьими и последующими – 9,8 %. В 2008 г. первый ребенок родился у 54,8 % матерей, второй – у 34,1 % и третий и последующий – уже у каждой девятой женщины (11,1 %). Конечно, это не делает поворот к расширенному воспроизводству, но тенденция – явно положительная.

Трансформация тенденций демовоспроизводственных процессов связано с репродуктивным поведением и репродуктивными установками молодежи. В современных условиях для нее характерно одновременное совмещение многих жизненно важных функций – в процессе социализации, сфере образования, экономической деятельности и на профессиональном поприще, что сказывается на формировании семейных отношений – создания или не создания семьи. Эти объективные экономические и социальные предпосылки отражаются на преобразовании и современной индустриальной нуклеарной семьи, а, следовательно, и новых тенденций и новых форм в семейно-бытовых отношениях. Эта долговременная социокультурная тенденция изменения семьи характеризуется уменьшением ее размера и упрощением структуры, одним из явлений которых является процесс малодетности.

Вместе с тем, несмотря на коренные социокультурные перемены, семья по-прежнему занимает ведущее место в иерархии ценностных ориентаций молодежи. Хотя ценностные семейные ориентации, как показывают социологические исследования в

Республіке Беларусь, находятся на первом месте, в каждой социальной группе они имеют свое, отличное от иных социальных общностей содержание. Для молодежи любовь и брак по-прежнему являются одними из главных жизненных ценностей. Изменения, внесенные трансформацией социокультурных норм и традиций, проявляются в существенном снижении степени влияния старшего поколения на формирование у молодежи представлений о семейных ценностях. Но для современной молодежи семья и брак является не столько традиционным социальным институтом, сколько союзом индивидов. Их главное назначение – межличностное общение заинтересованных в близости людей, совместное разрешение ими жизненных проблем, проведение свободного времени, получение удовольствия от разнообразных форм общения, из которых на первых порах сексуальное общение является доминирующей ценностью.

В демографическом плане социокультурные изменения объективно ориентируют семью на меньшее количество детей. А малодетная семья (один-два ребенка) не обеспечивает расширенного демовоспроизводства. Причем, как свидетельствуют мониторинговые социологические исследования, проведенные в рамках Государственной комплексной программы научных исследований Беларуси «Экономика и общество» (в 2008 г. опросом было охвачено по территориальной и возрастной репрезентативной выборке 964 чел., а в 2009 г. – 1043 чел.), сложившийся малодетный тип семьи воспроизводит эти малодетные ориентации. Хотя при этом женщины-респонденты по-прежнему считают, что в системе их главных жизненных ценностей доминируют прежде всего семейные ценности. Но в этих семейных ценностях почти половина опрошенных (47,3 %) имеет только одного ребенка, еще пятая часть (21,2 %) имеет по двое детей, но при этом почти столько же (23,2 %) не имеют совместных детей, хотя у многих из них есть дети от других браков. А вот трое и более детей (а это основа расширенного демовоспроизводства) имеет только двадцатая часть опрошенных (5,1 %). Не улучшились семейные ценностные ориентации и по итогам опроса 2009 г.

В этом плане важным является выяснение демографических ориентаций. Ответы на вопрос «Сколько детей Вам хотелось бы иметь, если бы Вам были созданы все необходимые для Вашей жизни условия?» дали следующую картину: только одного ребенка в этом случае могли бы иметь 9,4 % респонденток, двух – 50,4 %, трех – 26,5 % и четверых и более – 6,3 % (ни одного – 2,4%). В 2009 г. соответственно только одного ребенка в этом случае хотели бы иметь 7,5 % респонденток, двух – 53,8 %, трех – 27,2 % и четверых и более – 4,5 %. Но это может обеспечить только простое демовоспроизводство, да и только в том случае, если матерям будут созданы все необходимые для их жизни условия. Это значит, что потенциал демографического роста и изменения демографической ситуации в лучшую сторону имеется, но он требует значительных затрат

(создать все необходимые для этого условия). Но и этот потенциал не выводит демографическую ситуацию в Беларуси на расширенное воспроизводство, а значит – сложившиеся инерционные демографические процессы будут воспроизводиться.

Злотніков А. Г. Тенденції сучасного демографічного розвитку Білорусі

У демографічному розвитку Білорусі відбувається зміна моделі соціально-демографічного розвитку. Здійснюється перехід від екстенсивного типу демовідтворення до інтенсивного (зростання соціальної, фізичної і психічної якості населення). При цьому відбувається відтворення інерційних демографічних процесів, соціальний механізм яких сформувався попереднім розвитком.

Ключові слова: демографічний розвиток, демографічні тенденції, сім'я, депопуляція, міграція, чисельність населення.

Злотников А. Г. Тенденции современного демографического развития Беларуси

В демографическом развитии Беларуси происходит смена модели социально-демографического развития. Осуществляется переход от экстенсивного типа демовоспроизводства к интенсивному (возрастание социального, физического и психического качества населения). При этом происходит воспроизводство инерционных демографических процессов, социальный механизм которых сформировался предшествующим развитием.

Ключевые слова: демографическое развитие, демографические тенденции, семья, депопуляция, миграция, численность населения.

Zlotnikov A.G. Tendencies of the contemporary demographic development of Belarus

In the demographic development of Belarus there is a change of a model of social-demographical development. The transition from extensive to intensive type of demo-reproduction (increase of social, physical and mental quality of the population). At the same time there is a reproduction of inertial demographic processes which social mechanism was formed by the previous development.

Key words: demographic development, demographic tendencies, family, depopulation, migration, population.

УДК 130.3

Маслихин А. В.

ОБЩЕСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕЛОГО И ЧАСТИ В РАЗВИТИИ НАЦИЙ

Научная социология рассматривает национальный вопрос как один из сложнейших и важнейших вопросов современной общественной жизни. Капитализм не только породил нации, национальные различия и национальный гнет, но и создал *национальный вопрос*, охватывающий проблемы происхождения и развития наций, характер национальных движений, освобождение эксплуатируемых народов от национального гнета и создание принципиально новых отношений между ними, основанных на равенстве, взаимопомощи и дружбе.

Национальные отношения, как на глобальном уровне взаимодействия народов, так и на постсоветском пространстве проявляют себя во всех основных сферах общественной жизни – экономической, социальной, политической, духовной.

Социологические закономерности в решении национального вопроса в социально-политической сфере преломляются следующим образом: ликвидация основных форм национального гнета и принуждения; обеспечение суверенного права народов на самоопределение и их свободное развитие; добровольность объединения наций и народностей в многонациональном государстве; создание народами своей национальной государственности в той или иной форме; добровольное формирование союзного государства и т.д.

В экономической сфере к числу общих закономерностей и принципов решения национального вопроса относятся: ликвидация социально-экономической отсталости народов; преодоление кризисов и обеспечение ускоренных темпов их экономического развития; организация помощи и взаимопомощи наций и народностей; постепенное выравнивание уровней их экономического развития.

В области культуры такими закономерностями и принципами являются: ликвидация культурной отсталости народов; утверждение в национально-государственной идеологии идей равенства и сотрудничества народов; всестороннее развитие их культур (науки, литературы, искусства); преодоление тенденций великодержавного национализма и местного сепаратизма.

Общие закономерности и принципы решения национального вопроса проявляются в условиях яркого разнообразия национальных, исторических, природных условий жизни народов на постсоветском пространстве, прежде всего в России, Украине и Беларуси. Это закономерно порождает своеобразие форм, методов, темпов его разрешения в начале XXI века.

Для достижения большей полноты и глубины раскрытия поставленной проблемы следует ввести категории: *часть* и *целое*. Они помогут выявить ряд закономерностей в развитии наций в условиях многонациональных обществ и сформулировать ответ на множество актуальных вопросов. Например, какова роль наций (частей) в прогрессе многонационального общества (целого)? С другой стороны, – какова роль многонационального общества (системы) в возникновении и развитии наций (частей)? Могут ли существовать друг без друга часть (нация) и целое (многонациональное общество) и, наоборот, многонациональное общество без своих частей?

Помимо всего прочего, выявление взаимосвязей части и целого, наций и многонационального общества позволяет предложить объективную, взвешенную оценку идеям и действиям государственных лидеров недавнего прошлого, связанным с разработкой и реализацией политического курса в сфере межнациональных отношений.

Учитывая многогранность, сложность, масштабность взаимодействия части и целого (в широком смысле – теории систем и системного метода), изложим его содержание в самом кратком виде.

Одним из важнейших атрибутов объективной реальности является способность предметов и явлений объединяться в целостные системы и расчленяться на образующие их компоненты, части. Это свойство находит свое выражение в категориях *целого* и *части*.

В объективном мире существует бесчисленное множество различного рода систем. Все они, в зависимости от характера связи их частей, делятся на неорганизованные, или суммативные; организованные и органические.

Органическая целостность – это высший тип организованной целостности. Самыми сложными целостностями являются социальные системы, которые включают в себя множество компонентов и взаимосвязей между ними. Сложной многонациональной системой являлся СССР, а ныне – Россия, Украина, Беларусь и др. страны.

Важно определить понятие целостной системы, выявить всю совокупность присущих ей качеств, а также установить сущность взаимодействия целого и части. *Целостная система* – это сложный комплекс компонентов, частей, взаимодействие которых порождает новые интегративные качества, не свойственные образующим ее элементам. Ее главными особенностями являются *саморазвитие* и *самовоспроизведение* частей.

Перечислим основные признаки целостных систем:

1. Основным свойством целостной системы является наличие в ней интегративных качеств, не сводимых к сумме свойств образующих ее частей.

2. Целостной системе присущ определенный состав компонентов, частей.

3. Качественную специфику системе придает ее структура – внутренняя организация системы, способ взаимосвязи образующих ее частей.

4. Всякая система активна, деятельна, это проявляется, прежде всего, в ее функциях. Функциональная зависимость имеет место как между отдельными компонентами системы, так и между компонентами и системой в целом..

5. Общественные системы – это самоуправляемые системы двух типов, стихийные и сознательные. Управление немисливо без информации, последняя характеризует состояние целостной системы в каждый момент ее функционирования и развития.

6. Каждая социальная система проходит через интегративные формы развития – прогресс, регрессивные тенденции, круговороты.

7. Функционирование и развитие целостных систем происходит в рамках природной и социальной сред. С природной средой социальная система находится в вещественно-энергетическом взаимодействии, беря в ней вещество и энергию для организации материального производства, жизни и развития людей. Социальной средой для конкретного общества выступают другие общественные системы, с которыми оно находится в экономическом, политическом, культурном информационном взаимодействии.

Природу целого можно понять при условии раскрытия сущности его частей и взаимосвязей между ними. В широком, философском смысле слова части – это элементы, органы, явления, процессы, взаимодействие которых и образует целое, возникновение системных качеств.

Целое и часть соотносятся друг с другом следующим образом. Целое и часть едины, они неразрывно связаны и взаимодействуют между собой. Единство целого и части проявляется в том, что сами по себе, без взаимной связи они существовать не могут. Иначе говоря, целое немисливо без образующих его частей, так как оно является результатом их взаимодействия; в свою очередь, часть всегда принадлежит конкретному целому, занимает в нем определенное место и выполняет те или иные функции.

В соотношении целого и части ведущей стороной выступает целое. Части подчинены целому, функционируют и развиваются в его рамках. Иначе говоря, целостная система, ее закономерности выступают как доминанты по отношению к своим компонентам, частям.

Утверждение, что во взаимодействии целого и части ведущая роль принадлежит целому, вовсе не умаляет значения и роли частей. Те или иные изменения в содержании компонентов, в их взаимосвязи друг с другом с необходимостью вызывают соответствующие перемены в системе и ее функциях.

Подчиняясь целостной системе, компоненты, части обладают относительной самостоятельностью, определенной степенью свободы.

Во-первых, эта самостоятельность проявляется в том, что каждая часть обладает своими специфическими свойствами, «индивидуальной жизнью».

Во-вторых, относительная самостоятельность частей выражается в их пространственной локализации, расчлененности, дифференцированности.

В-третьих, части целого различаются временем своего существования.

В-четвертых, каждая часть обладает своими специфическими свойствами, отличными как от свойств целого, так и от свойств других его частей. Все части служат целому, но каждая из них служит по-своему, «отвечает» за определённые свойства, черты, грани целого. Например, в обществе специализация частей раскрывается в его сферах – экономической, социальной, политической, духовной, а также в общественном разделении труда.

В истории философско-социологической мысли велась дискуссия: что первично – целое или часть?

Одни социологи утверждали первичность частей по отношению к целому (Г. Спенсер). Другие же, наоборот, полагали, что целое логически и онтологически предшествует своим частям. Так, в частности, поддерживая эту идею, Н.О. Лосский, писал: «Ни одно философское направление не может обойтись без идеи такого целого, которое первее своих элементов» [1, с. 11].

Обе эти позиции представляются нам ошибочными. Более того, сама постановка вопроса, что первично: целое или часть, – на наш взгляд, неправомерна. Часть не может быть первичной по отношению к целому потому, что она, как таковая, является только в связи, в соотношении с целым. Точно также и целое вне своих частей есть ничто.

Утверждение о том, что целое не может быть по времени первичным по отношению к своим частям, не означает, что оно не может предшествовать некоторым своим частям. Точно также, порой, и некоторые части предшествуют целому. Объективная действительность сложна, она даёт место фактам и подобного содержания. Таким образом, между целым и частью имеет место функциональная зависимость.

Взаимодействие целого и части ярко проявляется на уровне развития наций и национальных отношений. Нации – основной, но далеко не единственный элемент социально-национальной структуры общества. Помимо наций, в эту структуру входят национальные группы, этнические группы, национальные отношения.

Национальные группа – это, как правило, небольшая по своей численности общность, входящая в состав какой-либо некоренной для данной страны или региона нации. Социальные и этнические связи национальных групп со своими нациями-государствами чаще всего имеют тенденцию к ослаблению. Именно поэтому с течением времени этнокультурные особенности людей, составляющих национальные

группы, утрачиваются, происходит их постепенная ассимиляция нациями, совместно с которыми они постоянно проживают, перенимая их язык, традиции, обычаи. В экономическом и социально-политическом отношениях национальные группы практически ничего общего не имеют с основной массой своих соплеменников, от которых они оказались оторванными в силу тех или иных исторических процессов. Вместе с тем, национальные группы, как правило, сохраняют, а иногда и вовсе тщательно оберегают язык, особенности быта, обычаи и традиции, свойственные их родной нации. Примером здесь может служить довольно большая по численности группа марийцев (Россия), проживающих в Башкирии с XVII века и образующих марийскую национальную группу восточных мари. Компактно мари живут также в Татарии, Удмуртии, Нижегородской, Кировской, Свердловской и Пермской областях, в Казахстане, на Украине, в Узбекистане.

На территории республики Марий Эл (Россия) тоже есть национальная группа, это татары, проживающие в Параньгинском районе.

Жизнь национальных групп в различных государствах неодинакова. Как правило, она сложна, порой даже трагична; зависит от сроков проживания, характера общественно-политического строя, уровня развития демократии, объема гражданских свобод, особенностей национальной политики правительства. Например, после распада СССР 25 млн. русских и русскоязычных людей превратились в представителей национальных меньшинств на территориях вновь образовавшихся государств Балтии, Средней Азии и Закавказья.

Этническая группа – это немногочисленные группы людей, насчитывающие, как правило, от нескольких тысяч до нескольких сот человек. Основой их объединения являются почти исключительно этнические признаки: самосознание, язык, осознание общности происхождения и единой истории, культуры, быта, традиций. Ярким примером этнической общности являются цыгане, расселившиеся почти по всему миру.

Помимо национальных и этнических, этнографы выделяют еще и этнографические группы, выступающие как структурный элемент тех или иных наций. *Этнографические группы* – это такие общности, которые уже практически слились с коренными нациями, но еще сохраняют некоторые отличительные особенности быта, обычаи и традиции. В России таковыми являются поморы, камчадалы, казаки и т.д.

Как было сказано выше, в национальную структуру общества наряду с нациями, национальными, этническими и этнографическими группами входят и национальные отношения. Эти отношения подразделяют на межнациональные, внутринациональные и межличностные. Каждый их вид имеет свои отличительные особенности, масштаб, уровни и значимость. Наиболее масштабны и значимы межнациональные отношения. Субъектами их являются нации; сферами

проявления – экономика, политика, социальная и духовная жизнь народов. *Межнациональные отношения* существуют на макроуровне – между нациями-государствами, в границах многонационального государства или региона. По своему содержанию межнациональные отношения бывают различными: нормальными, дружескими, антагонистическими.

Внутринациональные отношения – это взаимосвязи между национальными, этническими и этнографическими группами, возникающие по поводу хозяйственных, территориальных, языковых, культурных и прочих проблем.

Межличностные национальные отношения – это взаимодействия между людьми различных национальностей. Эти отношения проявляют себя на микроуровне: в производственных коллективах, учебных заведениях, государственных учреждениях и т.д. Они принимают разные формы: от солидарно-дружеских до конфликтно-враждебных.

Рассматривая компоненты национальной структуры общества, нельзя обойти вниманием и такие понятия, как *национальность*, *национальные меньшинства*.

Термин *национальность* употребляется в различных смыслах. В одних случаях его значение приравнивается к значению понятия *народ*, независимо от того, идет ли речь о нации, народности, национальной или этнической группе. Тогда как, на наш взгляд, термин *национальность* следует использовать, прежде всего, для обозначения национальной принадлежности человека.

Понятие *национальное меньшинство* обозначает количественно меньшую, чем основная часть населения страны группу лиц какой-либо национальности. К национальным меньшинствам, как правило, относят народности, национальные и этнические группы.

Особое место в категориальном аппарате национальных отношений занимает понятие *народ*. Оно обозначает сложное по своей структуре этносоциальное явление, включающее в себя три вида общностей людей: государственную, этническую и социальную. *Народ как государственная общность* представляет собой совокупность граждан данного государства, которых объединяют политико-правовые нормы, территория, политическая организация общества. Как этническая категория, *народ* означает: род, племя, народность, нацию. Например, можно сказать: *русский народ* и *русская нация* – оба выражения будут верными. И, наконец, *народ как социальная общность* характеризует взаимосвязанную совокупность классов, слоев и групп населения страны, участвующих в исторических событиях и способствующих общественному прогрессу.

Понятие *народ* в качестве социальной общности применимо и к Республике Марий Эл (Россия). Народ Республики Марий Эл состоит не из одной нации, а из всех людей, живущих на ее территории. Конкретнее

можно сказать так: в него входят – рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, социальные группы, марийская нация, а также представители всех других наций, которые трудятся на её территории (русские, чуваша, татары, украинцы, мордва и т.д.).

При исследовании национальных проблем большое значение имеет вопрос о различиях между нациями и классами. Социология этот вопрос разрешает следующим образом. И нация, и класс представляют собой большие группы людей. Класс может объединять в себе представителей разных наций. В свою очередь всякая нация в социальном отношении представляет собой совокупность классов.

В этой связи позволим себе напомнить отличительные признаки социальных классов. Один класс отличается от другого по месту в исторически определенной системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда, по способам и размерам получаемого общественного богатства.

Нации и классы теснейшим образом связаны между собой. Классовая и национальная структуры представляют собой два взаимозависимых вида, две пересекающиеся плоскости социальной дифференциации. Классовая структура общества функционирует в условиях существования национальных различий. И наоборот, национальные различия проявляют себя в рамках классово организованного общества.

Классовые различия пронизывают всю жизнь нации, а в условиях капитализма раскалывают ее на противоположные части. Однако, как бы не проявлялась классовая борьба, она не может разрушить этническую целостность нации. Рассуждая о классах и классовой борьбе, нельзя упускать из виду существование национальных общностей людей. И наоборот, рассуждая о нациях, нельзя забывать, что они состоят из классов.

Социология дает возможность дифференцировать нации на два типа: буржуазные и социалистические, отличающиеся друг от друга по многим параметрам. При капитализме и социализме коренным образом меняются типы наций, её социальная природа.

Существенным вкладом в развитие этой теории являются также постановка и исследование вопроса о роли наций в общественном прогрессе. Выделенный аспект теории наций и национальных отношений получил детальную проработку в рамках устойчивых парадигм социального развития начала XXI века. Основные ее результаты таковы.

Во-первых, нация на основе национальных интересов одновременно выступает и формой сплочения людей, и формой их общения, и формой связи друг с другом. Она мобилизует своих представителей на создание материальных и духовных ценностей.

Во-вторых, источник национального развития заключен не просто в духе нации, а в разнообразных потребностях и условий жизни

ее представителей. Поскольку эти потребности имеют место как при капитализме, так и при социализме, постольку на данных ступенях исторического прогресса нации будут существовать и развиваться.

В-третьих, в широком аспекте нация выступает как форма утверждения и развития всего комплекса общественных отношений – экономических, социально-политических, идеологических и культурно-духовных.

В-четвертых, потребность в национальном развитии является движущей силой общественного прогресса; ее можно поставить в один ряд с такими факторами социальной эволюции, как потребность в развитии материального производства, культуры, науки, образования и т. п.

Литература

1. Лосский Н.О. Мир как органическое целое. – М.: Г.А. Леман, С.И. Сахаров. 1917. – 170 с.

Масліхін А.В. Загальносоціологічні закономірності взаємодії цілого й частини в розвитку націй

Національне питання. Закономірність розвитку нація. Ціле й частина. Національність. Народ і розвиток.

Ключові слова: ціле, частина, нація, національне питання, національна структура суспільства.

Маслихин А.В. Общесоциологические закономерности взаимодействия целого и части в развитии наций

Национальный вопрос. Закономерности развития наций. Целое и часть. Национальность. Народ и развитие.

Ключевые слова: целое, часть, нация, национальный вопрос, национальная структура общества.

Maslihin A.V. General sociological regularities of interaction of the whole and a part in the nation development

The Nationality question. The Regularities of the nation development. The whole and a part. The Nationality. People and development.

Key words: the whole, a part, nation, national issue, national structure of a society

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

1. **Бабосов Євген Михайлович** – доктор філософських наук, професор, академік Національної академії наук Білорусі, завідувач відділу політичної соціології та інформаційних технологій Інституту соціології НАН Білорусі.
2. **Воропаєва Тетяна Сергіївна** – кандидат психологічних наук, доцент Київського національного університету імені Тараса Шевченка.
3. **Гордєєва Наталія Олегівна** – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету внутрішніх справ.
4. **Злотніков Анатолій Геннадійович** – кандидат економічних наук, доцент, завідувач кафедри Білоруського торговельно-економічного університету споживчої кооперації (м. Гомель).
5. **Каменська Тетяна Григорівна** – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І.І. Мечникова.
6. **Катаєв Станіслав Львович** – доктор соціологічних наук, професор Класичного приватного університету (м. Запоріжжя).
7. **Кононов Ілля Федорович** – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
8. **Кузьмін Микола Миколайович** – кандидат філософських наук, доцент кафедри гуманітарних та економічних дисциплін економіко-правового факультету Одеської національної юридичної академії (м. Сімферополь).
9. **Лебідь Лілія Іванівна** – кандидат соціологічних наук, старший викладач кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
10. **Лобас Володимир Хомич** – доктор філософських наук, професор Університету економіки та права “КРОК”(м. Київ).
11. **Масліхін Олександр Віталійович** – доктор філософських наук, професор Марійського державного університету (м. Йошкар-Ола).

12. **Молодцов Борис Іванович** – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
13. **Попов Василь Борисович** – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
14. **Тягнібедіна Ольга Стефанівна** – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
15. **Уколова Аліна Анатоліївна** – аспірант кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
16. **Хобта Світлана Вікторівна** – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.
17. **Цибульська Наталія Василівна** – кандидат соціологічних наук, доцент Білоруського державного економічного університету (м. Мінськ).
18. **Чантурія Анжеліка Володимирівна** – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукове видання

ВІСНИК
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(соціологічні науки)

Відповідальний за випуск:
д. с. н., проф. **Кононов І. Ф.**

Здано до склад. 25.05.2010 р. Підп. до друку 25.06.2010 р. Формат 60x84 1/8.
Папір офсет. Гарнітура Times New Roman. Друк ризографічний.
Ум. друк. арк. 23,13. Наклад 200 прим. Зам. № 96.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. т/ф: (0642) 58-03-20.
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.